

Дорогие друзья!

Уважаемые читатели «Сибирских огней»!

История нашей Новосибирской области является яркой и значимой страницей в истории России. Здесь, на сибирской земле, вершились многие славные дела и события, которые имели общегосударственное, общероссийское значение. Обращение к этим событиям, их изучение и, главное, бережное сохранение памяти о них является необходимым и востребованным для нашего сегодняшнего дня. Ведь хорошо известно, что новое современное здание можно возводить лишь на прочном фундаменте. А наша история, несомненно, является именно таким фундаментом.

Создание и существование Сузунского медеплавильного завода — не исключение. Являясь составной частью Колывано-Воскресенского горного округа, Сузунский завод играл важную роль в становлении сибирской промышленности, которая верно служила государственным интересам обширного и развивающегося края. Обращение к тем давним временам, внимательное их изучение вызывает невольную гордость за деяния наших предков. Музейный комплекс «Сузун-завод. Монетный двор», успешно действующий в рабочем поселке Сузун, уже стал своеобразным центром проведения самых различных мероприятий, встреч, экскурсий, когда воочию можно увидеть старинные экспонаты и проникнуться атмосферой давно миновавших времен.

Данную работу необходимо продолжать и совершенствовать, и она обязательно принесет свои добрые плоды.

Я от всей души, искренне желаю читателям этого специального выпуска журнала «Сибирские огни» увлекательного и познавательного путешествия в историю родного края, которую необходимо знать и помнить.

А. А. Травников,
Губернатор Новосибирской области

ВПИСАН

В ИСТОРИЮ РОССИИ...

От составителей

5 декабря 1763 года, после обширной переписки между различными ведомствами и, как бы сейчас выразились, органами госвласти, появился именной — заверенный самой императрицей Екатериной II — указ. В нем «во всенародное известие», дабы каждый подданный Российской империи о том знал, объявлялось: будет отныне в Сибири своя монета чеканиться.

Начальство Кольвано-Воскресенского горного округа, крупнейшего административно-хозяйственного комплекса на юго-востоке Западной Сибири, подчинявшегося непосредственно Кабинету ее императорского величества, тогда еще даже места для постройки монетного двора не выбрало и как приступить к этому новому для здешних палестин делу, толком не ведало. Но пути назад уже не было.

В мае 1764 года на реке Нижний Сузун началось возведение медеплавильного завода и монетного двора при нем. Строительство зданий и подготовка к монетному переделу (то есть переделке металла в монету, ее чеканке) сопровождались многочисленными трудностями. Но самая большая беда приключилась 14 июня 1765 года — новопостроенный монетный двор, практически готовый к запуску, сгорел дотла.

К чеканке сибирской медной монеты, предписанной указом Екатерины II, приступили лишь в сентябре 1766 года.

Сузунский монетный двор постоянно преследовали какие-то несчастья. Как свидетельствуют архивные источники, «он устроен был первоначально в 1764 г., а в 1765 г. сгорел; в 1766 г. возведен вновь, а в 1775 г. был поврежден наводнением; в 1802 г. снова поврежден наводнением, а в 1828 г. опять сгорел до основания». В 1829 году, как сказано в этом же рапорте главного начальника Алтайских горных заводов министру финансов, монетный двор отстроили заново. Но 25 ноября 1847 года случился очередной пожар. Этот пожар стал последним — после него монетный двор восстанавливать уже не стали.

Несмотря на все препятствия, Сузун, откуда не истребил огонь монетные фабрики окончательно, ежегодно и относительно стабильно производил медные деньги. С 1766 по 1781 год — особые, обращавшиеся только в Сибири монеты. С конца 1781 года по 1847-й — монеты общероссийского образца, точно такие же, какие чеканил в то время Екатеринбургский монетный двор.

Сузунский медеплавильный завод не только поставлял металл для монетного двора, но еще и выпускал на продажу медь в слитках — штыках. Завод этот входил в тройку крупнейших предприятий (вместе с Барнаульским и Павловским заводами) Кольвано-Воскресенского комплекса. Когда монетный двор закрылся, Сузунский медеплавильный продолжил работать. Тут изредка плавил серебро и чугун, но главным продуктом всегда оставалась штыковая медь.

Завод пережил все остальные металлургические предприятия Алтайского (Кольвано-Воскресенского) горного округа. Плавильные печи его остыли только в 1914 году.

История Сузунского (Нижне-Сузунского) завода — и предприятия, и поселка при нем — несомненно, является одной из самых примечательных в череде всех прочих историй-летописей населенных пунктов Новосибирской области.

...Хотя нет, масштабы стоит брать иные. Поскольку завод был важным и неотъемлемым звеном производственной цепочки системы Алтайских заводов и рудников, он — часть истории всего Западно-Сибирского региона. Ну а благодаря тому, что тут работал когда-то единственный за Уралом монетный двор империи, значение Сузунского завода возрастает стократ. Здесь ведь производили товар совершенно исключительный — товар, который лишь государство производить может (и монополию эту строго оберегает), товар, с помощью которого регулируется экономика и в конечном итоге жизнь всей страны, — деньги. Поэтому Сузун — сейчас обычный рабочий поселок — уже навсегда вписан в историю общегосударственную, в историю России.

О Сузунском заводе довольно много писали, но писали в то время, когда само предприятие еще функционировало, и сообщали в основном лишь краткие общие сведения. В советское время тотальная и необъяснимая тишина нависла над Сузунским медеплавильным. Не было, кажется, ни одной публикации, посвященной не продукции Сузунского монетного двора, а непосредственно монетному двору или медеплавильному заводу. Как, впрочем, не было практически уже и следов бывших заводских строений в селении Сузун.

В 2006 году в Барнауле вышла тоненькая монография С. И. Маслениковского «Сузунский монетный двор». В 2009 году в «Сибирских огнях» был опубликован очерк А. М. Родионова «Особливая сибирская монета». Этот очерк мы и предлагаем вашему вниманию. Не будучи профессиональным историком, но будучи человеком творческим, Александр Родионов прибегает порою к небольшим допущениям и упрощениям — в угоду красоте слога, однако в целом история Сузунского завода и монетного двора дана им верно, перипетии появления сибирской монеты расписаны довольно подробно.

Кроме медных денег, особых и общегосударственного образца, Сузунский монетный двор выпускал еще и жеребья, или, как их стали тогда называть, печатки. Об этом любопытном факте мало кто знает, вообще мало кто знает, что это такое, поэтому вслед за очерком А. Родионова мы публикуем статью П. К. Рингса.

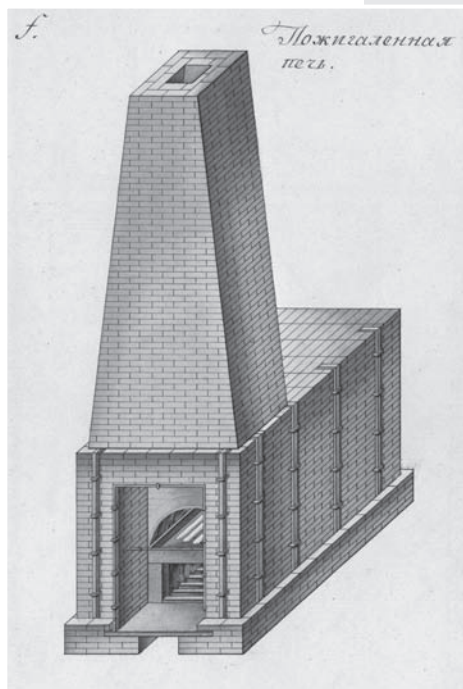
**О хождении новой медной монеты,
сделанной в Сибири на Кольвановоскресенских заводах,
во всяких казенных и партикулярных сборах и платежах
в одной только Сибирской Губернии**

Именной указ. 5 декабря 1763 г.

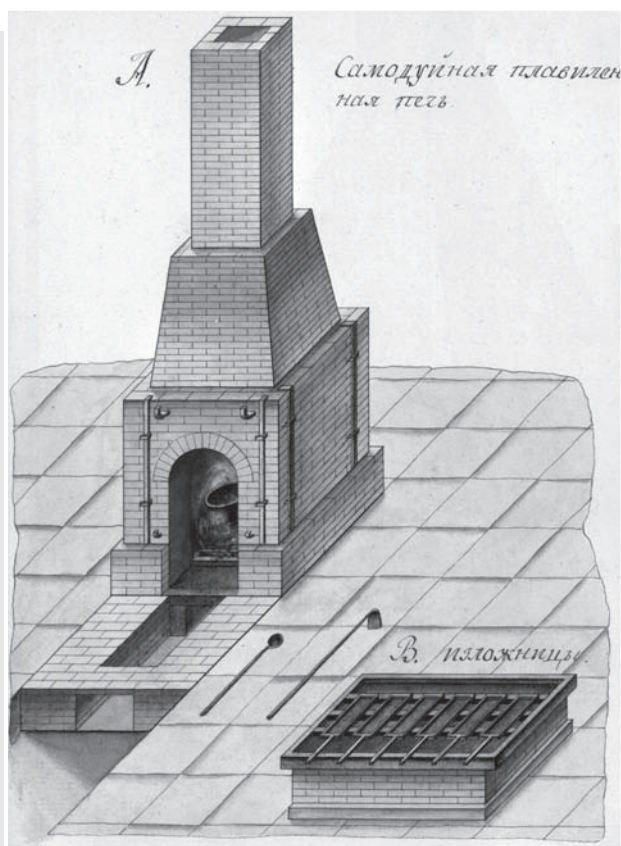
Объявляем во всенародное известие. Понеже имеющаяся в Сибири на собственных Наших Кольвановоскресенских заводах, как ныне наличная, так и от ежегодной сплавки серебряных руд, получаемая серебрястая и золотистая медь, по причине великих неудобств, трудностей и иждивений в перевозе оной сюда, а наипаче в разсуждении вынятия из нея содержимаго ею золота и серебра, может оставаться втуне и без всякой пользы: того ради за весьма полезно быть разсудили Мы, и повелели всю ту медь переделать там на месте в особливую медную гривенную, пятикопеечную, грошевую, копеечную, денежную и полупешечную монету, с таким для различия от прочей изображением на них герба Царства Сибирскаго и надписи, как припечатанные образцы явствуют, и в такую цену, чтоб из каждого пуда сей меди, которая по пробам содержит в себе чистаго золота один золотник и тридцать пять девяносто шестых доль, да чистаго же серебра тридцать один золотник и три девяносто шестых доль, сложа переделенья и Нами сим трем металлам уже узаконенныя цены, також и за дельныя деньги выходило б по переделе по 25 рублей из пуда. И дабы сия новая медная монета, во всяких казенных и партикулярных сборах и платежах хождение и обращение свое имела невозбранное только в одной Сибирской Губернии, как она ныне ограничена, а в прочих Губерниях хождения не иметь; о том повелели Мы, сими Нашими печатными указами во всем Нашем Государстве публиковать.

В 2010 году были предприняты археологические исследования на бывшей территории завода, затем был создан музейно-туристический комплекс «Сузун-завод. Монетный двор». Об объектах этого комплекса, о том, как все начиналось, рассказывает директор Новосибирского государственного краеведческого музея А. В. Шаповалов. Музей, вернее, музеи, появившиеся в Сузуне, стали настоящим катализатором развития интереса к истории завода, монетного двора, к быту заводских жителей. Многие ученые обратили свой взор в эту сторону, появились серьезные публикации по отдельным, весьма узким вопросам истории Сузунского завода и заводского поселения, была, наконец, сметена пыль с ряда дел, хранящихся в Российском государственном историческом архиве, государственных архивах Новосибирской, Томской областей и Алтайского края.

Однако надо понимать, что период активного изучения Сузунского медеплавильного пока очень короток. Еще масса белых пятен остается в истории завода, еще мас-

Пожигаленная печь (калильный горн)

Плавильная печь

Рисунки из рукописи «Описание монетного производства со изображением плавильных печей и действующих махин, сочиненное Статским Советником Андреем Нартовым. В Санктпетербурге 1779 года»

су нового предстоит открыть. И внимательный читатель, без сомнения, заметит кое-какие противоречия между публикуемыми материалами. Например, между записью беседы с В. В. Ведерниковым и текстом А. А. Черкасова. Александр Черкасов — талантливый прозаик и человек отнюдь не посторонний: почти 11 лет он был управляющим Сузунским заводом. Виталий Ведерников — известный исследователь цветной металлургии Сибири, много лет занимающийся историей горного дела на Алтае. Кто из них окажется прав в некотором конкретном вопросе (в каком именно, говорить не будем, чтобы сохранить интригу), покажет время.

Кстати, в интервью с В. В. Ведерниковым читатель найдет и комментарии и пояснения к дальнейшим материалам выпуска — к очерку Родионова, к очерку «Причины упадка горнозаводской промышленности на Алтае по сказаниям горных инженеров», опубликованному в 1883 году в «Сибирской газете».

Важнейшим событием в жизни сузунцев XIX века была проводимая тут Никольская предрождественская ярмарка. Мы не могли обойти ее вниманием и потому включили в выпуск «Очерк Сузунской ярмарки», созданный в 1864 году неким Иголкиным. К тому же эта ярмарка, как пишет историк искусства Надежда Велижанина в статье «Небесные всадники», сильно повлияла на развитие местного иконописания.

Феномен «сузунской иконы», о котором много будет говориться в нашем специальном выпуске, — это еще один вопрос, который со временем должен обрести ясные черты и окончательно разрешиться. Только уже не историки должны потрудиться над ним, а искусствоведы.

Мы же просто представляем вниманию читателей подборку любопытных и содержательных, на наш взгляд, материалов, в том числе эксклюзивных и малодоступных, не посягая ни на какие умозаключения и выводы.

Дореволюционные тексты воспроизводятся в современной орфографии с сохранением — для лучшего понимания духа эпохи — стилистики оригиналов. Пунктуация и особенности написания отдельных слов тоже большей частью сохранены.

Текст именного указа «О хождении новой медной монеты, сделанной в Сибири на Кольвановоскресенских заводах, во всяких казенных и партикулярных сборах и платежах в одной только Сибирской Губернии» приводится по «Полному собранию законов Российской империи» (Т. XVI) выпуска 1830 года. Тексты документов, представленных в рубрике «Архив» на страницах 22—40, приводятся по изданиям «Монеты царствования императрицы Екатерины II» (С.-Петербург, 1894), «Монеты царствования императора Николая I» (С.-Петербург, 1890). Первоисточники всех прочих дореволюционных текстов указаны особо.

Редакция благодарит за помощь в создании этого специального выпуска:

- сотрудников Новосибирского государственного краеведческого музея и лично директора музея Шаповалова Андрея Валерьевича;
- Ведерникова Виталия Валерьевича, доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института экономики и организации промышленного производства СО РАН;
- администрацию Сузунского района Новосибирской области;
- сотрудников МКУК Сузунского района краеведческий музей «Центр исторической информации»;
- Абрамову Юлию Алексеевну, заместителя директора по учету и хранению музейных предметов (главного хранителя) Алтайского государственного краеведческого музея;
- Голикову Светлану Павловну, заместителя директора по научной работе Новосибирского государственного художественного музея.

В выпуске использован иллюстративный материал, предоставленный Новосибирским государственным краеведческим музеем, МКУК Сузунского района краеведческий музей «Центр исторической информации», Алтайским государственным краеведческим музеем, Новосибирским государственным художественным музеем; также использованы иллюстрации из свободных интернет-источников и фотографии, сделанные сотрудниками ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни»» Кристиной Кармалитой и Мариной Акимовой.

СУЗУНСКИЙ ЗАВОД В ЗЕРКАЛЕ ВРЕМЕН

*Беседа с историком сибирской металлургии
В. В. Ведерниковым*

// справка

Ведерников Виталий Валерьевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН.

В. В. Ведерников — известный и признанный исследователь цветной металлургии Сибири, автор двух монографий по истории горного дела, двух учебных пособий по истории Алтая для средней школы, 80 статей по истории горнозаводского производства Сибири; соавтор трехтомной «Истории Алтая», автор видеокурса «Старинная цветная металлургия Сибири» для учителей истории и школьников средних и старших классов; участник российско-немецкой экспедиции «По следам Александра фон Гумбольдта на Алтае» (2019 г.).

— **Виталий Валерьевич, расскажите, пожалуйста, что представлял собой завод XVIII века?**

Завод представлял собой предприятие, которое работало от водяного двигателя — наливного колеса, на которое по желобу подавалась вода из заводского пруда. Вода вращала колесо, от колеса шел вал на заводские механизмы, а именно на воздухоудные меха — длиной четыре метра, высотой два метра и шириной метр. К каждой печи шло двое мехов, которые работали попеременно, в два такта. Температура плавления серебра достаточна велика — 961 °С, меди еще больше — 1084 °С, и вот для достижения такой температуры внутрь плавильной печи подавался атмосферный кислород.

Самым дорогостоящим устройством была именно заводская плотина. Сооружение ее требовало сотни рабочих рук и много материалов. Причем это было и самой ответственной работой при строительстве, потому что заводские корпуса ставились на старом русле, сразу за плотиной.

Прорыв плотины мог уничтожить всё — и плавильную фабрику, и прочие производственные сооружения.

Плавильная фабрика была главным заводским сооружением, но не единственным. Еще была сопутствующая инфраструктура, например, так называемая пыльная мельница, или пилорама, которая также работала от наливного колеса, от собственного наливного колеса. Пыльные мельницы существовали при заводах, поскольку главным, я бы сказал, даже единственным строительным материалом была древесина.

Еще своеобразие металлургии XVIII века заключалось в том, что была она древесно-угольной. Мы все знакомы с древесным углем, который покупаем на шашлыки. Он выжигался тогда в угольных кучах по специальной технологии, под слоями земли и дерна. Когда кучу поджигали, то следили, чтобы из нее шел сизый дым, это было свидетельством того, что процесс углежжения идет правильно, без доступа кислорода.

Горение большой кучи продолжалось в течение месяца. Потом ее разламывали и уголь отвозили на завод.

— **Надо добавить, что это прямо в лесу происходило.**

Это происходило прямо в лесу, причем выделялись так называемые курени — полосы леса. Вне куреней запрещалось рубить лес, чтобы не уничтожать его в полном объеме и оставить для потомков. Но в целом заводы были, конечно, пожирателями леса. В металлургических центрах Германии реликтовые леса сведены начисто, потому что там производство серебра началось еще в X — XII веках.

— **Ну а у нас разве нет?**

Сузунский бор сохранился.

— **А в районе Барнаула?.. А Колыванский, первый из Колывано-Воскресенских заводов, разве не по той причине закрыли, что весь лес вокруг вырубил?**

Да, прямо под Барнаулом был ленточный бор, который полностью истребили. И да, Колыванский завод закрыли именно по этой причине.

Вообще, отсутствие сплошных лесных массивов на Алтае сыграло решающую роль в судьбе Колывано-Воскресенских заводов. Здесь не было такого непрерывного массива леса, как на Урале, как на Нерчинских заводах.

Рудники располагались там, где лесов не было, а заводы — там, где леса были. Места добычи и расплавки разделяли сотни километров. Приписные крестьяне вынуждены были преодолевать эти расстояния, возить руду.

Алтайские серебряные руды, надо сказать, были лучшими на тот момент как в России, так, пожалуй, и в Европе. Но, помимо серебра, они содержали в себе медь. Это были, скорее, медные серебросодержащие руды. И долго не знали, что с этой медью делать. Долго — это с 1747 по 1760 год. Плавил медь на Колыванском и Барнаульском заводах, это отнимало рабочие руки от плавки серебра; они переключались то на медь, то на серебро, это было очень неудобно, приводило к простоям и вредило главной зада-

Заводской пруд в рабочем поселке Сузун

че — производству серебра. И, скорее всего (хотя это надо еще проверять), выплавку меди в 1755 году приостановили до принятия окончательного решения когда-нибудь в ближайшем будущем. А плавильные остатки, из которых уже было извлечено серебро, но которые содержали в себе медь, накапливались и накапливались... Поэтому было принято решение построить отдельный завод — медеплавильный.

— Если бы не был задуман монетный двор, не производилась бы монета собственная, рентабельно ли было строить целый новый завод для обработки обессеребряных полуфабрикатов? Он вообще появился бы тогда?

У России уже был Урал с его медью. Доставка колыванской меди в европейскую часть страны была невыгодной из-за больших накладных расходов, это же не транспортировка серебра — достаточно дорогого металла по сравнению с медью. А производство посуды не имело перспектив из-за узости рынка сбыта, малочисленности населения. Кроме того, медную посуду передавали по наследству. Нет, перспектив не было. Но блестящее решение о постройке монетного двора в корне все изменило. Идея была простая и гениальная — содержать заводы за счет местного производства монеты. На 200 тысяч рублей предполагалось ее чеканить — и столько же стоило в год содержание Колывано-Воскресенских заводов. Открытие Сузунского монетного двора вкупе с богатейшими змеиногорскими рудами определило то, что колыванское серебро было самым дешевым в мире.

— Они ведь его без затрат производили...

Сначала производство было, действительно, беззатратным, но потом суммы на содержание заводов стали расти из-за того, что качество серебряных руд всегда ухудшается с глубиной: жильная порода становится крепче, и металл распределяется в ней мелкими вкраплениями в виде микроскопических зерен или «застывшего дыма».

— Когда только начинали, в 1763 году, высчитывать, в 120 тысяч рублей определяли годовое содержание заводов.

До этого содержание заводов обходилось в 60 тысяч рублей в год. Но запасы самородного серебра и золота Змеиногорского месторождения внушали уверенность в больших прибылях. Стало понятно, что чем больше в дело вкладывать, тем больше будет и прибыль. Сначала сумму увеличили вдвое, до 120 тысяч, а потом и до 200 тысяч рублей. Расширялась округа Колывано-Воскресенских заводов, в нее включались новые территории, проживавшие на них крестьяне приписывались к заводам.

— До Томска дошли практически.

Да, до Томска практически дошли. Вообще, пределов для развития не было, лишь бы только находились новые руды. Предшественник Порошина на посту главного заводского командира Андрей Беэр считал, что надо строить заводы, «покуда мест не переведется». В России до XVIII века не было ведь собственного производства серебра, денежного металла, и тут оно появилось! Мы с места рванули очень резко, быстро обогнали все европейские центры и в течение 80 лет были лидером.

До середины XIX века Колывано-Воскресенские заводы имели огромное значение для государства. А внутри комплекса Колывано-Воскресенских заводов главных предприятий было три: Барнаульский, Павловский и Сузунский заводы.

До 1772 года Сузунский завод, или Нижне-Сузунский, как он тогда назывался, обходился обработкой купферштейнов Барнаульского и Павловского заводов. Но, когда извлекали медь из этих обессеребряных остатков, они все еще содержали в себе серебро, поэтому из Сузуна их отправляли снова в Барнаул. И так оборотные эти продукты ходили туда-сюда бесконечно. Кроме того, Сузунский завод не просто сплавлял плавильные остатки, он их сплавлял еще вместе с бедными серебряными рудами. И затем эти серебряносодержащие полуфабрикаты шли на Барнаульский и Павловский заводы.

С 1772 года Сузунский завод, помимо купферштейнов, начинает плавить и медные руды.

— Прямиком из рудника доставленные?

Прямиком из рудника.

— Каковы были основные этапы производства меди на Сузунском заводе? Какова была технология?

Это было бы слишком красиво: берем руду, переплавляем, получаем медь! Нет, все было сложнее. Дело в том, что руды содержали массу примесей. И чем больше примесей в меди, тем больше с ней возни. Это же еще, не будем забывать, XVIII век, тогда вообще не представляли химических реакций, которые протекали в плавильной печи...

Первой проблемой было, конечно, присутствие железа в руде. Его надо было удалить на первой стадии, в «сырой» плавке, или плавке на купферштейн. Купферштейн — это сырец, первичный полуфабрикат. Для этого присаживали сернистые руды. Потому что из всех металлов — железа, меди, серебра, золота — железо химически наиболее активное, то есть первым вступит в реакцию с серой. Это свойство стали использовать, чтобы, соединяясь с серой, железо уходило в шлаки. Шлаки поднимались вверх (откуда их и снимали вручную), а содержащий медь купферштейн осаждался на дно шахтной печи. Этот купферштейн разливали из печи в чугунные корыта-изложницы. Дальше купферштейн обжигали в обжигательных печах — чтобы сера выгорела, а содержание меди повысилось. Это было обогащение, по сути.

Следующим шагом было извлечение меди из купферштейнов с помощью свинца. Свинец в расплавленном виде присоединяет к себе медь. Извлекательная плавка шла в шплейзофене (отделительной печи).

Теперь надо было разделить медь и свинец. Температура плавления свинца 327°C , меди — 1084°C . Попробуйте-ка разогреть свинец до тысячи градусов! Он у вас начнет гореть и испаряться. То есть три четверти свинца — в очередной уже печи, на штыковом горне, — сгорало, а четверть окислялась, поскольку свинец всплывал на поверхность; этот всплывший свинец удаляли до тех пор, пока не появлялась чистая медь. Ее снова разливали в чугунные изложницы. Когда она застывала, получались штыки — слитки меди.

— И на всех этих этапах терялся еще и какой-то процент меди, был угар...

Самые большие потери были на разделительном этапе, последнем.

Кстати сказать, на выплавке возня с медью не заканчивалась, ее подвергали еще предварительной расковке, отжимали шлаки. Потом, в 30-е годы XIX века, когда Алтайские заводы арендовало министерство финансов (аренда длилась с 1830 по 1855 год), в Сузун прислали уральских мастеров. Они улучшили технологию плавки, и предварительная расковка для отжимания шлаков уже не требовалась. При розливе медь выходила должного качества.

Технологии серебряной и медной плавки очень, очень схожие. Они практически не отличаются из-за не такого уж большого расхождения в температуре плавления серебра и меди: 961 и 1084 градусов соответственно. И конструкции печей были практически одинаковые.

Вот первая печь, шахтная, она одна и та же что для плавки серебряных, что для плавки медных руд. Ведь и сами руды различались весьма условно.

Изложницы, в которые разливалась медь из шплейзофена. Из экспозиции музея «Медеплавильный завод»

Серебряными назывались руды, которые содержали серебро в промышленных концентрациях (но они также содержали и медь). А медные руды — это те же самые руды, но не содержащие уже значительного количества серебра.

В общем, главным критерием было: содержат ли руды серебро в промышленных концентрациях для металлургической переработки или нет. Поскольку основным производством было производство серебра.

Ну а Сузунский завод был построен как реакция на необходимость комплексной обработки колыванских руд.

— Здесь плавил и серебро, верно?

Сузунский завод серебро то плавил, то не плавил. 150 пудов в год — это максимальное количество серебра, которое давал Сузунский завод.

— Почему вдруг в Сузуне принимали решение оторвать людей от выплавки меди и переключить на серебро?

Сузунский завод сам по себе не действовал. Он был частью системы. У него и инженерных кадров своих не имелось, потому что инженеры Колывано-Воскресенских заводов постоянно ротировались. Там ведь действовала петровская табель о рангах. Выслуга лет произойдет — требуется перевести человека в следующий ранг. А этому рангу соответствует должность конкретная. Где-то, например в Барнауле, должность освобождается — человека перекидывают из Сузуна на Барнаульский завод. А на его место ставят кого-нибудь, например, из Томского завода... Собственных инженерных кадров в Сузуне не было. Вообще. А вот рабочие были местные. Вернее, со временем они стали местными. Когда Сузунский завод основали, туда перевели плавильщиков из Барнаула и горняков из Змеиногорска. То есть первыми монетчиками и металлургами, а также первыми жителями поселка были барнаульские и змеиногорские подневольные работники.

— Виталий Валерьевич, вы говорили, что в 1772 году стали привозить медную руду из рудников. Почему? Неужели горы купферштейнов от сереброплавильных заводов стали заканчиваться?

Нет, это связано было с примесью серебра и золота в сузунской монете. Вернее, это связано с проблемой очистки меди от примесей. Остававшиеся примеси ухудшали ковкость монеты. При ударе штемпеля она крошилась и лопалась по краям. И эти же примеси затрудняли очистку меди от серебра и золота. Поэтому екатеринбургская (общероссийская) стопа была 16 рублей из пуда, а сузунская — 25. Представим стопки монет — екатеринбургских и сузунских, — они равны по высоте. Но в пудовой стопке екатеринбургской мелкой монеты было на 16 рублей, а в сузунской — на 25. То есть сузунская монета была тоньше на 40 %, чем екатеринбургская. И вот Иван Шлаттер, президент Берг-коллегии, который много лет своей жизни потратил на борьбу с преступниками, поддельвающими деньги, боялся, что хождение этой тонкой монеты в Европейской России приведет к новому всплеску фальшивомонетничества. Легче предупредить, чем потом побороть. Потому что по его расчетам получалось, что фальшивомонетчикам чеканить эту тонкую монету ну крайне выгодно! Они бы получали 600 % прибыли! Для Шлаттера было очевидно, что необходимо ограничить хождение монеты только Сибирью.

Это решение было разумным, но оно же вскоре породило проблемы. Подушную подать крестьяне платили «особливой» сибирской монетой. А как вывозить ее в столицу, в Европейскую Россию? Поняли, что надо искать пути перехода на общегосударственную стопу — 16 рублей из пуда. А для этого содержание металлов в сибирской монете должно быть приблизительно таким же, как в общероссийской. Вот потому и стали плавить собственно медные руды, с этой целью.

А накануне, в 1770 году, управляющий Сузунским заводом Данило Балле решил проблему очистки меди, получаемой из купферштейнов. Там, конечно, золото и серебро все равно оставались; выделение их было возможно, но нерентабельно.

— Какие-то новые, более современные печи он построил?

Нет, не в конструкции печей дело. Там просто изменили приемы. Кожаные меха с печью соединялись такой конической трубой — фурмой. Фурма ставилась круто, то есть

вверх задиралась, — для того чтобы при избыточном жаре ускорить расплаву. А Бале решил ставить фурму более полого, из-за чего металлургический процесс качественно улучшился. Медь очищалась от драгметаллов до такой степени, которая позволяла пренебречь их содержанием в монете.

Очистка меди по способу Бале, а также плавка собственно медных руд и обусловили переход на общероссийскую стопу в 1781 году.

— С медью, которая шла на изготовление монеты, понятно.

А какую еще продукцию выпускал Сузунский медеплавильный завод?

Там была еще металлообработка. До 1771 года все железо было привозное, уральское. А в 1771 году на реке Томь-Чумыш (там, где современное село Томское Проклопьевского района Кемеровской области) был построен завод железоделательный.

— Гурьевский?

Нет, Томский. Гурьевский — в 1816 году. Гурьевский был последним из предприятий. На нем формирование комплекса Кольвано-Воскресенских заводов заканчивается.

У Томского завода была худая плотина. Река была запружена между сланцевых сопков, которые пропускали воду. Слои щебня, слой глины со щебнем, слой щебня... и так далее. Там вода сочилась, и в засушливые времена завод простаивал по полгода. Поэтому металлообработка велась в Сузуне, там как раз имелась домна для переплавки лому, то есть там не из руд плавил.

— Что такое «ломи»?

Лом. Лом металла. Тогда называлось «ломи», женского рода. Для специфических потребностей монетного производства требовалось на месте изготавливать детали машин и механизмов. Зачастую Сузунский завод производил запчасти для других предприятий округа. Точно так же, как и Барнаульский.

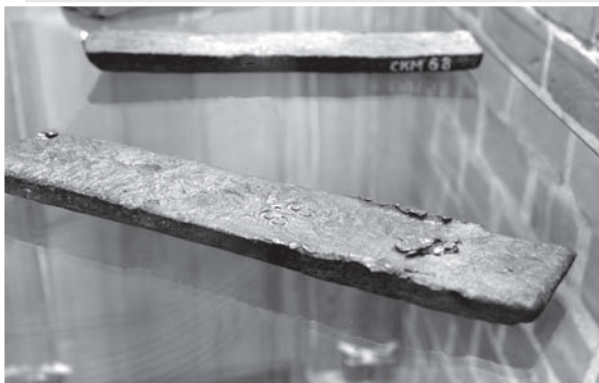
Вообще же профиль Сузунского завода — это производство штыковой меди. То есть меди в слитках. И фактически все время он и производил медь в слитках. Иногда он изготавливал по частным заказам отливки. Когда закрылось монетное производство, был проект о производстве самоваров на Сузунском заводе. Но он так и остался на бумаге.

— Какие-нибудь предметы быта там изготавливались? Чашки, чайники, кружки, подсвечники...

Нет, такого не было, насколько мне известно. Для этого требуются прессы — для продавливания пластин и так далее. Существуют годовые отчеты по Алтайскому горному округу (с 1834 года Кольвано-Воскресенский округ стал называться Алтайским), там содержатся перечни производств, и в этих перечнях ни о чем подобном не говорится.

— А можно было, грубо говоря, прийти, купить у завода штыковую медь мелким оптом и самому, в кустарных условиях, что-то из нее изготавливать?

Купить официально было нельзя, поскольку все определялось императорским Кабинетом в Петербурге. Сузунский завод и вообще все заводы округа не имели в этих вопросах никакой самостоятельности. Да и неофициально, из-под полы, едва ли можно было достать штыковую медь — завод находился за высоким забором и охранялся.

Медные слитки — штыки. XIX в.

Из экспозиции музея «Медеплавильный завод»

План Нижнесузунского завода. Фрагмент. Декабрь 1798 г. Российский государственный исторический архив.

1. Церковь Вознесения Господня. 2. Крепость заводская, забранная в столбы тесом. 3. Контора. 4. Каменный денежный склад. 5. Склады и при них весовая. 6. Плавильная фабрика. 7. Кальцинирофенная фабрика. 8. Монетный двор с цехами. 9. Мучная мельница. 10. Пильная мельница. 11. Сарай для пиленого дерева. 12. Капитальный ларь. 13. Выводные из-под колес каналы. 14. Весовая для приемки руды. 15. Сарай для деревянных припасов. 16. Каналы для стока отработанной воды. 17. Мостики. 18. Лазарет с принадлежащими службами. 19. Лаборатория. 20. Амбары для лабораторных припасов. 21. Меховая. 22. Кузница. 23. Салотопня. 24. Лазаретная баня. 25. Проезжие ворота в крепость. 26. Места для складирования угля и руды. 27. Ряжи. 28. Плотина. 29. Два прореза в плотине для спуска излишней воды. 30. Сливные мосты и по ним переходы. 31. Плотничья изба. 32. Мост на сваях для сдерживания внешнего льда. 33. Офицерские служебные дома с надворными постройками. 34. Сарай для формовки и обжига кирпича. 35. Казенная конюшня. 36. Казенные склады. 37. Торговые лавки. 39. Будки (караульные). 41. Мост через реку Сузун. 44. Частные дома разных жителей с надворными постройками

— Хорошо, а посуда медная здесь откуда появлялась? Она же все равно постоянно нужна, пусть и в небольшом количестве?

С Урала везли. С Урала везли медные изделия и железо, несмотря на то что здесь было два предприятия черной металлургии. Емкость западносибирского рынка уральских изделий — это сумасшедшие цифры, 70 тысяч пудов, что ли...

— То есть «для народа» ничего не изготавливали? Ни Сузун, ни остальные Алтайские заводы?

Если не считать опыта Гурьевского завода, и то это было позже, под конец XIX века, нет, «для народа» ничего не изготавливали.

В Сузуне по частным заказам делали отливки, всё. Отливки не только медных изделий, но и железных. Причем эти заказы были мелкими и определяющей статьёй производства не являлись. Главным, как говорил, была штыковая медь, которая шла на Екатеринбургский монетный двор и на вольную продажу на Макарьевской ярмарке. То есть крупным оптом продавалась купцам.

— В 1845 году, когда были уже планы закрыть Сузунский монетный двор, начальнику Алтайских заводов предлагалось подумать, куда можно сбывать выплавляемую медь. Не выгодно ли ее будет продавать на Нижегородской ярмарке?.. Туда, на крупнейшую в стране ярмарку, сузунскую медь везли?

Туда везли подрядчики. Частные лица и компании, с которыми заключались договоры. Но договоры эти заключались в Петербурге, головным начальством.

— После последнего пожара на монетном дворе в 1847 году рентабельно ли было производить медь? Ведь руда для нее привозилась издалека — это сотни верст; готовая продукция реализовывалась за тысячи верст... Не в убыток ли было медное производство?

Нет, до отмены крепостного права по реформе 1861—1864 годов медь приносила прибыль. До 386 % прибыли было чистой. Потому что рабочая сила была дешевой, извоз руд был дешевый. А вот потом да, начались системные проблемы.

Поскольку Алтай все больше втягивался в межрегиональную торговлю, возчики находили для себя более выгодные предложения, нежели извоз руд. Главное барнаульское начальство вынуждено было повышать расценки, чтобы привлечь возчиков и удержать плавильщиков. В это же время производство серебра становится нерентабельным. А поскольку до 40 % всей меди Сузунский завод получал от обработки обессеребряных продуктов, то, соответственно, и медеплавильный завод начал терпеть убытки. Там был целый комплекс проблем, очень серьезных проблем. Хронический кризис на Алтайских заводах продолжался с 1869 по 1883 год.

Вообще-то я считаю, что корни упадка горной промышленности на Алтае, постепенного затухания заводов берут начало не в шестидесятых, а глубже — в пятидесятых годах XIX века. Тогда Алтай уступает место в производстве серебра сначала Фрайбергу, потом Гарцу — традиционным немецким металлургическим центрам. Тут же начинается золотая лихорадка в Калифорнии... На Нерчинских заводах генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев-Амурский отдал приказ снять с производства плавильщиков и горняков и отправить их на золотые промыслы, от которых прибыль в 3—5 раз больше, чем от изготовления серебра. Все внимание переключается на золото. Производство серебра на Алтае перестает быть общенациональным проектом. Оказавшись всецело в распоряжении сановников Кабинета, оно просто перестает развиваться. В 1881 году была проведена рутинная ревизия дел Кабинета, она выявила, что 180 предложений о технических усовершенствованиях на Алтае и Нерчинских заводах годами лежали без рассмотрения. Двадцать лет не могли решить вопрос об использовании динамита в горных работах! А что означает такая проволочка? За 20 лет технологии изменились по всему миру. И это время было упущено. У Александра II были другие интересы, он занимался буржуазными реформами. А вот Александра III заинтересовало производство металлов в Сибири. Но время было безвозвратно упущено...

— На этом как раз моменте давайте немного задержимся, когда Александр III сменил на престоле Александра II. 1883 год был последним годом службы Александра Черкасова как управляющего Сузунским медеплавильным заводом. И в этом же

году, в июле, в «Сибирской газете» вышла статья неизвестного автора, скрывшегося под псевдонимом Бергал, статья, в которой деятельность, вернее, бездеятельность Черкасова ядовито критикуется. И вот в чем вопрос. В связи с тем, что был системный кризис, вообще все заводы еле работали, справедливы ли нападки Бергала на Черкасова? Заслужил ли тот такой безжалостный разнос?

Бергал, как мне кажется, — это один из обиженных отставных горных инженеров (там были и другие, которые тоже печатались анонимно). Он завидует своим коллегам, которые служат. В этом я вижу его мотивы.

Он едко замечает, что Черкасов недостаточно активен и интерпретирует данные в свою пользу. Ну да, интерпретирует. Это типичная модель поведения любого управленца того времени: скрывать недостатки, которые происходят даже не по твоей вине.

Конечно, махровое казнокрадство на Алтае существовало, но размер его зачастую преувеличивали. Там остатки от сумм за прошедший заводской год распределялись по карманам горной элиты. Кроме того, петербургское начальство, во многом состоявшее из бывших алтайских инженеров, само участвовало в этом процессе. Да при этом оттуда, издаലെка, тормозило принятие решений по производственным вопросам, абсурдные распоряжения выпускало и всячески показывало, кто в доме хозяин. Эта ситуация подчинения Петербургу сильно деморализовывала, убивала любую активность, которая могла быть проявлена. Сюда же еще горный контроль был отправлен — бухгалтера, которые ничего не понимали в промышленном производстве. Они стали урезать расходы в пределах смет, составленных на заводское действие в начале года. А сметы все предусмотреть не могут. И вот этот мелочный контроль, он все-таки парализовал производство. Там то руды нету, то роштейна нету...

— То ты не можешь перекинуть деньги с одной статьи на другую?..

Ты обязан непотраченные деньги вернуть. Иначе следственное дело откроют.

— В общем, у Черкасова — да и у любого управляющего любым заводом — по большому счету никаких полномочий не было, ничего он не мог изменить?

У него была ограниченная компетенция, в рамках которой он действовал. Очень ограниченная компетенция.

Это было время, когда все заводы находились в упадке. Например, на Локтевском заводе, сереброплавильном, прохудилась крыша. И когда шел снег, он попадал в расплав. Расплав взрывался и разлетался каплями. Лишь только начинался снегопад — тушили печи, прекращали плавку. Представляете? На Гавриловском сереброплавильном заводе деревянные стены фабрики поддерживались бревнами, печи растрескались, дымили, их тоже подпирали бревнами.

— А статьи на ремонт просто не было.

Да, средства не выделяли. Для чиновников в Петербурге были важны цифры на бумаге, так как этими цифрами они отчитывались уже перед своими начальниками, а как обстоят реальные дела в промышленности, они и знать-то не знали.

В 1873 году на Алтай приехал Альфред Брем с экспедицией. Дневник Брема был в позднесоветское время опубликован в Барнауле в «Алтайском сборнике». Брем открыто винит во всем императорский Кабинет. Действительный статский советник Антипов, который проводил рутинную ревизию дел Кабинета в 1881 году, о которой я уже упоминал, вообще поставил под сомнение компетентность сановников.

Ну а Сузунский завод был частью системы Алтайских заводов и рудников, он был звеном общей производственной цепочки. Все беды Алтайского горного округа отражались и на нем. Я вижу, что Черкасов, как и все управляющие, был деморализован кабинетской абсурдной политикой: клановые интересы отстаивались, а интересами производства пренебрегали.

— Но ведь такая судьба не постигла же, например, уральские заводы?

Уральские заводы такая судьба постигла, но... Но туда приезжает Николай Иванович Журиин, выводит заводы из кризиса. Считалось, что если человек заводы Урала из кризиса вывел, то он и Алтайские выведет. И вот в 1883 году ему было предложено

отправиться на Алтай. Он не мог уклониться, прибыл вместе с одиннадцатью горными инженерами с Урала.

Черкасова сменяет как раз Иван Александрович Антипов, и вот при нем уральцы проводят на Сузунском заводе модернизацию, ситуация на производстве начинает исправляться.

— **Что же они такое сделали, какое чудо совершили?**

Чудо совершилось с мировыми ценами на медь!

А уральцы усовершенствовали сузунское предприятие, и завод смог эффективно работать в условиях изменившейся мировой экономической конъюнктуры.

Что происходит? Начинается бурное развитие электротехники, решается проблема доставки электричества на большие расстояния с помощью проводов. Медь в проводах, медная проволока для обмотки катушек индуктивности, генераторов... Везде требовалась медь! Спрос на нее рос год от года.

Если до 80-х годов XIX века главным металлом было серебро, то с этого времени — цинк, медь и свинец. Свинец — это важный металл для войны (пули-то из чего?), цинк необходим для развития промышленного производства, медь — для электротехники и переноса электричества на большие расстояния. Теперь серебро получалось как побочный продукт, и его производство приобрело просто неконтролируемые масштабы. Предложение серебра на мировом рынке превышало спрос. С 1873 года началось быстрое снижение цен на серебро.

Раньше основным производством на Кольвано-Воскресенских заводах было производство серебра, теперь основным производством становится производство меди. Поэтому после ликвидации пяти сереброплавильных заводов в 1893—1896 годах Сузунский завод продолжает действовать. После 1896 года вообще лишь два завода остаются из всего комплекса: Сузунский медеплавильный и Гурьевский железодельный.

— **Гурьевский?.. Почему?**

Гурьевский завод стал первым по объемам производства на Алтае в 80-е годы XIX века, хотя прежде был второстепенным заводиком. Это случилось благодаря Алексею Ивановичу Журинову, младшему брату начальника округа. Он увеличил сбыт, потому что сбывал железо в готовых изделиях. На заводе изготавливались болты, гайки, якоря для судов, бороны и плуги для крестьян, ломы, лопаты для золотых приисков. Плюс Гурьевский завод получал огромные деньги от заказов на строительство Сибирской железной дороги. Но когда по Сибирской железной дороге покатилось уральское железо, то все четыре металлургических завода Сибири, а именно Гурьевский, Абаканский в Хакасии, Николаевский под Иркутском и Петровский в Забайкалье, разорились.

Упадок промышленности в цифрах

В Записке, представленной действительным статским советником Антиповым министру императорского двора и опубликованной затем в «Горном журнале», приводятся такие красноречивые цифры:

<...> Собственная Кабинета Его Величества горная промышленность, в Алтайском округе находится, как видно из дел, в следующем положении:

В течение последних 14 лет добыча металлов уменьшилась:

а) серебра	с 1 056 пудов в 1868 году
до 463 пудов в 1881 году
т. е. на 53 %
б) золота из россыпей	с 16½ п. в 1868 году
до 4½ п. в 1881 году
т. е. на 75 %
в) свинца	с 43 670 пудов в 1868 году
до 16 648 пудов в 1881 году
т. е. на 62 %

По сметам же за нынешний 1882 год предполагается добычу свинца на продажу вовсе прекратить, за неимением заготовленных запасов свинцовых руд;

г) меди	с 33 197 пудов в 1868 году
до 21 500 пудов в 1881 году
т. е. на 35 %.
д) чугуна	с 20 000 пудов в 1868 году
до 6 000 пудов в 1880 году
т. е. на 70 %. <...>

Реформы по управлению Алтайским и Нерчинским округами // Горный журнал. 1883. № 4

— Потому что себестоимость выпускаемого ими железа была большая.

Да-да... Вот такая общая картина.

— Ну а что же Сузунский завод?

40 % всей меди получали от обработки обессеребряных купферштейнов, как я уже говорил. Теперь, с закрытием сереброплавильных заводов, этих 40 % Сузун лишился. В 90-х годах была предпринята попытка добычи меди электролизом на Зырянском и Змеиногорском рудниках. И Сузунский завод поставлял анодные плиты. В раствор медного купороса опускали положительно и отрицательно заряженные пластины. Анод — положительно заряженный. А на катоды оседала химически чистая медь. Потом ее отправляли в Сузун, чтобы сплавить с рудной медью. Потому что электролитическая медь отдельно выходила хрупкой и зернистой, структуру ее не могли изменить.

Завод продолжал работать до 1914 года, но производство меди на нем все время снижалось.

— Почему? Ведь мировые цены на медь были высокими.

Потому что всерьез никто не рассматривал перспективы деятельности завода из-за дальности рудников, из-за того, что металлургия оставалась древесно-угольной, а не каменноугольной. Да и, вообще говоря, доля сузунской меди в мировом производстве и даже в российском, по сравнению с Уралом, была ничтожной. Смысла не было практического.

Почему завод умер именно в 1914 году? Приказ поступил в 1912 году. Опять же, почему именно тогда, а не в каком-нибудь 1910-м или 1915-м?

Дело в том, что своими корнями алтайская металлургия уходила в Саксонию, именно отсюда были первые учителя русских. А в Саксонии было принято решение в связи с падением мировых цен на серебро прекратить его производство в 1913 году. То есть решение это было принято давно, реализовывалось там постепенно, объемы выплавки планомерно снижались. А на Саксонию оглядывались.

Во-вторых, у императорского Кабинета, руководящего сереброплавильной отраслью империи, были еще Нерчинские заводы, которые поставляли необходимый для Алтая свинец. Нерчинские заводы были ликвидированы в середине XIX века, кроме одного, Кутамарского. Его оставили как некий очаг сереброплавения — чтобы при благоприятных обстоятельствах распространить оттуда производство серебра на всю округу. Но в 1912 году закрыли и Кутамарский завод.

Почему в этом же году не закрыли и Сузунский? Капиталы были уже затрачены на доставку угля и руды. Руду надо было доплавить. В 1913 году цены на медь подскочили, и управляющий Бушгедт высказал мнение, что можно обрабатывать бедные шлаки, в изобилии имеющиеся, и получать прибыль. Уголь еще какой-то оставался. А шлаки, они же легкоплавкие.

И вот в 1913 году доплавляли шлаки и в 1914 году закрылись.

Сузунский завод был последним, он пережил все металлургические предприятия Алтайского горного округа.

— И что же, никаких вариантов не было, чтобы спасти Сузунский медеплавильный?

Вариант был. Он состоял в том, чтобы приблизить заводы Алтая к рудникам. Там была невыясненная возможность использования угля из Экибастузского угольного бассейна.

— То есть перевести на каменный уголь.

Перевести на каменный уголь и приблизить к местам добычи угля. Но там не сумели обчислить запасы угля хотя бы на 30—50 лет. В советское время эта концепция была реализована, причем в реализации ее участвовали и некоторые горные инженеры, которые начинали свою службу еще в Алтайском округе.

Вообще, варианты всегда были. Альтернатива всегда существовала. Судьба Алтайских заводов могла бы сложиться иначе. Если бы при Александре II построили Транссиб, то можно было бы плавить и импортные руды, как это делали в Германии,

мексиканские, калифорнийские. В 60-е годы XIX века благодаря железнодорожному строительству активно осваивался Дикий Запад. А там, в Кордильерах, такие залежи руд! Гигантские!

Вероятно, все сложилось бы иначе, если бы раньше приступили к разработке угольных месторождений в Кузбассе...

В те же 60-е годы была такая альтернатива — передать рудники частным лицам или акционерным обществам. Но не самые благонадежные рудники, а те, которые не разведаны на большую глубину. Это германская практика, она сложилась еще в Средние века. И вот эта практика могла быть распространена на Алтай, тем более что в 1862 году частникам передали все золотые прииски. Можно было передать и второстепенные рудники, которых было огромное количество. Но Александра II все эти вопросы совершенно не интересовали, а как управляли Алтайским округом сановники императорского Кабинета, я уже рассказывал.

— В рудниках тоже была проблема? Они истощились?

Проблема была в организации геологоразведок. Рудники разведывались на не большую глубину, и сразу же закладывались этажные работы. А близко к поверхности трещинообразование большое и много глины, поэтому рудники осаживались. 800 мест добычи было. А число действующих рудников — 10, например. Вот такой был первый опыт хозяйственного использования недр в XVIII — XIX веках. Порочная практика погони за залежами, которые ближе к рукам находятся.

Эти залежи были не только легкодоступными, но и самыми легкоплавкими из-за процессов выветривания, руды там встречались в самородном виде, в больших концентрациях. А вот чем глубже залегали руды, тем тверже становилась порода, тем беднее они были, встречались в виде микроскопических вкраплений. Поэтому хватали то, что ближе к рукам, не заботясь о перспективах. Это связано ведь еще с характером горной службы было, с петровской табелью о рангах: переход на новую должность происходил автоматически, по выслуге лет. Молодые горные инженеры, выпускники Санкт-Петербургского горного института были обязаны служить шесть лет на окраинах, там, куда начальство распределит. Они не имели ни карьерных шансов, ни хорошего жалованья.

Ну а что касается не второстепенных, а главных рудников... Истощились ли они?

Рудники Змеиногорской группы продолжали обрабатываться и в советское время. Лазурский рудник (там сульфаты меди), Гольцовский медный рудник... На Риддерском и Зыряновском рудниках и сейчас действуют обогатительные комбинаты. В Зыряновске идет промышленное обогащение на свинец и на серебро, а в Риддере идет обогащение на цинк. То есть на тех же рудниках, открытых еще в XVIII веке!

— Выходит, главная причина гибели Алтайских заводов была в управлении...

Все наши беды до сих пор из этой сферы.

Для экономики России рубежа XIX—XX веков была характерна неравномерность экономического развития, при которой окраины, такие как Средняя Азия и Сибирь, были экономически отсталыми. А из сибирских территорий Алтай был одной из самых отсталых. Почему? Это было связано с тем, что изначально, стремясь оградить себя от конкуренции на рынке рабочей силы, петербургское и алтайское начальство всячески стремилось душить любое мануфактурное производство. Тут был запрет на заведение предприятий на огненном действии. То есть запрет на введение паровых двигателей. Это, впрочем, заводы не спасло...

Морально устаревшее производство, снижавшееся год от года, не имело перспектив и значения практического. Только по инерции, как дань порядку, который давным-давно сложился, да благодаря цифрам прибыли на бумаге это все еще катилось...

— Давайте вернемся в середину XIX века, в то время, когда не поглотил еще Алтайские заводы хронический кризис. Предлагаю еще немножко поразмышлять в сослагательном наклонении: если бы, кабы... Предположим, остался бы монетный двор. Ну вот не сгорел бы он в 1847-м или отстроили бы новый после пожара. То есть было бы здесь, в Сибири, монетное производство... Тогда, может, остался бы и завод и разрабатывались бы рудники, несмотря ни на что?

У меня взгляд скептический... В то время Алтайские заводы были отданы в управление министерству финансов. Оно многое сделало для того, чтобы нанести удар по кланово-ведомственным интересам императорского Кабинета. И главный удар, конечно, был нанесен на Нерчинских заводах. До золотой лихорадки в Калифорнии Россия в течение 17 лет была мировым лидером в производстве золота. Потом — Калифорния. И министерством финансов были предприняты попытки вернуть лидерство. Для этого были закрыты кабинетские серебряные рудники и заводы в Забайкалье, все силы брошены на золотопромышленность. Другой удар был нанесен на Алтае: закрылся Сузунский монетный двор.

В России был избыток медной монеты, ее не требовалось в таком количестве; появлялись бумажные деньги, крупные суммы денег стало легче перевозить на большие расстояния...

Давайте вкратце поговорим о том, как металлы стали деньгами, это очень важно для понимания того, что произошло. Сначала торговля была меновой: шило на мыло. Потом появляются товары денежной группы, среди них хлеб и куны так называемые, то есть куньи меха, а также металлы — слитки драгоценных металлов, которые удобно передавать из рук в руки. Это удобнее ведь, чем с мешком хлеба ходить, правда? Потом появляются гривны. Киевская гривна, новгородская гривна... Новгородская гривна отливалась в виде колбаски, на которой зубилом зарубки делались, чтоб отламывать. Потом догадались в виде плоской проволоки с зарубками выпускать. Так появился рубль. Затем стали изготавливать отдельные маленькие слитки, но прямоугольные карман драли, поэтому они стали крутыми. Вот так металл превратился в деньги. Принципиально важным был вес монеты. Но затем на монете появился номинал, то есть информация, сколько на эту монету можно товара купить. С возникновением бумажных денег пришла мысль о том, чтобы чеканить монеты, которые имеют нарицательную стоимость, не реальную, обусловленную содержанием и весом металла, а нарицательную.

Поэтому медная монета становилась анахронизмом. Время неумолимо шло вперед.

Вообще министерство финансов было более активным, предприимчивым и дальновидным управленцем, нежели императорский Кабинет.

Что за дата была 1847 год? Это столетие взятия Кольвано-Воскресенских заводов в казну! И такой подарочек! Там столетие — среди сановников Кабинета — никак не праздновалось

Ну а потом... Как только нерчинская золотопромышленность миллионные прибыли начала показывать, так сразу Кабинет аренду прекратил, обратно свою «вотчину» потребовал. И что он затем улучшил? Ну представляете, 25 лет длилась аренда, 25 лет сановники Кабинета были не у дел. Они всю компетенцию, какая у них была, порастеряли. Сбросишь шкуру — обратно не влезешь. С 1855 года, как приняли Алтайские заводы, никто из них сюда, на Алтай, не приезжал. Вообще никто и ни разу. Несмотря на кризис алтайской промышленности, несмотря на перекраивание всего и вся из-за реформы — отмены крепостного права. Только на бумаге управляли.

— Монетный двор был обречен, получается? Даже не случись этого пожара, он все равно бы скоро закрылся?

Да. Потому что в то же время закрылся монетный двор в Екатеринбурге. Они чеканили монеты одинаковых номиналов. Доля Екатеринбургского монетного двора в монетных деньгах 70 % составляла, Сузунского — 13 %. Остальное — так называемые временные монетные дворы. Сузунские 13 % — такая скромная доля объясняется тем, что в Сибири ведь и населения было намного меньше, чем в европейской России. Потом, в 1850 году, снова открыли Екатеринбургский монетный двор, он действовал до 1870 года, еще 20 лет. Затем был закрыт окончательно.

Ликвидация производства медной монеты была вопросом времени, а не принципа. Почему производство штыковой меди на Сузунском заводе продолжилось, я уже рассказывал: из-за повышения спроса на медь, обусловленного научно-техническим прогрессом.

Сузунский монетный двор свою роль сыграл. Монетное производство в Сузуне представляет собой частный случай развития монетного обращения вообще, как мирового процесса.

— Хорошо, перенесемся в конец XIX-го, в XX век. Вы рассказывали, как Гурьевский завод продлил, по крайней мере, годы своего существования — выпускал болты, лопаты, топоры... Но не мог ли чем-то подобным и Сузунский завод заниматься в то же время? Получать прибыль от сбыта готовых изделий на местном рынке?

А кто бы разрешил? Это ж надо у питерского начальства разрешение испросить, а питерскому начальству зачем лишние телодвижения?

— А Гурьевский завод как это организовал?

По инициативе Алексея Ивановича Журина. Потом его преемники этим занимались, когда Журин с Алтая уехал. Но, видите ли, там производство было профильным, так исторически сложилось, квалифицированные кадры имелись. Гурьевский завод ведь с самого начала поставлял детали для всех предприятий округа. Были лошади на рудниках и заводах — требовались подковы, были собственные прииски и рудники — требовались лопаты, кайла, кирки... То есть тут открытия новой отрасли промышленности не произошло. Чтобы открыть какое-то производство, которого прежде не было, для этого должен быть государственный интерес. А откуда ему взяться? Зачем какие-то хлопоты, если уже есть Урал? Если есть Тула...

— Вы говорили, что была альтернатива — сдать в аренду рудники. А вот если бы Сузунский завод в аренду частным лицам сдали?..

Я не верю в успех этого предприятия по той простой причине, что заводы были связаны друг с другом, они были звеньями одной технологической цепи. Производственная схема сразу бы разрушилась, все заводы стали бы нерентабельными.

Гурьевский завод ведь сдали частнику, оставили запасы руд и угля. Он разорился и не отдал Кабинету в 1907 году ни готовой продукции, ни руды, ни угля. Недолго частник пировал.

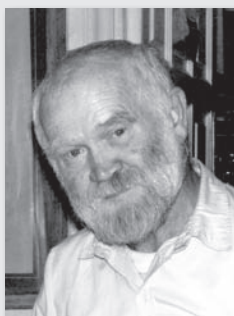
Заводы — нет. А вот рудники, заброшенные, разведанные на небольшую глубину, — стоило бы. По примеру акционерных обществ Германии. Возможно, были бы открытия крупных месторождений. Много было бы возможно, если бы Александр II интересовался вопросами развития промышленности в Сибири, как его сын Александр III. Если бы время не было упущено...

Такова история Сузунского медеплавильного завода и монетного двора, история, неразрывно связанная с историей всего комплекса Кольвано-Воскресенских (Алтайских) заводов.

ОСОБЛИВАЯ СИБИРСКАЯ МОНЕТА

Александр РОДИОНОВ

// справка

Родионов Александр Михайлович (1945 — 2013) — прозаик, публицист, краевед-любитель.

Родился в д. Ивановка Егорьевского района Алтайского края. Окончил Томский политехнический институт и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Со студенческих лет собирал материал по народным ремеслам, интересовался историей горнозаводского производства на Алтае. В Барнауле, с которым была связана большая часть его жизни, Родионов активно занимался общественно-культурной деятельностью. Был инициатором создания Демидовского фонда на Алтае и его первым президентом, членом президиума краевого общества охраны памятников истории и культуры. А. М. Родионов — лауреат ряда литературных и гуманитарных премий.

литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Со студенческих лет собирал материал по народным ремеслам, интересовался историей горнозаводского производства на Алтае. В Барнауле, с которым была связана большая часть его жизни, Родионов активно занимался общественно-культурной деятельностью. Был инициатором создания Демидовского фонда на Алтае и его первым президентом, членом президиума краевого общества охраны памятников истории и культуры. А. М. Родионов — лауреат ряда литературных и гуманитарных премий.

...Когда я вижу сегодня броневики, развозящие по Москве деньги бумажную и металлическую, мне вспоминаются документированные подробности денежной развозки тех лет, когда в старой столице на губернаторстве сидел князь Матвей Петрович Гагарин. Молодой, но прожорливый детеныш Петра I — Петербург — требовал и требовал денег, и старушка Москва, побряхтывая покорно, запускала руку в карманы казны, чтобы снарядить очередной караван с деньгами в новую столицу. Сейчас это воспринимается как курьез, но деньги в Питер князь Гагарин отправлял бочками. Причем по точном пересчете монет — это же целая рать счетчиков наметывала про себя: одна сотня, вторая, третья... Деньги ссыпались в бочку, в дело под надзором офицера вступал бондарь и вострелял в верхний утор дубовое доньшко, далее каждую бочечку обшивали рогожей и на шов по грубой ткани ложилась восковая печать, дабы ни единая полушка из бочки налево не ускользнула.

Караванами, караванами шла монета по России, и не только в Питер, а по всей стране. И ну-ка прикинем: от Москвы только до Барнаула почти три тысячи верст, а от Питера и того более. Правда, Алтай не ждал караванов из столиц, его монетой снабжал Екатеринбург. Но подумать только — для содержания Кольвано-Воскресенских заводов требовалось аж 120 тысяч рублей. И коли нет еще ассигнаций, и все серебряной да медной монетой оплачивается, то какая череда саней змеилась по Сибирскому тракту, сворачивая на Тырышкином яме в сторону Барнаула!

Публикуется с сокращениями по: Сибирские огни. 2009. № 10.

**Андрей Иванович
Порошин**

**Иван Андреевич (Иоганн
Вильгельм) Шлаттер**

Генералу Порошину для начала дела не хватало только письма из Кабинета, и, как только оно легло на его стол, он тут же кликнул членов заводской Канцелярии, составили ответ в столицу, предварительно рассчитав златосеребряную подоплеку монетного производства, не забывая об особенностях алтайской меди: «...оную медь в простую медную монету шестнадцати рублевого в пуде весу употребить не токмо убыточно, но и сожалетельно, ибо в ней немалое число серебра и знатная частица золота...» Выход из такого положения инженеры барнаульские предлагали простой и убедительный: «делать из пуда той меди по сорока рублей». То есть получалась монета с характером своим — сибирским. В России тогда из пуда меди чеканили крутяшей на 16 рублей. Но и защиту новодельных монет обдумали в Барнауле: «...для избежания всяких неистовых плутовских вымыслов к напечатанию из той меди разного сорта денег учредить штемпели с особливими от прочих денежных штемпелей знаками и оным деньгам ходить только в Сибирской губернии, начиная от города Тары далее в Сибирь до Иркутска, Нерчинска и Камчатки». Порошин, прежде чем отправить свои предложения в Петербург, распорядился провести ревизию всей наличной меди, а также той, что выходила при очистке купферштейнов и блейштейнов^{**}. Знал Порошин, зачем ему такая исчерпывающая точность нужна. Рапорт его в Петербурге ляжет на стол самого президента Берг-коллегии Шлаттера, а тот уже четвертый десяток лет занимается рудными делами в России и знает о рудниках и заводах все.

Что и говорить, коли телушка — полушка, да рупь перевоз. Дорогая денежка получалась. 120 тыс. рублей весили 7 500 пудов! К февралю 1763 г. Кабинет императорский озадачил вопросом управление Кольвано-Воскресенских заводов: а ведь у вас на дворах заводских меди скопилось в преизбытке, так нельзя ли из той меди делать монету? А ежели можно, то что для этого потребно?..

Кабинетский замысел имел под собой инженерную основу. Письмо из Петербурга всего-навсего изложило предложение Канцелярии Кольвано-Воскресенских заводов, которые в ту пору возглавлял генерал-майор Андрей Порошин. Это за его подписью от 11 сентября 1762 г. ушло в столицу донесение, где предложено было конкретно:

«...Для избежания всех дальних несходств и казенных убытков, не соизволено ли будет приказать, отправить в Кольвановоскресенские заводы из Екатеринбурга надежную персону и с нею несколько мастеров, с потребными для того перепечатания инструментами... чрез что, по отдаленности тамошняго места... кажется, не малаго казеннаго убытка, а при том тамошней народной тягости миновать можно будет»^{*}.

^{*} Тогда, в 1762 году, в Российской империи перечеканивали монеты, для чего свозили их на монетные дворы. Канцелярия Кольвано-Воскресенских заводов подсчитала, что для переправки местных медяков в Екатеринбург, на ближайший монетный двор, потребуется огромное число подвод и транспортировка эта «чрез трудныя и мало жилые места» выльется в круглую сумму. Поэтому-то Порошин и предложил не монеты к печатным станкам везти, а печатные станки на Алтай доставить. И, возможно, прав А. Родионов в том, что именно тогда и появилась идея об организации монетного производства здесь, в Сибири. (Прим. ред.)

^{**} Купферштейн, блейштейн — медно-свинцовые сернистые остатки при переплавке руды. (Прим. авт.)

Мнение Канцелярии Колыванского Горного Начальства по вопросу об учреждении Колыванского Монетного двора

*Рапорт Канцелярии Колывановоскресенского Горного Начальства,
с приложением ведомости и объяснительной к ней записки. 18 июня 1763 г.*

По повелению из оного Высочайшаго Кабинета от 18-го Февраля сего года, здесь полученному 4-го числа сего месяца, велено здешней Канцелярии представить мнение: на содержание заводов определенная сумма, сто двадцать тысяч рублей, каким способом сюда удобнее переведена быть может. Также не можно ли из имеющейся здесь полученной при выплавке серебра наличной и впредь получаемой меди делать при заводах деньги гривенники, пяти копейники и прочую мелкую монету, и сколько к тому мастеров и каких материалов потребно; и ежели такую экономию учредить можно, то добываемой при здешних заводах меди на ежегодный потребного числа передел монеты достаточно ль будет, или потребно для того учредить по близости, где медная руда нашлася, особый для той потребности медный завод, и, по силе оного повеления, Кабинету Ея Императорскаго Величества Канцелярия Горного Начальства сим покорно доносит. <...>

Что касается до перевода имеющейся здесь (полученной и впредь получаемой при выплавке серебра) меди в медную монету, то хотя оной на лицо не малое число, и впредь на ту сумму, сколько для заводов денег надобно, получить можно без нарочно учрежденного для медной плавки завода. Но оную медь в простую медную шестнадцати рублевого в пуде весу монету употребить не токмо убыточно, но и сожалетельно, ибо в ней не малое число серебра и знатная частица золота, о чем Высочайший Кабинет из приложенной при сем ведомости ясно усмотреть может. Если же из оной меди чрез зейгерование и фришевание оное серебро доставать, а медь приводить в чистоту для дела монеты, то для такой весьма обширной работы не достанет здесь времени к настоящему делу, то есть годовой выплавке серебра, а при том потребуется великое число свинца, котораго и на настоящую выплавку здесь серебра с Нерчинских заводов достается с великою трудностию и дороговизною... <...> ...Канцелярия Горного Начальства, по пустоте здешняго и по отдаленности от других способных к перевозу свинца мест, иного способу не находит, как то: оную наличную здесь медь, и которая от переплавок руд, купфер, блей-штейнов и прочаго впредь получена будет, привести и впредь приводить в чистоту и ковку и, не вынимая из нея серебра, но приводя содержанием из пуда серебра и золота в генеральную одну пробу переделывать в особливую, а не шестнадцати рублевою из пуда монету, но, приложя цену меди и имеющагося в ней серебра и золота, делать из пуда той меди по сорока рублей, или какова медь содержанием и в генеральную пробу приведена будет, как в приложенной при сем ведомости примерно показано. И для избежания всяких неистовых плутовских вымыслов, к напечатанию из той меди разнаго сорту денег, учредить штемпели с особливыми от прочих денежных штемпелей знаками, и оным деньгам ходить только в Сибирской губернии, начиная от города Тары далее в Сибирь до Иркутска, Нерчинска и Камчатки по примеру тому, как Лифляндия, Курляндия, Пруссия, Польша и другия небольшие и малой обширности княжества, каждое имеет собственные и разной доброты монеты, однако с соседственными народами чрез вексели коммерцию и прочие промыслы содержат.

Шлаттер рассчитал, какая доля драгоценных металлов может попасть в будущую сибирскую монету, и предложил чеканить деньги медные по особому подходу — 25 рублей в стопе, т. е. на 25 рублей из пуда меди. И приварок для казны не забыл при этом президент. Каждый пуд меди при переделе ее в монету даст прибыль более 10 рублей, а ежели помножить на весь запас алтайской меди, то общая выгода составит 342 234 рублей 78 копеек!

Сегодня эти расчеты Шлаттера назвали бы технико-экономическими обоснованиями — ТЭО. С готовым обоснованием президент Берг-коллегии явился на доклад к императрице. Цифра прибыли была весомым козырем при беседе с Екатериной, но куда козырней был ответ на вопрос императрицы: «Каким числом людей на новом заводе обойдешься?» — «Да всего-то сорок пять мастеров потребно, ваше величество».

Ее величество, не морща лба, сопоставила 342 тыс. рублей и 45 мужиков, которые эти тысячи обеспечат. И тут же распорядилась готовить именной указ, в коем

повелевалось Кабинету « всю ту медь переделать там на месте в особливую медную: гривенную, пятикопечную, грошевую, копечную, денежную и полушечную монету, с... изображением на них герба Царства Сибирского...»

Указ именной Екатерина II подписала 7 ноября 1763 года, а через четыре дня последовал указ Сената, где было определено уже практическое действие: « разнаго звания к делу сей монеты потребное число мастеровых людей и инструментов, велеть немедленно и с крайним поспешением отправить из Екатеринбургa на Кольвановоскресенские заводы...»

Об учреждении передела Сибирской монеты на Кольвановоскресенских заводах

Сенатский указ, данный Монетной Канцелярии, с прописанием именного указа от 7 Ноября 1763 г. № 5.025. 11 ноября 1763 г.

В указе Ея Императорскаго Величества, подписанном собственною Ея Императорскаго Величества рукою в 7 день сего Ноября, написано: чтоб не оставалась втуне и без всякой пользы имеющаяся на Ея Императорскаго Величества Кольвановоскресенских заводах, как ныне наличная, так и от ежегодной сплавки серебряных руд получаема, серебристая и золотистая медь, за весьма полезно разсудила Ея Императорское Величество, по причине великих неудобств, трудностей и иждивений в перевозе оной сюда, а наипаче в разсуждении вынятия из нее содержимаго ею золота и серебра, повелеть Ея Императорскаго Величества Кабинету всю ту медь переделать там на месте в особливую медную: гривенную, пятикопечную, грошевую, копечную, денежную и полушечную монету, с таким, для различия от прочей, изображением на них герба Царства Сибирскаго и надписи, как то приложенныя при том образцовыя монеты показывают и в такую, чтоб из каждаго пуда сей меди, который по пробам содержит в себе чистаго золота один золотник и $\frac{35}{96}$ доль да чистаго же серебра 31 золотник и $\frac{3}{96}$ доль, сложя передельныя и Ея Императорским Величеством сим трем металлам уже узаконенныя цены, тако ж и задельныя деньги, выходило-б по переделе по 25 рублей, и в прочем с таким о сей новой медной монете определением, чтоб она во всяких казенных и партикулярных сборах и платежах хождение и обращение свое имела, только в одной Сибирской губернии, как она ныне ограничена; Ея Императорское Величество сего ради повелевает Сенату: 1) об оных медных монетах и их хождении сделать не токмо в Сибири, но и во всем государстве указами Ея Императорскаго Величества надлежащия публикации, с напечатанием в них точнаго сих монет изображения, дабы каждый о том известен был, а формуляр сей публикации сперва поднести к Ея Императорскому Величеству на апробацию; 2) в сочиненном, по Высочайшему Ея Императорскаго Величества повелению, Действительном Статским Советником Шлаттером и при том же приложенном росписании изображенное разнаго звания к делу сей монеты потребное число мастеровых людей и инструментов, велеть немедленно и с крайним поспешением отправить из Екатеринбургa на Кольвановоскресенские заводы в точную команду и ведомство Канцелярии Кольвановоскресенскаго Горнаго Начальства, и с тем указом послать в Екатеринбург, ни мало не мешкав, нарочнаго курьера; 3) ежели бы паче чаяния при Екатеринбургском переделе медной монеты столько инструментов, сколько к Кольвановоскресенскому потребно, не нашлось, то недостающее число велеть сделать в Екатеринбургe с крайним же поспешением и рачительностию, дабы или вместе с прочими, или вслед за оными в самой скорости на Кольвановоскресенские заводы отправлены быть могли...

Указы нужные явились, и дело загудело: питерские гравировальщики при монетном дворе вонзили инструментальную сталь в железо будущих матриц и контрпуансонов, чтобы в краткие сроки приготовить самую важнейшую часть будущего монетного двора — штемпели, а в Екатеринбургe не в развалку, а на скорой ноге принялись готовить плащильные, обрезные, печатные и гуртильные станы, подбирая к ним все железные инструменты и приспособления.

Росписание потребных к Колыванскому медному переделу мастеровых людей и инструментов

(Приложение к Записке Шлаттера
от 27 августа 1763 г.)

М а с т е р о в ы х л ю д е й :

- 1) К смотрению над всеми работами и всего передела, шихт-мейстера.
- 2) Двух старост.
- 3) Четыре молотовые мастера.
- 4) Четыре молотовые подмастерья.
- 5) Плащильный мастер один.
- 6) Плащильный подмастерье один.
- 7) К точке валов одного знающего человека.
- 8) К обрезным станам мастер один.
- 9) Подмастерьев к оным же станам двенадцать.
- 10) Для разбору кружков одного знающего человека.
- 11) Два человека для установления гуртильных станков.
- 12) Главный мастер при печатании монет один.
- 13) Установщиков шесть.
- 14) Гармахер один для сплавки обрезных крох.
- 15) Два кузнеца чеканы знающие.
- 16) Два слесаря.
- 17) Токарный мастер для точки валов один.
- 18) Резчик для вырезывания чеканов один.
- 19) Резного дела мастеров двух.

И н с т р у м е н т ы :

- 1) Три расковочные молота для расковки меди.
- 2) Два плащильных станка.
- 3) Обрезных станов семь.
- 4) Два гуртильных стана.
- 5) Печатных больших станов шесть, средних четыре и малых два.

монетный двор, прореха так и будет зиять. А на Космале* более восьми водяных колес ставить невозможно, запас воды ежегодно мал.

Новый монетный двор, предварительно назвав его Колыванским, решили строить поблизости от Барнаула, и уже в январе 1764 года. партия горных офицеров под руководством маркшейдера Бахирева выехала на осмотр правобережья Оби, а точнее — к устью реки Ини. Обмозговали положение берегов на листе мастера и поставили крест на Ине — низок берег, пруд будет маловоден, а на новом заводе потребно крутить не менее 15 колес. Да и материалом каменным, потребным для строительства печей, окрестность скудна, так же как скудна она и на залежи глины огнеупорной.

Но... кто поедет ставить монетное дело в алтайскую глухомань? Вот тут-то и почесали репу уральские минцпробиреры и минцмейстеры: отправить лучших — свой двор оголеть! И пожадничали екатеринбуржцы-монетчики... перевели учеников в ранг служебный повыше, назвали их подмастерами, да и, положив им новые оклады, отправили в декабре 1763 года 29 мастеровых в Сибирь, для них маловедомую. Ведь неизвестно еще, где заводешко тот новый в небо дым пустит.

Одновременно с уральскими хлопотами забота о строительстве нового завода и монетного двора при нем собрала на консилиум при Канцелярии заводов всю инженерную мысль рудницкую и заводскую колыванскую, змеиногорскую и барнаульскую.

На дворе январь 1764 года.

Консилиум единогласно приговорил: монетный двор при Барнаульском заводе не ставить. Он отнимет столько сил, что выплавку серебра придется остановить, а этого просто не может быть.

Раздавались голоса: да вот ведь новый завод ставится уж полгода — Павловский... Но предложение это отшел в сторону генерал-поручик Порошин:

— Всем ведомо — Павловский ставится, чтоб закрыть прорехи, учинившиеся с закрытием завода Колыванского. Поставим при Павловском

* Павловский (или Ново-Павловский, как называли его вначале) сереброплавильный завод стоял на реке Касмале. (Прим. ред.)

О выборе места для построения Кольванского монетного двора

Протокол консилиума, созванного Канцелярией Кольванского Горного Начальства. 30 января 1764 г.

По указу Ея Императорского Величества, в Канцелярии Кольвановоскресенского Горного Начальства, в собрании консилиума, присутствующие, купно со всеми обретающимися ныне здесь горными штаб и обер-офицерами, слушав повеления из Высочайшаго Кабинета Ея Императорского Величества от 23 Ноября 1763 года, здесь полученнаго 18 числа Генваря сего 1764 года, о деле здесь из наличной и впредь при плавке руды добываемой серебрястой и золотистой меди монеты, и о построении к тому делу фабрик при Барнаульском или же при новостроющемся заводе, как то Главный Командир за пристойнее разсудит, и для того передела определено отправить на здешние заводы от Екатеринбургской денежной Экспедиции потребных мастеров и инструменты, из которых мастеровых уже некоторые сюда прибыли и достальные с инструментами в пути следуют. Имея обо всем том по присяжной должности к неупущению, но к приращению, Высочайших Ея Императорского Величества интересов подробное разсуждение: 1) Если в силу вышеписаннаго указа, оное денежное дело учредить при здешнем Барнаульском заводе, то весь оный завод должно будет обратить к действию того денежнаго дела, а плавку серебряных руд и приведение в серебро совсем оставить... <...> 2) При новоначатом вместо Кольванского Ново-Павловском заводе... воды не достанет, ибо при оном заводе более восьми меховых колес действовать не надежно; и тако оное денежное дело будет не в одном, но в двух местах. Если же все денежное дело учредить при одном Барнаульском, а переплавку руд, выплавку и очистку серебра, производить при одном новостроющемся заводе (который достроится не может ранее, как в Октябре или Сентябре месяцах), то и сто пятидесяти пудов серебра получить в год не надежно. <...> Того ради, в разсуждении в сих вышеписанных обстоятельствах, согласно приказали учинить следующее: 1-е. Передел медной монеты как при Барнаульском, так и при Новопавловском заводах... не производить, а для приуготовления меди и для переделу оной в деньги построить на присканном не в дальности от Новопавловскаго, также и от Барнаульскаго, вновь на реке Ине месте особливый новый завод... строением-же тот новый завод не надежно, чтобы более мог коштовать как в двадцать или в двадцать пять тысяч рублей; и сие разсуждается полезнее, нежели то дело устраивать при Барнаульском заводе, также с немалым расходом, и остановить выплавку серебра, через которую произойдет в интересах Ея Императорского Величества не малая сумма ущербу. В строение же того новаго завода вступить нынешняго 1764 года весною, по слитии воды, как скоро время допустит, и производить оное строение сильною рукою с крайним поспешением и рачением...

Андрей Порошин, Иоанн Готтлиб Улих, И. С. Христиани, Иоанн Лаубе, и пр.

Решение консилиума при Канцелярии оставалось подвешенным до апреля, пока Бахирев не встретился с крестьянином Малышевской слободы Зайцевым. Он-то и рассказал маркшейдеру, что по берегам речки Сузун, она пониже Ини верст на 30 в Обь впадает, изобильно и камня (под деревней Бобровской), и глины (под деревней Лушниковой), а лес там — сосна красная! Сосны там, можно сказать, безвыходно, и всякий завод поставить из нее доступно...

Бахирев проверил сведения Зайцева, выехал на место и доложил Канцелярии, что «вниз по реке Оби на речке Нижнем Сузуне, водами и лесами место изобильное... а от Барнаульскаго в 127, от Новопавловскаго завода в 76 верстах».

Не мной сказано: спроси природу понятно — и она ответ даст верный, безошибочный. Так и с заводом сузунским. Совсем недалеко от устья Сузуна Нижнего торчит в левобережье Оби каменный выступ, ниша которого — по главной реке хоть до устья сплавляйся — ничего подобного не встретишь. Это каменное крыло кристаллическаго тела Салаирскаго кряжа посылало привет изыскателям. Здесь древнекаменный кряж нырял под рыхлое одеяло Западно-Сибирскаго равнины. Есть подобные выступы по обскому правобережью и в окрестностях Сузуна. И медь, тоскующую без передела в

Барнауле, сюда по санному пути доставить не составит особого труда. Даже не сравнить с тем, каких трудов стоит перевоз руды из Змеева до Барнаула — триста верст с гаком. Вся сырьевая ситуация была за Сузун.

Бахирева определили уже в канун апреля управляющим строящихся монетного двора и завода, придав ему помощников: заседателя, комиссара, бухгалтера и писарей. Хотя и не густо населены берега избранной речки Сузун, но государству новое заведение караулить надо. Прислали из Барнаула офицера и два десятка солдат.

В мае, едва отбуянило половодье, началось строительство завода под смотрением самых опытных офицеров. Тут Порошин, не уподобляясь уральцам, не жадничал, отрядил руководить всеми работами по вододействующим механизмам Дорофея Головина, а плотинные работы доверил вести создателю барнаульской гидросиловой системы мастеру Роману Латникову.

* * *

Месяца полтора-два проведя в дороге, прибыла в Сузун команда из Екатеринбурга — станки доставила для производства монет. К этой поре уже выкладывали плавильные печи и горны четыре десятка мастеров, прибывшие в Сузун из-за Оби — с Павловского завода.

В ноябре 1764 года Бахирев рапортовал в Барнаул: «...плотина, гармахерская с двенадцатью горнами, также плащильная, молотовая и прорезная, кроме внутренних машин фабрики, построены в готовность». Пусть не смущает читателя разногласия: строят монетный двор, а Бахирев докладывает о фабриках. Несколько фабрик, где каждая выполняет определенную операцию, — в совокупности и есть монетный двор, на входе в который — сырая медь, а на выходе...

// АРХИВ

О построении Нижнесузунского монетного двора, выделке на нем монеты, трудности очистки меди и проч.

Рапорт Канцелярии Колывановоскресенского Горного Начальства в Кабинет Ея Императорского Величества. 16 ноября 1764 г.

<...> Что же касается о новом заводе и переделе денег, то вниз по другую сторону реки Оби, от Барнаульского в ста двадцати пяти вестах, на реке Нижнем Сузуне, с половины Мая месяца сего года завод строиться начат и по ныне плотина, гармахерская с двенадцатью горнами, также плащильная, молотовая и прорезная, кроме внутренних машин фабрики, построены в готовность, и очистка меди уповаемо начнется с будущего Декабря или Генваря месяца с крайним прилежанием, а как оной несколько тысяч пудов очищено и в ковку приведено, буде искусный мицц-вардейн придется, то должно оную сортировать и приводить в указную трех металлов пробу и отдавать для расковки, плащения и резки кружков, и далее в передел денег в вышеупомянутыя фабрики. О приведении-же там прочаго заводскаго строения, яко обжигальной и плавильной для купфер-штейнов фабрики и печей в достройку, Канцелярия крайнее и неусыпное старание прилагает, и впредь иметь не оставит.

Андрей Порошин, И. Христиани

С выходом готовой монеты пришлось потерпеть...

В конце марта 1765 года прибыл в Барнаул, а затем вместе с генералом Порошиным в Сузун титулярный советник Иван Марков из Петербурга. На столичном монетном дворе он занимал должность миццвардейна, т. е. заведовал пробирною частью и прославился среди монетчиков империи как изобретатель изложниц для разливки серебра в процессе передела его в монету. Но в Сибири собирались чеканить монету медную, и опыт обращения с этим металлом у Маркова тоже был. Что касалось медеплавильен, то их на Алтае уже научились строить, и Сузунская была пятой по счету. Ее строительство для советника Улиха никакой сложности не представляло, и гармахерские

горны нашли свое место в нововозведенном корпусе, и медь уже была привезена в Сузун, чтобы ее расплавленная плоть была разлита в штыки.

Наставление отправляющемуся на Кольвановоскресенские заводы к медному переделу Титулярному Советнику Ивану Маркову

1765 г.

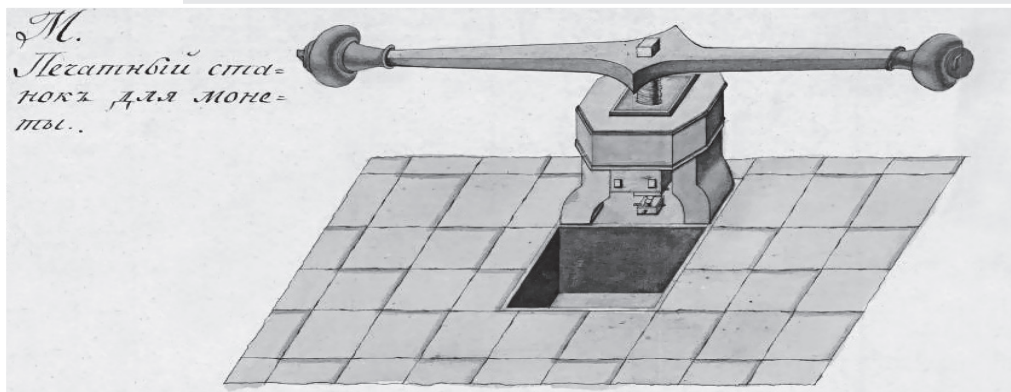
<...> А понеже по совершенной невозможности, за неимением при монетных дворах сверх штату оному делу знающих людей, наипаче милиц-вардейна, от оных дворов для отправления на Кольвановоскресенские заводы... отправить некого, а ты, Титулярный Советник Марков, будучи в службе при монетных дворах довольно в оных делах искусство оказал, так что в исправлении... меднаго передела Монетный Департамент на тебя полагаться может и сам ты к тому желание имеешь, того ради Монетный Департамент определил тебя на Кольвановоскресенские заводы отправить, выдав тебе по требованию твоему на восемь почтовых лошадей принадлежащая прогонная деньги, а для вспоможения тебе в пути и для провозждения командировал двух исправных разсыльщиков, Родиона Немкова и Алексея Бирюкова, а для твоего содержания получать тебе Ея Императорскаго Величества жалованье для отдаленности места сверх положеннаго здесь в С.-Петербурге, по штату четырех сот рублевого годового оклада еще по сту рублей, итого по пятисот рублей...

Иван Шлаттер

Готова была медь расплавиться, и генерал Порошин по-хозяйски обошел почти готовые и завод, и все фабрики, руки потирая, — вот-вот застучат чеканы по нарезанным кружкам меди, и пойдет, пойдет потоком готовая монета сибирская!..

Какие-то неотложные дела оторвали Порошина от пуска монетного завода, и он 12 июня 1765 года покинул Сузун...

А через четыре дня курьер доставил генералу в Барнаул депешу, в которой сообщалось, что 14 числа «близ расковочной фабрики от нанесенной от огненных работ искры в случившийся пружестойкий вихрями ветер, сделался пожар, и меньше часа гармахерская фабрика с действующими двенадцатью горнами и инструментами, также устраиваемыя Марковым к денежному делу расковочная, плащильная, прорезная и печатная фабрики и прочия пристройки до основания сгорели».

Печатный станок для монеты. Рисунок из рукописи «Описание монетного производства со изображением плавильных печей и действующих махин, сочиненное Статским Советником Андреем Нартовым. В Санктпетербурге 1779 года»

О пожаре на Сузунском монетном дворе

*Рапорт Канцелярии Кольвановоскресенского Горного Начальства
в Кабинет Ея Императорского Величества. 3 июля 1765 г.*

<...> А 16 числа онаго же Июня, Нижне-Сузунская Заводская Контора и Титулярный Советник Марков рапортами представили, что 14 числа, во время шаша, пополудни в начале второго часа, от начаянаго случая в расковочной меди фабрике (где... якорный горн, на котором мастер с работниками и работал) учинился пожар и от того она и все прежде построенныя, и по его, Маркова, плану вновь строящиеся к денежному делу, также по другую сторону водянаго ларя гармахерская с двенадцатью горнами и инструментами, фабрики и оный ларь сгорели. Прочия же, за крепостью и в крепости строения, построенный по Екатеринбургскому расположению в особом остроге денежный двор, магазины, в них очищенная и не очищенная медь и прочие припасы от того пожара остались сохранны. При том изыясняют, что от того пожарнаго случая, огонь тот же самый час так усилился, что почти менее четверти часа вся связь и принадлежащая к денежному делу строения, прежде построенныя и вновь Марковым строящиеся, вокруг огнем были обняты, от которых гармахерскую фабрику вдруг жаром сильно обнял и в таком кратком и скоропостижном времени отстоять и из нея кроме меди ничего выбрать не могли и были безсильны. Не меньше того навело страх от сильного ветру и вихря, бросало огонь не на малое разстояние в даль версты на две, и в дровосеке загоралось, но бывшими там людьми утушали. В такой крайней опасности всеми силами отстаивали и защищали вышепомянутое строение и магазины.

По тем рапортам онаго же числа, по определению Канцелярии учинено: 1-е, для вышеозначеннаго экстраординарнаго приключения (за случившеюся тогда Главному Командиру в возвратном с того Нижне-Сузунскаго завода проезде болезнию и слабостью в здоровьи) отправлен на тот завод Коллегии Советник Христианий и велено по приезде, во первых, все обгорелыя на тех местах строения... утуша до последней искры, имеющимися тамо всеми людьми немедленно разобрать... Сгоревшие медные, чугунные и железные припасы, годные от негодных отобрать и что можно исправлять и отдавать в починку, а между тем с обретающимися тамо Коллегии и Титулярными Советниками Улихом, Марковым и другими наличными офицерами учинить консилиум и сделать распоряжение, каким порядком, и без опасности впредь от пожарнаго случая и к пространству, вместо означенных сгорелых, вновь фабрики и к денежному производству строения произвести надлежит и особливо, кроме гармахерской, подлежащая к расковке, плащению и резке в кружки меди, и другия к денежному делу фабрики отдать на разсуждение помянутаго Маркова, каким наилучшим способом он заложить и строить разсудит, и по тому разсуждению сделать надлежащий план. <...> 2-е, отчего оный пожар случился и не было-ли от кого в том злодейскаго умыслу, или чьею оплошностью и небрежением, или же нечаянным случаем, и на котором месте именно, изыскав пункт и без больших письменных производств разобрав в тонкость, и изыскав виновнаго, записать точно, и оное изыскание в тонкость справедливости и разбирательство, или следствие, учинить обще Коллегии Советникам Улиху и Христианию и Титулярному Советнику Маркову, употребя к тому в присутствие и находящихся там горных офицеров, маркшейдера Петина, гитень-фервальтера Баллея и баталионнаго Поручика Попова, по самой сущей справедливости без всякаго пристрастья, не различая команды и незащищая никому своих подчиненных, но единомысленно изыскать самую истинную причину, отчего оное произошло, и какая найдена будет причина и кто в том за виннаго признан будет, о том за общими руками прислать рапорт в самой тончайшей справедливости... <...>

И по тому определению, вышеупомянутый Советник Христианий, возвратясь 30 числа Июня, бытности его там о распоряжениях и прочих учреждениях при рапорте подал журнальную записку, а из следствия о причине случившагося пожару за руками всех вышеупомянутых персон из Нижнесузунской Конторы особый рапорт, по которому явствует:

1) Что они (кроме Советника Улиха, который за глухотою и слабостью здоровья не присутствовал) Коллегии Советник Христианий, Титулярный Марков, маркшейдер Петин, гитень-фервальтер Баллей, Поручик Попов о причине и начале случившагося пожару чрез допросы заводских служителей наиприлежнейше разбирали и следовали, и по оным явилось, что пункт того места, где сперва загорелось, оказался в молотовой, что для расковки меди, фабрике, у средняго молоту против лареваго костыля; а отчего в том месте загорелась, того точно

и действительно по делу дойти не можно, только по всем обстоятельствам разсуждают, что тот огонь в молотовой фабрике не от инаго чего появился, как разве от гармахерской фабрики занесло бывшим тогда сильным ветром из труб искру, которая падением своим трафила на смолеватое, какое тут у костыля, место, где уповательно в немалом уже после своего падения времени разжилась и огонь от нея размножился вдруг во время шабашу, ибо оно подает думать потому, что молотовой фабрики стена на самом обложена канале, который от ларя только полторы сажени, и из того ларя проведены в молотовую и прочия монетного дела фабрики костыли, а между обеих гармахерской и молотовой разстояние места было четыре сажени, а в молотовой фабрике того числа под молотами работы никакой не было, а хотя на так называемом якорном, или кузнечном, горну якорный мастер с работниками у дела изложницы в ручной мех и работал, но по выходе обедать на горну огонь и уголье водою до последней искры заливал, что по допросам и судейскому самоличному осмотру оказалось подлинно залито было; что же касается о сыскании причины пожарнаго случая виновнаго, то по делу ближе не отыскалось кроме дневальнаго тот день в молотовой фабрике из вновь набранных в нынешнем году рекрут заводскаго служителя, Льва Сидорова, который, будучи в шабашное время с прочими пришедшими до битья еще на работу с полдень в колокол, в той фабрике спал, чего для, как загорелось, он никому поблизости в том месте спящим работным людям, и заблаговременно в другия места, и в гармахерскую фабрику, чтоб тот огонь, пока еще не разжился, залить водою и утушить было можно, объявить и в том предостеречь не мог, а мимо его усмотреть другим того огня, кроме что разве нечаянным-бы кому довелось случаем, нельзя, за тем что тот огонь происходил не на поверхности крыши (где-бы бывший в карауле из мастеровых, на гармахерской фабрике нарочно поставленный, усмотреть мог), но внутри молотовой фабрики у первой от ларя стены против костыля под жолобом горело, и как точно по делу видно, плотиннаго дела из малолетних ученик, Андрей Козьмин, на перво всех по приходу в ту молотовую фабрику огонь увидел и людей разбудил, а из внутри фабрики уже горело, а наверху видимо тогда (как из прочих допросов оказалось) еще не было, да сверх того и Титулярный Советник Марков от 29 числа того-же Июня присланным в здешнюю Канцелярию рапортом, по чистой его христианской совести и присяжной должности и по безпорочной долговременной его службе, уверяет, что злаго умышления к пожарному случаю и небрежения не признавает, а воображает более, что допустила к таковому случаю невозможность человеческая к достижательству будущаго от Всевышней десницы наказания...

О Нижнесузунском монетном дворе

Письмо А. Порошина к А. В. Олсуфьеву. 3 июля 1765 г.

<...> О Нижнесузунском же, для очистки меди и денежнаго дела построенном, заводе с крайним сожалением донести имею, что он меня замучил и изсушает дух мой; виною, по новости всего тамошнего места, а при том по слабости и неосторожности находящихся офицеров, было там восемь дней в работе остановки за подпрудною водою, отчего они по необходимости пришли в великую робость и смятение; я на то время был весьма в слабом здравьи и ехать туда было не можно, однако немедленно дал наставление и их несколько успокоил, и паки вступили в настоящее дело, но из горных офицеров Петин и Баллей впали в жестокую болезнь, Петин мучился лихорадкою, а Баллей едва бродил; между тем, между ими и даже Коллежским Советником Улихом и Титулярным Марковым происходили несогласия и от одних другим неудовольствия, а в самом деле пустые каряченья и тщеславия, единственно приличные простым мужикам. Чего ради принужден по необходимости туда ехать 30 числа Мая и жил там по 12 Июня; все онья их брюзги разнообразными и многочисленными способами пресек и производилась работа сильною рукою; меди по мой отъезд очищено более пять тысяч пуд и привел было к единодушному согласию, и обще надеялись с половины нынешняго месяца вступить в денежное дело... Но с неописанною горестию 16 числа получил оттуда рапорт, что 14 числа того месяца, близ расковочной фабрики от нанесенной от огненных работ искры в случившийся пружестокый вихрями ветер, сделался пожар...

А. Порошин

Такой беды ни Бахирев, ни Марков не ожидали, как не ожидали несчастья и две сотни заводских служителей и восемьсот приписных к заводу крестьян, труд которых огнем и ветром уничтожило дотла. Однако же и поборолись строители — спасли самое важное: монетные станы и к монетному делу пригодные инструменты. Но крестьянам от этого легче не стало. Они свое дело выполнили, дома, в Малышевской слободе, пора сено ставить, а там и страда ржаная, пшеничная подступает. Но власть горнозаводская крестьян по домам не отпустила. Снова зашикали, засновали пилы в Сузунском бору, кряхтя сучьями и жалуясь небу каждой зеленой веточкой, падали на лесной подзол сосны, чтобы лечь в стены новых фабрик и крепостной ограды. А крепость-то зачем? Уже и Джунгарская кочевая империя рухнула — утопила ее в крови Поднебесная. А припасы, а медь, а готовая монета? Их караулить надо. Вот и крепость ставится.

Для Маркова задолго до пожара прояснилась еще одна важнейшая заморочка в деле. Он устроил прибывшим из Екатеринбурга мастеровым своего рода экзамен, и понятно стало — понятней некуда — что уральцы такие присланы, что «по знаниям своим не в состоянии того дела производить». Экзамен высветил: на Урале ты был учеником, а в Сузун послан подмастером, был там подмастерьем, а послан как мастер.

// АРХИВ

О Нижнесузунском монетном дворе

Письмо А. Порошина к А. В. Олсуфьеву. 3 июля 1765 г.

<...> ...А из присланных из Екатеринбурга к денежному делу мастеровых подлинно ни одного человека нет и подобно как нарочно в брак присланы худого состояния и произведенные для той посылки же из негодных подмастерьев в мастера, а в подмастерья из работников и учеников с большими окладами жалованья, и лучший прислан пробирный мастер, на которого все дело положить велено, не только того производства, но и пробирного дела не смыслит, как и помянутый Марков в представлениях своих упоминает, что надобно его еще обучать, а инструменты все самые бросовые...

А. Порошин

// АРХИВ

О построении Кольванского монетного двора, опытах выделки монеты и проч.

Определение Монетного Департамента Берг-Коллегии на основании рапортов Маркова. 21 сентября 1765 г.

<...> 6) Высланные из Екатеринбурга денежного дела мастеровые по свидетельству его (Маркова. — Ред.) оказались по званиям своим не в состоянии того дела производить, а несут то звание по положению на них при посылке туда (на Кольвано-Воскресенские заводы. — Ред.), а другие оказались при деле монетном в подозрительных штрафах, коих действительно к монетному делу по законам и допустить не возможно, и тамошнему Горного Начальства Канцелярию определено наслать к тому монетному делу в обучение из рекрут, с каковыми людьми начатие и производство монетному делу весьма будет трудное, кое едва ль может по его (Маркова. — Ред.) болезненному и слабому корпусу снести долго временно, что по всему показательству помощи видеть ему не от кого, и затем требует, чтобы от Монетного Департамента выслать к нему из находящихся при С.-Петербургском монетном дворе мастеровых людей и монетчиков... <...>

Приказали учинить нижеследующее: <...> ...подозрительных и негодных мастеровых и монетчиков отослать ему, Маркову, в Канцелярию Горного Начальства, а на места их присланных из той Канцелярии рекрут распределять по рассмотрению своему, кто к какому делу склонность и понятность иметь будет, которых тому делу и обучить вскоре можно, ибо и к серебряному монетному делу, который медного передела хитрее, монетчики комплектуются из незнающих оное дело людей, кои несмысленнее рекрут, и те вскоре обучаются; а сверх того и требуемые им, Марковым, мастеровые из здешнего монетного двора, також и инструменты, к нему, Маркову, отправлены быть имеют...

Послепожарная пауза позволила Маркову выправить положение — посланная им в Монетную канцелярию Петербурга депеша убедила столичное начальство послать в Сузун «к резному делу двух учеников, довольно знающих в рисовке и резке... И одного совершенно знающего инструментальное дело исправлять». А из Барнаула Марков запросил детей мастеровых, чтобы обучить их пробирному делу.

Сибирская монета, так ожидаемая, открывала дорогу всем пожеланиям Маркова. Прислали еще 11 петербургских монетчиков и рекрутов из окрестных заводов набрали — выбирай, мастер, способных к делу. Обучение будущих монетодельцев шло одновременно со строительством.

Черту подготовительным работам на Сузунском монетном подвел июнь 1766 года. На реке встала плотина длиной в 147 сажень — запас воды в пруду с половодья готов!

Пониже плотины, как и в Барнауле, разместилась крепость, представлявшая собой огражденную частоколом площадку размером 108 на 260 сажень со всеми заводскими сооружениями. Но главное сооружение — собственно монетный двор — был обнесен отдельным, трехсаженной высоты, забором, в котором были устроены единственные ворота. Это была крепость в крепости — средоточие дела, ради запуска которого более двух лет работали сдернутые с пашен и лугов крестьяне из окрестных деревень. А само дело — чеканку монеты призваны были осуществлять 45 мастеровых, которых начальник двора Марков отфильтровал из рекрутированного потока людей. Кто-то попал в монетчики, но нужны были и слесари, и кузнецы, и плотники. Таковых на Сузунском монетном и при заводе к июню 1766 года насчитывалось более сотни человек.

В июне прибывшее из Барнаула начальство отстояло молебен, священники из главного барнаульского храма во имя Петра и Павла окропили освященной водицей все строения и станы, а вода-работница, теснившаяся волной у тела плотины, по команде руководителя двора хлынула под приподнятые створы шлюзовых прорезей и, разгоняясь по желобам ларей, ударила в плиты рабочих водоналивных колес.

...Началась пробная чеканка монеты.

Для опыта в июне перечеканили не так уж много меди — всего-то 136 пудов. Но этого было достаточно, чтобы генерал Порошин вместе с вардейном Марковым отобрал из пробной партии по две монетки каждого номинала и отправил их в Санкт-Петербург «на апробацию».

О скором открытии денежного передела на Колыванском монетном дворе и присылке двух пробных экземпляров каждого сорта монеты

Рапорт Канцелярии Колывановоскресенского Горного Начальства в Кабинет Ея Императорского Величества. 2 сентября 1766 г.

О вступлении при Нижнесузунском заводе Титулярным Советником Марковым сего года в Июне месяце в передел меди ста тридцати шести пудов в деньги, для пробы, и выходе той монеты, о угарах и задельной плате, о учинении тому счетов и посылке в Монетный Департамент, о происходящем от него Маркова медлении в настоящее вступление в передел денег, и какое к тому Канцелярия прилагает старание и понуждение, и что более средств не находит, о том о всем, по силе из Высочайшего Кабинета от 10 Марта сего года указу, в Монетный Департамент с изъяснениями при нынешней okazji сообщено. И для засвидетельствования и апробации из тех сделанных монет каждого сорта по две при том приложены, к вододействующему же переделу при том заводе фабрики, в них печи и горны совсем построены и устраиваются внутренние приборы и машины; и ежели оный Марков от болезни свободится и отрицания иметь не будет, то в исходе нынешнего месяца в действо пустить надеемся; о чем Высочайшему Кабинету Канцелярия Горного Начальства сим покорно доносит.

Июль ушел на то, чтобы монеты с курьерской скоростью были доставлены в Кабинет императорского двора, где Шлаттер представил их начальствующим особам, а позже самой императрице. И судьба сибирской монеты была решена: чеканить!

Словцо это звонкое, окруженное соседственными вспомогательными словами указа, по водам и посуху дошло-доехало до Алтая только в сентябре — просторы, прорезаемые Сибирским трактом, хоть и измерены, но будто бескрайние...

На всю катушку, как говорится, монетный двор на речке Сузун заработал в конце сентября. Вычищенные и до блеска промытые чеканы поцеловали прокованную медь, и блики солнечные на теле денежном соперничали с яростью желто-багряных лесов, в сибирской бескрайности которых застучало, заработало монетное сердце Сибири.

В первый год работы сузунские монетчики успели запустить в передел всего-то около тысячи пудов меди из шести тысяч, выплавленных на заводе. Денег вышло из той прочеканенной меди на 23 227 рублей. Все последующие годы Сузунский двор выдавал для сибирского хождения монет на 250 тысяч рублей, что и предписывалось императорским указом*.

...А теперь самое время сказать, что же оказывалось в кармане сибиряка — какой вид имела своя, не столичной чеканки, монета. С лица на нее глянуть — вензель Екатерины II под короной. Обрамление вензеля — лавровая и пальмовая ветви. Это — аверс.

* На самом деле, общие годовые суммы отличались. (Прим. ред.)

Повернешь монету — увидишь герб сибирский, но соболя на нем держат не стрелы, а щиток с номиналом, где указан и год чеканки. Над щитком, под округлостью монеты, будто под сводом небесным, встает на медном небе корона. Причем лучей на той короне художник-медальер утвердил пять. Прочитаем, что за слова по кругу, ближе к краешку монеты, пущены. Значится там словесно: «монета сибирская». Да это еще не все слова на монете сибирской. По гуртику медальеры, чтобы отличку наших денег дальних от прочих российских иметь, предусмотрительно букровки накатали: «колыванская медь». Такой надписи не было только на копейке, деньге и полушке — уж больно узок поясok ребра, чтоб на гуртильном стане такие литеры в медь впечатывать-накатывать.

К началу 1767 года по гуртику пустили косою штрих, а под императорским вензелем появились литеры «КМ», что и означало «колыванская медь».

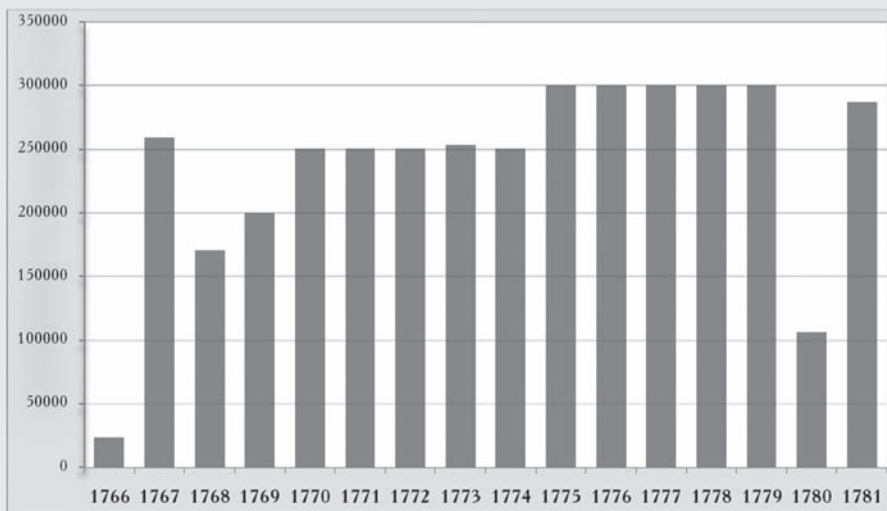
Слово «колыванская» породило одно устойчивое заблуждение. Возникло оно еще на той стадии, когда власти ни в Барнауле, ни в Петербурге не знали, где будет построен двор, и в документах тех лет будущий монетный двор условно именуется Колыванским. Из Петербурга — далеко! Не видать. Кабинетским столоначальникам все алтайское — «колыванское», поскольку заводы Колывано-Воскресенские. Из Москвы до Алтая тоже далеко, как далеk год основания Сузунского монетного двора от года издания книги В. Э. Узденникова «Монеты России» (М., 1986). Там и пропечатал автор сведения о Колыванском дворе, делающем одноименную монету. Ни монеты, ни двора, деньги производящего под таким названием, в природе не было. Но «утка» нумизматическая в

10 копеек 1775 г.
Сузунский монетный двор.
Künker Auktion 272, lot 2764

культурный оборот запущена, да и хорошо, что она запущена. По тому, кто и насколько верит ей, можно судить, с кем ты имеешь дело — со знатоком или дилетантом.

Отчеканено сибирской монеты (в рублях):

Всего отчеканено с 1766 по 1781 г. на сумму 3 799 661 рубль 93½ коп.

Диаграмма создана по данным Ведомости о количестве медной монеты, отчеканенной на Колыванском монетном дворе в царствование Императрицы Екатерины II. (Монеты царствования Императрицы Екатерины II. С.-Петербург, 1894. Т. 1. С. 341.)

Сибирскую монету сузунцы чеканили до 1781 года, и небосклон денежно-финансовый над всеми губерниями от Тюмени до Камчатки был, казалось, безоблачным. За это время сузунской монеты начеканили на 3,8 млн рублей...

Чтобы полнее представить процесс рождения монеты, не помешает назвать основные этапы передела выплавленной меди: расковка в полосы, прокатка меди до нужной толщины, вырезка кружков, прокаливание кружков и накат штрихов или надписи на гуртике, чеканка, или тиснение, монеты, что и означало венец делу.

Фальк о чеканке монеты

И. П. Фальк, шведский врач и естествоиспытатель, директор ботанического сада при Санкт-Петербургской Академии наук, бывший в 1771 году на Алтае, так описывает процесс изготовления монет на Сузунском монетном дворе:

<...> Здешний способ чеканить монету есть следующий. Смешанную медь со штыковою куют в доски, которая проводят чрез вал; настоящая же толщина определяется вырезанным толстым стальным кольцом. Ковачам предоставляется для потери на 1 пуд 72 золотника; если не достанет более, то они должны оное заменить, если же выходит менее, то им остальную доплачивают.

Из досок режут кружки острым стальным кольцом, действующим водою, которые после полируются. Сор опять смешивают и употребляют при следующем плавлении.

Кружки гуртят ручными машинами и наконец чеканят двумя ровносоходящимися штемпелями, водою, как сказано было при Екатеринбургском монетном дворе. Мальчики, сидящие в яме и имеющие по обеим сторонам штемпеля по горящей свече, укладывают кружки и готовые сталкивают скоро и искусно долотцом. Вычеканенную монету складывают по 25 рублей в мешки и запечатывают отдадут в Контору.

Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Имп. академиею наук, по предложению ее президента: с примечаниями, изъяснениями, и дополнениями. — В Санктпетербурге: При Императорской Академии наук, 1818—1825. Т. 7: Заключающий в себе дополнительные статьи к Запискам путешествия академика Фалька, ч. 2.

* * *

Ведущую роль на Сузунском заводе вскоре стал играть обер-берг-пробирер Алексей Слатин*. Он своим разумением начал строить вододействующие машины** для тиснения монеты шести сортов, гурчение усовершенствовал, реконструировал семь плавильных печей, построил три завода, лазарет и школу. И под его началом деревянная плавильня в 1786—1787 годах была перестроена в каменную.

Десятью годами позже в Сузуне появился очень талантливый человек — механик Поликарп Залесов. Изобретенная им воздухоудная машина пригодилась здесь для усовершенствования дутья в печах, ручную разливку меди в штывки Залесов механизировал, чем крепко сократил число рабочих у плавильных печей.

Работа на Сузунском монетном дворе шла по изначально заданному ритму. Он нарушался разве что природной стихией, как это случилось в 1776 году, когда разыгралось бурное половодье. Размыть земляную плотину дурной воде — дело двух часов. Их-то и хватило, чтобы поток воды из переполненного пруда обрушился на строение заводское и монетодельное, да так яростно, что даже унесло исковерканную чеканную фабрику вместе с начинкой — унесло потоком, шутя и играючи покатило по изрытому руслу и упокоило неведомо в какой завод, чтобы накрыть в то же половодье слоем молчаливого песка. То-то будет кому-то находка через неизвестно сколько лет, когда Сузун-река станет перебирать-перемывать свои берега и покажутся многогранники стальных штемпелей образца того ненасытного 1776 года, когда медальерам и резчикам заводским пришлось заново резать-гравировать новые контрпуансоны и поспешать с этим делом к тому сроку, когда будут восстановлены разрушенная плотина и покореженные фабрики.

* * *

А теперь о финансово-денежном небосклоне над Сузуном, появление тучек на котором определялось министерством финансов.

За уральским пределом сибирская монета хождения не имела. На первых порах сибиряки с удовольствием обходились своей денежкой: и жалованье получали, и

О прекращении тиснения сибирской монеты на Кольванских заводах и приготовлении такой же монеты, какая обращается во всем государстве

Именной указ, данный Сенату. 7 июня 1781 г.

По умножению делаемой на Кольвановоскресенских заводах сибирской монеты до того уже количества, что, сверх ее обыкновенного обращения в Сибирской губернии, вступает она в число государственных доходов, следующих в высылку внутрь России, повелеваем Мы всю донныне сделанную сибирскую монету оставить в хождении, по точному предписанию манифеста Нашего, изданного 5 Декабря 1763 года; но с сего времени не делать уже оной вновь, обратя употребляемую на то медь при тех же Кольвано-Воскресенских заводах на тиснение такого штемпеля монеты, которая имеет хождение во всем государстве и делается в Екатеринбург; причем наблюдать, дабы по настоящему весу выходило из пуда 16 рублей, без всякаго зачета малых частиц золота и серебра, в оной меди содержащихся, и не производя особой сплавки для отделения тех частиц.

2 копейки 1800 г.
Сузунский монетный двор.
Künker Auktion 275,
lot 5044

при расчете в лавках и на ярмарках — о прилавок тоже «сибиркой» ударяли. Подати в казну платить надо — тоже сузунская монета в ход шла. Но вот наступил день, когда казначейства по Сибири начали роптать. Больно много медной монеты сузунской выделки скопилось. А оттока ей нету — не ходит она в коренной России. И стали казначейства удила закусывать — платите, сибирячки, серебром! Но Сузун серебра не чеканит... Дернула казна за ту веревочку, на которой была нанизана целая гирлянда денежных отношений: крестьяне и купцы перестали продавать продукты на заводы. И как следствие образования медно-денежного «тромба» вспыхнул в Сибири серебряный припадок, или, как говорят банкиры, лаж, что означает — за рубль серебром стали просить медью куда более рубля. Полетели в столицу империи челобитья купечества сибирского: дайте ходу нашей монете по всей России! Но там, в столичных верхах, решили иначе. И не без учета алтайских особенностей. Ну, перво-наперво решено было прекратить чеканку монеты сибирской. Указ от 7 июня 1781 г. предписывал перейти Сузунскому монетному на чеканку медных денег общероссийских.

Но у этого решения есть своя подоплека, которую прояснил исследователь истории российских денег Александр Юхт. Вот что он пишет: «К началу 80-х годов получаемая от плавки золотистого серебра медь содержала в себе по сравнению с прошлыми годами значительно меньше серебра и золота. К тому же этой меди было недостаточно для чеканки требуемого количества сибирской монеты. А запасы высокопробной меди были исчерпаны. Добываемые же медные руды имели «содержание серебра весьма убогое» и после плавки и очистки в медь «надлежащей к монетному делу цены в себе не содержали». Поэтому в ноябре 1781 года решено было сибирскую монету по 25 руб. из пуда меди более не делать, а из получаемой на Колывано-Воскресенских заводах меди чеканить медную монету по 16 руб. из пуда, т. е. такую же, какая имела хождение во всей России, и теми же штемпелями, что и на Екатеринбургском монетном дворе».

Перемена в монетном деле на Алтае связана не только с тем, что пошли в забоях руды бедные. Все исследователи в один голос отмечают общий упадок горнорудного дела. Выплавка серебра к 1779 году сократилась наполовину! Сколько это в пудах составило? Были годы —

5 копеек 1809 г.
Сузунский монетный двор.
Künker Auktion 272, lot 2890

5 копеек 1832 г.
Сузунский монетный двор.
Künker Auktion 275, lot 5119

Фрагмент печатного стана (чеканного пресса) Сузунского монетного двора. Чугун. Вторая половина XVIII — середина XIX в. Из экспозиции музея «Монетный двор»

вместо 800 в Питер уходило 400 пудов. Похудел серебряный караван... Укоротился на три десятка подвод. И потребовались крепкая ревизия на Алтае члена Кабинета императорского двора генерал-майора Петра Соймонова и назначение впоследствии новым командиром колыванских заводов статского советника Гаврила Качки, чтобы добыча руды, а вслед за ней и выплавка серебра взметнулась бы к высотам, ранее недоступным. При Качке на монетный двор империи отправлялось в иные годы по три серебряных каравана, что в целом составляло более 1 000 пудов валютного металла в год.

Сузунский монетный двор потряхивали не только перемены в ведении горнозаводского дела на Алтае. Восхождение нового государя на трон порою означало: стоп машина! Чеканы менять необходимо, новый вензель резчиком на стали гравировать. Впрочем, готовить новые штампы в Сузуне приходилось регулярно.

* * *

В начале 1845 года управлявший Алтайским горным округом генерал-майор Степан Петрович Татаринов получил предписание из высшего финансового органа империи, в котором говорилось о сокращении выделки монет на Сузунском монетном дворе, поскольку предполагалось с 1846 года отказаться от чеканки медной монеты вообще. Думали в Петербурге: обойдется Россия без медной копеечки, а на сей момент этих медяшек по всей империи накопилось безмерно. Министр финансов замыслил «уничтожить стеснение, терпимое от скопления оной в уездных казначействах...»

Говоря иначе — в денежных артериях России образовались медные «тромбы». Так и до паралича недалеко...

Генерал Татаринов тут же собрал Горный совет, который, взвесив все возможности рудников и заводов округа, а также Сузунского монетного двора, определил: запасов руды и полуготовой меди хватит еще на десять лет бесперебойной работы.

Совет в Барнауле постановил: «завод Сузунский ни в коем случае не может быть уничтожен». Правда, категоричности в решении не было, поскольку предлагали и вариант: уж коли надо совсем закрыть монетное дело, то мы готовы в Сузуне просто серебро плавить... Так приговорили алтайские горные офицеры, знавшие толк и в добыче руды, и в ее металлургическом переделе. Даже расчет к решению приложили, где ясные цифры были: прибыль казне от Сузунского двора ныне простирается до 115 000 руб. в год*.

* Представление Главного начальника Алтайских заводов и список с журнала Горного совета Алтайских заводов были рассмотрены на заседании Ученого комитета Корпуса горных инженеров. Виднейшие деятели горной науки и техники того времени полностью согласились с доводами сибирских офицеров и безоговорочно заключили: Сузунский монетный двор необходимо сохранить. (Прим. ред.)

**О необходимости оставить Сузунский завод
и действие медных рудников в настоящем виде, и о том,
что в случае необходимости уменьшить количество медной монеты
в обращении, можно будет ограничить выделку ее**

Журнал Ученого Комитета Корпуса Горных Инженеров, за № 47. 7 ноября 1845 г.

<...> Комитет рассмотрев все сие находит:

Что уничтожение выделки медной монеты на Сузунском Монетном Дворе, повлечет за собою значительное уменьшение заводских доходов и увеличение расходов Государственного Казначейства, ибо выделяемая ныне монета из собственной меди на сумму 150.000 руб. ежегодно должна быть возмещена из Государственного Казначейства таковою же суммою в кредитных билетах.

Что выплачивать медь для продажи будет также для заводов не выгодно, ибо сбыт ее на месте не может быть значителен, а перевозка на Нижегородскую ярмарку будет стоить дорого.

Что при богатстве и благонадежности медных рудников Алтайских было бы не выгодно оставить их без употребления, ибо рудничные работы, находясь в бездействии и будучи затоплены водою, могут, не смотря на твердость пород, значительно испортиться, от чего впоследствии, когда настанет надобность в их возобновлении, потребуются на этот предмет не маловажные издержки.

Что уничтожение Монетного Двора, также будет для казны не выгодно, ибо кроме убытка, долженствующаго произойти в настоящее время от уничтожения разных зданий и устройств, со временем, в случае возобновления выделки медной монеты, потребуются несравненно большие издержки на учреждение вновь монетного производства.

Что если теперь оказывается излишек в медной монете в Сибирских губерниях, то оный можно почитать лишь временным и что если ныне прекратить вовсе выделку медной монеты на Сузунском Монетном Дворе, то впоследствии, при могущей случиться потребности в медной монете для Сибирских губерний, особенно если монета старого чекана будет изъята из обращения, должны встретиться многие затруднения, сопряженные с большими издержками, при снабжении тамошняго края медною монетою с Екатеринбургскаго Монетнаго Двора.

Основываясь на сем Комитет с своей стороны полагает:

Выделку медной монеты на Сузунском Монетном Дворе, а с тем вместе и действие медных рудников и Сузунскаго завода оставить в настоящем их виде.

Что если необходимо нужно уменьшить количество медной монеты в обращении, то в таком случае можно будет ограничить выделку медной монеты до некоторой степени, причем остающихся в излишке рабочих людей можно будет употребить на другия производства, по усмотрению местнаго Начальства.

Журнал сей Комитет положил передать в Департамент Горных и Соляных Дел.

Подписали: Г. Члены Ученого Комитета Корпуса Горных Инженеров.

Резолюция: Министром Финансов написано: «согласен». Утвержден 1 Декабря 1845 г.

Оглянешься на те времена и подумаешь: курица несет золотые яйца, а ей голову отрубить готовы! Да не так ли и поныне творится?

В 1845 году начальство Алтайского округа Сузунский монетный отстояло. Петербург решение о закрытии самого восточного монетного двора империи отменил.

* * *

Над Сузунским монетным во все годы его работы витала какая-то роковая неотвратимость: едва он был построен, как тут же сгорел. Силою государственной необходимости ему была дарована судьба птицы феникс — монетный двор был восстановлен и запущен в работу. Позже было еще несколько пожаров, но нерешительных.

Решительно и окончательно монетный двор на реке Сузун сгорел в 1847 году. И было чему гореть — с десятков разнокалиберных цехов и фабрик теснились на пятачке, окруженном деревянным забором. А ворота на этот пятачок — единственные, бочки с водой и бочки пустые в них не разъедутся. Картина наутро предстала печальная: обрушенные кровли, под которыми истуканами прокопченными замерли плавильные горны.

Об убытках, причиненных Сузунскому Монетному Двору пожаром, цене, в какую обойдется построение нового и о необходимости ассигнования сумм для Алтайского округа, в виду прекращения выделки монеты, которая шла на содержание его

*Список с рапорта Главного Начальника Алтайских Горных заводов
Министру Финансов. 15 декабря 1847 г.*

Осмотрев 8-го числа сего Декабря Сузунский завод и следы бывшего в нем пожара, имею честь донести Вашему Высокопревосходительству:

1. От бывшего в 25-е число Ноября пожара сгорели до основания следующие деревянные здания: Монетный Двор, как видно на плане под знаком 5, состоящий в капитале в 3 305 руб. 40½ коп., небольшая обыскная комната под знаком 6-м в 17 руб. ½ коп. и сарай под знаком 7-м в 2 руб. 3 коп., но смежные с ними строения и новая медеплавильная фабрика спасены без повреждения, хотя они и находились в большой опасности, отстоя от Монетного Двора на расстоянии 5 сажень.

2. Во время пожара находилось в Монетном Дворе разных инструментов железных и чугунных, также... вещей на 3 669 руб. 22 коп. Эти вещи собраны и по осмотру многия из них оказались годными к дальнейшему употреблению. <...>

3. Сверх того во время пожара находилось в Монетном Дворе, как из представленного мне Горным Начальником сведения значится:

а) монеты выделанной и сведенной 3 557 р. 98 к.,

б) меди в монете не сведенной, в кружках, полосках, обрезках и проч. 3 071 пуд 3 фунт. 88 золотн. 16 дол. на сумму 3 437 руб. 22 коп., и 16 518 руб. медной монеты старого чекана, доставленной из Семипалатинска, по распоряжению Начальства, для передела в новую; всего находилось на Монетном дворе во время пожара на 35 197 руб. 86½ коп.

Из числа сих произведений успели вынести при пожаре всю монету нового чекана, а именно 3 557 руб. 98 коп., но что принадлежит до монеты старого чекана и меди бывшей в разных видах, то они найдены после пожара с большим или меньшим повреждением, а частию и сплавленными. <...>

4. Из производимаго Берггауптманом Зубаревым и Майором Лебедкиным следствия видно, что пожар начался во 2-м часу ночи, во время действия Монетного Двора, хотя не полного, и замечен был по запаху в Палатах; вследствие же принятых мер огонь замечен был между крышей и потолком и весьма скоро распространился по всей крыше. Ближайшую причину пожара должно раскрыть следствие.

<...>

7. Из сведений, представленных мне о заведениях Сузунского Монетного Двора, оказывается, что он устроен был первоначально в 1764 г., а в 1765 г. сгорел; в 1766 г. возведен вновь, а в 1775 г. был поврежден наводнением; в 1802 г. снова поврежден наводнением, а в 1828 г. опять сгорел до основания. Все эти несчастные случаи последовали главнейше от того, что материалом для Монетного Двора служило дерево. И так, если в настоящее время Правительству угодно будет возобновить в Сузунском заводе Монетный двор, то я полагаю благонадежнее выстроить каменный...

Начальство заводское в толпе мастеровых понуро топталось за линией бывшего забора, не рискуя войти на пепелище, но всем ясно видно было — вон держат на себе обгорелые стропила не поддавшиеся огню чугунные станины — там вчера в цехе стоял токарный рокоток, резцы повизгивали... Рядом, где гуртильщики работали, виден черный силуэт большого колеса, но оно какое-то шербоатое — спицы повыпадали. Гордость механиков при дворе — улучшенный станок для вырезания монетных кружков, который все ласково называли «Комар», угловато торчит из-под головешек неузнаваемой химерой; гуртильный цех, перестроенный недавно из смолистой сузунской сосны, горел и ярче, и жарче прочих строений...

Когда стало возможным разбирать руины обугленные, монетчики смели золу и пепел с рабочих частей чеканных станков и дотянулись до самого ценного: то были штемпели с гербами и надписями, благодаря которым рождался лик монеты и ее оборот. В те же дни нашлись и маточники — определенного вида стальные эталоны, с помощью которых готовились новые штемпели, когда старые срабатывались и денюжки начинали терять канонический облик.

Уцелевшие в пожаре 1847 года маточники и штемпели — числом 25 — управление заводов передало в Барнаульский краеведческий музей, где они пребывают и доныне, подтверждая тусклой сталью — Сибирь во время оно свою монету чеканила!

Трудно переживали состояние опустошенности сузунцы. Столько мастеров ввергнуть в безделье! Но обморок, когда человек без дела с ума сходит, мало-помалу миновал. Завод и плавильни уцелели! И начальство заводское нашло, куда руки приложить мастеровому человеку. Как свидетельствуют записки управляющего заводом Александра Александровича Черкасова, а он провел в Сузуне десять с лишним лет (1873—1883), в 1850-х годах было устроено ружейное производство, для чего заранее были избраны способные слесарные ученики и отправлены для изучения ружейного дела в Тулу... В тот же период при Сузунском заводе, помимо

школы грамотности, были школы столярного и резного мастерства, сузунская мебель была известна в целом крае и славилась своей доброкачественностью.

Но была еще одна особенная область сузунского бытия, где выплеснулась душа творческого мастерского человека. Это иконописание. Резчики и медальеры монетные — обладатели художнического взгляда на мир — не пропали в безвестности. Пожалуй, благодаря им и возникла самостоятельная школа иконописи, которую искусствоведы ни с какой иной не путают, а называют гордо — сузунская.

И еще одну важную подробность жизни на Алтайских горных заводах не упустил писатель Черкасов. Говоря о сортах монет, теснимых в Сузуне, он удивлялся: «Странно, что сибирская монета, а в особенности полновесные гривны и пятаки, назывались по всей Сибири “барнаулами”, а монетки в четверть копейки народ и теперь почему-то

Маточники и штемпель для общегосударственной монеты, 1830-е гг. Из набора маточников и штемпелей Сузунского монетного двора. Алтайский государственный краеведческий музей

Штемпели реверса сибирской монеты, 1770-е гг. Из набора маточников и штемпелей Сузунского монетного двора. Алтайский государственный краеведческий музей

Об исключении монетного производства из штатов Алтайского округа и закрытии Сузунского Монетного Двора

Доклад Министру Финансов от Комитета, учрежденного для составления штатов и положения горных заводов. № 19. 18 февраля 1848 г.

<...> Ныне из сведений Горного Департамента и Штаба Корпуса Горных Инженеров сделалось Комитету известно, что Монетный Сузунский Двор в Алтайском Округе недавно сгорел и что в виду высшаго Правительства имеется предположение, уменьшить вдвое вес медной монеты, с возвышением нарицательной ея цены до 32 р. сер. из пуда меди и с тем вместе ограничить все количество ея в народном обращении тремя миллионами рублей серебром.

Принимая же в соображение:

1. что по штатам Екатеринбургского Монетного Двора назначено приготовить ежегодно медной монеты ныне установленного 16-ти рублевого в пуде достоинства 500 000 р. сер. весом 31 250 пуд., и что следственно Екатеринбургский Монетный Двор может приготовить в один год до миллиона медной монеты 32-х рублевого в пуде достоинства, а в три года все потребное для народного обращения количество медной монеты;

2. что доставление медной монеты 32-х рублевого в пуде достоинства из Екатеринбурга в Сибирския губернии не представит, по причине легковесности ея, особеннаго затруднения, и что наконец

3. устройство новаго Монетного Двора в Алтайском Округе потребует значительных расходов; Комитет признает возможным: сосредоточив в одном Екатеринбургском Монетном Дворе приготовление всей потребной для народного обращения медной монеты, закрыть Монетный Сузунский Двор в Алтайском Округе.

зовет «бухонками»». Полагаю, что слово «бухонки» звучит загадочнее, чем «барнаулы». По всей России издавна при монетных дворах существовала служба развозки монет по стране. Сузунская монета в сибирский простор отправлялась не из Сузуна, а из Барнаула, который был центром монетного веера. Как же еще мог окрестить народ медные десятички и пятаки, признавая тем самым, что середка денежная — это центр горного округа? А вот над «бухонками» не поломал голову ни автор этимологического словаря Фасмер, ни томские авторы «Полного словаря сибирского говора» (1992), ни знаток сибирских слов А. И. Федоров. Правда, некий намек все же есть. «Бухон», по Фасмеру, — это вид хлеба, а поскольку четвертушка копейки была мелка и толстовата, то она напоминала собой малый хлебушек.

* * *

В Сузуне нынче следов завода почти не сохранилось. Разве что блеснет обочь дороги смоляно-черным стекловатым блеском обломок плавильного шлака, напоминая: здесь в печах и горнах — было время! — медь клокотала. А по городам, по всеям сибирским то во дворе, то в огороде лопата вдруг упрется во что-то твердое. Окопают преграду невидимую, и окажется в руках копача глиняный горшок тяжеловесный. Смахнет рука тлен тряпичный с горловины, и глянет сибиряк вглубь горшка, будто в затяжную темень колодца времени, где на дне не звонко, но глухо брякнут полушки, копейки, пятикопеечники и гривенники в зеленотелой патине, и державная статья соболей не оставит сомнения — да это и есть та самая монета, сибирская, особливая.

О ЖЕРЕБЬЯХ, ЧЕКАНЕННЫХ НА СУЗУНСКОМ МОНЕТНОМ ДВОРЕ

Составил по справкам из дел
Сузунского и Барнаульского архивов П. К. РИНГС

Кольвано-Воскресенские заводы были, как известно, все рудоплавильные и расходовали в свое время огромные массы угля; уголь же для обработки руд и металлов употреблялся тогда исключительно древесный.

Правильность обжига, своевременная вывозка на заводы и постоянная наличность его в потребном количестве являлись посему весьма важными условиями не только производительности, но подчас и существования этих заводов и угольный вопрос как у заводского, так и у высшего горного начальства всегда был вопросом первейшей важности и забот.

Не вдаваясь в подробности организации всего угольного дела, ограничимся лишь приведением нескольких самых существенных пунктов, имеющих непосредственную связь с намеченной темой, и затем сразу перейдем к интересующему нас вопросу.

Потребный для Кольвано-Воскресенских заводов уголь поставлялся из «курений» ближайших заводских, а потом и вообще Кабинетских лесов нынешнего Алтайского Округа, привозимого отчасти так называемыми урочниками, отчасти и вольными возчиками ежегодно в определенном количестве и в «коробах» определенной вместимости*. Обжиг производился на месте в лесу под наблюдением и руководством «угольных» или «куренных мастеров», которые и должны были следить как за «жжением», так и за полномерностью и правильным счетом отпускаемых на завод коробов.

На заводах — по тогдашнему и крепостях — контроль производился особыми «караульными», которые обязаны были вести точный осмотр и счет коробам, как прибывающим с углем, так и выезжающим пустыми.

Учет прихода и расхода угля на заводские надобности, а также расчет с углевозами или куренными подрядчиками, где таковые были, производился в те времена исключительно по числу вывезенных на завод полномерных коробов.

Для счета последних один из караульных при въезде полного короба в крепость осматривал его вместимость и для каждого, признанного полномерным, «рубил рубезж»** ; другой караульный при выезде пустого короба из крепости осматривал, до чиста ли он выгружен и также рубил рубезж. Вечером число рубезжей обоих караульных сличалось и число принятых коробов вносилось в «угольную книгу».

* И. П. Фальк пишет, что «один короб составляет одноупряжную телегу с длинным и высоким коробом, содержащим в себе 25 или 26 пудов угольев, или 32 решетки, каковыми вкладываются в печь». (Прим. ред.)

** То есть делал зарубку на имевшейся у него специальной дощечке. (Прим. ред.)

Для расчета с возчиками им выдавались «деревянные жеребья» с определенными клеймами, по одному за каждый вывезенный короб.

Жеребья эти выдавались возчикам иногда «углемерителями» при приемке угля на заводах, иногда угольными мастерами при отпуске его с куреней, а иногда и теми и другими.

Для этого у надежащих лиц имелись особые «клейма», которыми они и клеймили, по мере надобности, выдаваемые ими деревянные жеребья.

На клейма «нарубались» соответствующие «литеры» заводов или курений, иногда инициалы куренных мастеров, а иногда и то и другое вместе.

В назначенные сроки, большею частью раз в неделю, углевозы предъявляли выданные им жеребья в контору завода, где жеребья отбирались, а число их и имена «объявивших» крестьян заносились в угольную книгу, по которой и производился потом расчет.

Единообразия и большого порядка в такой системе угольных жеребей однако не было... <...>

4-го марта 1757 года после крупной конфузии на Барнаульском заводе, когда именное клеймо угольного мастера Ларина незаконным путем оказалось у унтер-шихт-мейстера Аксютина, горное начальство приказало: «у угольных мастеров, до сего данные им клейма, все отобрать и на них нарубленные слова впредь для безсумнительства заклепать». Был учрежден новый образец деревянных жеребей с постоянными литерами, а выдача их углевозам возложена исключительно на особых приемщиков при заводах.

Такого рода деревянные жеребья употреблялись при Кольвано-Воскресенских заводах почти до конца 1767 года, когда горному начальству (в Барнауле) пришла мысль воспользоваться чеканными станками недавно открытой монетной фабрики в Нижнем-Сузуне и заменить малоудобные деревянные жеребья металлическими.

3-го ноября 1767 года последовало постановление Канцелярии Кольвано-Воскресенского Горного начальства: «до сего учрежденные и поныне имеющиеся деревянные жеребья отменить, а вместо их по примеру тому, как при первоначальных в России Екатеринбургских заводах учреждено было, сделать в Нижне-Сузунском заводе при денежном деле медные». Обер-гиттен-фервальтеру Княгинину было поручено сочинить чертежи жеребей, а заведывающему монетным делом в Сузуне титулярному советнику Маркову дано распоряжение «немедленно и наискорее по тем абрисам с положенными знаками и литерами вырезать и приготовить чеканы».

Для различия вывозки угля с ближайших и дальних куреней жеребья было велено обрезать в различную, легко различаемую форму, а для отличия места сдачи угля «позаводно натиснить с одной стороны пристойные литеры, а другую оставить гладкую». Медь следовало употребить ту же, что шла на сибирскую монету, но самую низкопробную, т. е. «с содержанием в пуде серебра $4\frac{1}{2}$ золотника», а жеребья натиснить «не тяжелее, но хотя и легче денежки 10-ти рублевого в пуде весу», то есть не менее 2 000 штук из пуда меди.

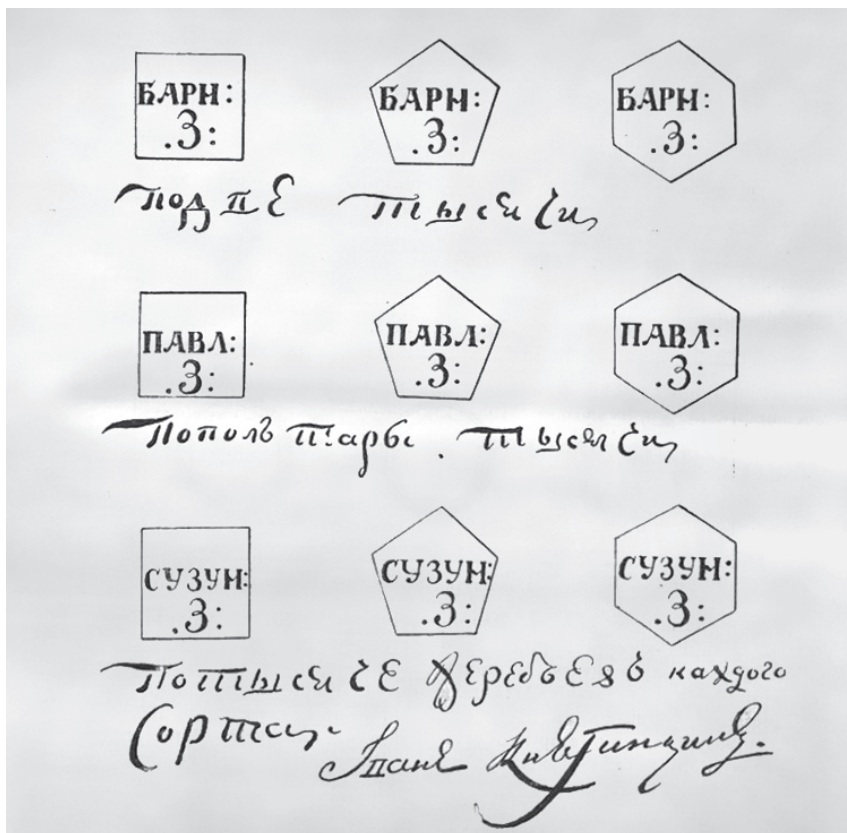

Жжение угля кучным способом.
Акварель И. Бояршинова. 1827 г.

3-го же ноября Княгинин распорядился, чтобы медных жеребий сделали штук:

ДЛЯ ЗАВОДА.	4-х угольных.	5-ти угольных.	6-ти угольных.	ВСЕХ.
Барнаульского.....	2 000	2 000	2 000	6 000
Ново-Павловского...	1 500	1 500	1 500	4 500
Нижне-Сузунского...	1 000	1 000	1 000	3 000
А ВСЕГО...	4 500	4 500	4 500	13 500

по сочиненным им нижеследующим абрисам:

Формы и литеры жеребий, предложенных Княгининым 3-го ноября 1767 года

Несмотря на срочное предписание начальства, Марков к немедленному изготовлению указанных жеребий однако не приступил, а, ссылаясь на то, что без особой затраты времени и задельной платы «угольчатые» коробки и пестики изготовить невозможно, заготовленные же для выделки монеты — круглые применить никак нельзя, обратился в Канцелярию (в Барнауле) с запросом, не будет ли проще выбить жеребья круглыми, а на них требуемые фигуры и литеры «тиснением начеканить».

Решение этого вопроса было поручено опять-таки вышеупомянутому Княгинину. Он выехал 9-го ноября на Сузунский завод и, соглашаясь с одной стороны с Марковым относительно излишней затраты времени и денег, но, считая с другой стороны необходимым сохранить именно многоугольные формы жеребьев, распорядился чеканить их круглые... «в таком разсуждении, чтобы по сделании оных и получении на заводах, ежели Канцелярия соизволит, обрезать ножницами, что весьма легко и способнее, нежели такая вырезывать», то есть особыми пестиками на прорезных станках.

Жеребья
Сузунского, Барнаульского,
Томского, Павловского заводов.
Из коллекции Новосибирского
государственного краеведческого
музея

Канцелярия на такое предложение согласилась...
<...>

Весом эти жеребья или «печатки», как их прозвали в отличие от прежних жеребей сначала углевозы, а затем и служащие при заводах, вышли, следовательно, легче, чем предполагалось (предполагалось из пуда меди делать до 2 000, а вышло до 2 700). Еще легче они стали после обрезки краев по фигурам. По мнению Княгинина почти половина меди таким образом возвратилась.

Расширение деятельности упомянутых старых заводов и постройка двух новых: Томского в 1771 и Алейского в 1775 годах скоро потребовали выпуска дополнительных жеребей, а увеличение числа куреней повлекло за собою и увеличение числа форм. Были выпущены кроме прежних еще и круглые и трехугольные.

Таким образом к 23-му апреля 1779 г. выпущенных в обращение жеребьев описанных двух типов, то-есть многоугольных и круглых, с сокращенными названиями заводов на лице и гладким оборотом, которые назову типом Княгинина, оказалось всего 61 341 штука. <...>

В 1779 году выдача всех этих жеребей была приостановлена и заводским конторам последовало распоряжение, все выпущенные печатки собрать и отправить в Сузун для уничтожения. Произошло это по следующему обстоятельству.

При проверке книг и жеребьев в конце 1778 года в конторе Сузунского завода оказалось, что число записанных коробов угля и выданных на них печаток не совпадает. Разследованием дела выяснилось, что в кассе «усмотрено фальшиво вылитых воровских медных же 56 печаток, а кем они сделаны и за вывозку того угля отданы неизвестно». Узнав об этом канцелярия и приказала 12-го марта 1779 года выдачу жеребьев прекратить, за поступающими к расчету следить, а виновных изловить. Но это ни к чему не привело: 15-го апреля того же года обер-гиттен-фервальтером Балэ были присланы из Сузунского завода в Барнаул еще 24 фальшивых печатки, но для большей схожести с настоящими, по краям обрезанные из круглых.

Тогда же Балэ предложил канцелярии пустить в оборот вместо медных жеребей железные и для пробы предложил 2 образца, «потому что железные литьем подделывать таковой способности как медные не будет».

Эти «натисненные под монетным станком две печатки» по усмотрению Совета Кольвано-Воскресенского Горного Начальства (в Барнауле) были признаны «весьма удобными и полезными» и 23-го апреля 1779 года последовало распоряжение прежних медных печаток отменить, а взамен их для будущего приема угля изготовить железные.

16-го июня 1779 года командиром Кольвано-Воскресенских Заводов Ирманом, собственноручно была составлена «разметка» каких именно «калибров» и по сколь-

ку железных жеребьев сделать вновь, сколько из прежних медных жеребьев уничтожить вовсе и сколько из них оставить, но оставить не для расчета с крестьянами, а «единственно для впуску с угольными коробами в крепость».

Новыя жеребья решено было «с казенной стороны для лучшей удобности, а плутам к большому затруднения оныя подделывать» сделать уже не многоугольными, как раньше, а все «круглыя с гуртом какой обыкновенно бывает на деньгах сибирской монеты», а чтобы сохранить условныя угольчатые фигуры, то их вытиснить выпуклым рантом на плоскости кружков. Рант этот, для затруднения в подделке, также сделать рубчиками, а в этом ранте поместить обычные литеры. Обратную сторону оставить гладкой.

Для отличия от прежних назову и впредь для краткости буду называть этот новый образец — типом Балэ.

По утверждению описанных образцов 22-го июля 1779 года на монетном дворе было приступлено к работе и ко 2-му сентября того же года тиснение новых печаток было закончено.

9-го апреля 1780 года новыя железныя и оставленныя, согласно разметкам Ирмана, медныя жеребья было приказано разослать по заводам и выпустить в оборот, а назначенныя к уничтожению сплавить на Сузунском заводе.

Первое было исполнено 1-го мая 1780 г. <...>

Что касается до второго пункта, то для указания, сколько из назначенных к уничтожению печаток было собрано и сплавлено, точных фактических данных пока не нашлось. Известно только, что 28-го мая 1780 года их было сплавлено всего 1960 штук...^{*} и затем оне сплавлялись постепенно, по мере поступления от других заводских контор и крестьян углевозов.

^{*} Из 53 741 штуки, которые, по данным Рингса, надлежало уничтожить. Сохранить же предполагалось всего 7 600 печаток. (Прим. ред.)

К сожалению, несмотря на все поиски в окрестностях заводов и городе Барнауле, не удалось найти ни одного многоугольного экземпляра этих любопытных образцов Сузунского монетного двора, тем более интересных, что после тиснения на монетных станках они еще подвергались обрезыванию ножницами, что, кажется ни с одной российской медалью или монетой не проделывалось.

Не все же вероятно погибли! Благодаря той или другой случайности, наверное где-нибудь да сохранился экземпляр, другой, но, как вещь, не напоминающая ни монету, ни медаль, она просто не обратила на себя пока внимание. <...>

Сохранились ведь и ассигнации и бумажныя деньги даже крупного достоинства, которыя также в известное время теряли свою ценность и уничтожались. Сохранились также и железныя и медныя жеребья других типов, хотя и оне при введении новых по миновании надобности уничтожались.

Правда, их немного и за несколько лет поисков удалось их собрать не более дюжины разных, но все же оне изредка попадаются среди старых монет, в особенности у алтайских крестьян — старожилов. <...>

Более поздней разновидностью круглых медных печаток являются круглыя же, но не с сокращенными названиями заводов (типа Княгинина), а с начальными литерами их и с литерами курений или вообще мест вывозки угля под ними.

На лицевой стороне у них точечный рант, а на обороте цифра 1; гурт у них гладкий.

Разновидностью железных являются печатки с литерами и значками курений, поставленными над сокращенным названием завода. <...>

Новым типом являются железныя печатки без всяких рантовых фигур и с полной надписью куреня. Литеры завода поставлены выше. Гурт рубчиками; оборот гладкий.

Вероятно были жеребья и других разновидностей, так как число заводов и курений с годами увеличивалось. Точных данных и самих жеребьев отыскать пока не удалось. Известно только то, что общий тип железных печаток типа Балэ сохранился до 1825—26 года, когда произошло снова коренное изменение: железныя жеребья были снова заменены медными. <...>

Углежоги Сузунского завода в лесу.

Фотография конца XIX — начала XX в. МКУК Сузунского района краеведческий музей «Центр исторической информации»

На лицевой стороне мы видим: сверху око с лучами, затем литеры завода, далее узнаем, что это П(ечатка) угольная и наконец год. На обороте то же око, а под литерами завода указано, что она выдавалась за один короб вывезенного угля. Рвант на лицевой и оборотной сторонах точечный, а гурт, как и у монеты того времени, гладкий.

Такого типа печатки были в ходу уже до конца XIX века. Когда именно угольные жеребья изъяты вообще из употребления, нигде не указано, но чеканить их перестали безусловно не позже 1847 года, когда Сузунский монетный двор был закрыт окончательно. <...>

Какое же значение и ценность сохранившиеся образцы могут иметь для нумизмата? Безусловно не малое. Ведь имеют же право гражданства в коллекциях бородовые значки, жетоны и новоделы многих, никогда не выпущенных в обращение, монет.

Описанные же жеребья во-первых были: «нужная надобность не партикулярная и не собственно канцелярская, но для пользы казенной и предосторожности к сохранению интереса»; во-вторых в течении многих десятков лет фактически плащались, прорезались, гуртились и чеканились на монетных станках наравне с монетами; в-третьих имели определенную ценность и служили для временного расчета за работу (возка) и товар (уголь); а среди крестьян и у торговцев и кабатчиков прямо-таки ходили за чистой монетой даже с определенным, конечно всегда пониженным курсом; и наконец, в-четвертых, оне, как изделие, выпускаемое лишь в ограниченном количестве и по миновании надобности снова уничтожаемое и посему дошедшее до нас лишь в единичных экземплярах, сами по себе являются вещь старинною и весьма редкою, не говоря уже о жеребьях железных, которые по употребленному на них металлу составляют единичное исключение из всех известных продуктов чеканки на российских монетных дворах.

Сузун — монетное сердце Сибири

Памятник сибирской монете на площади около заводского пруда

Музей «Медеплавильный завод»

↑ Колокол церковный.
| Медь, вторая половина XIX в.

← Фрагменты конструкции капитального ларя, найденные в ходе археологических исследований территории завода. Дерево, первая половина XIX в.

Макет Сузунского завода. Фрагмент с заводскими строениями →

Музей «Медеплавильный завод»

Музей «Монетный двор»

Торжественное открытие музейно-туристического комплекса «Сузун-завод. Монетный двор». 11 октября 2016 года.

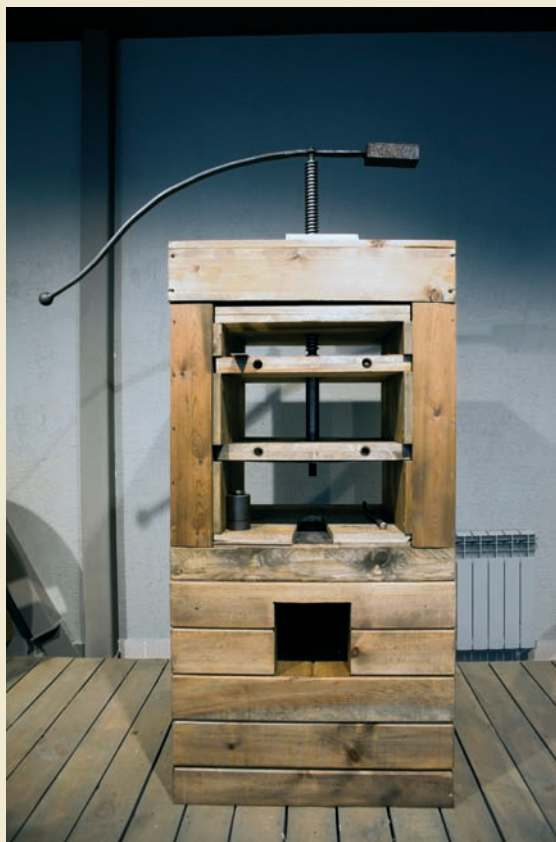
Слева направо: начальник управления культуры, спорта, туризма и молодежной политики администрации Сузунского района Татьяна Ольгова, глава Сузунского района Александр Дубовицкий, министр культуры Новосибирской области Игорь Решетников, директор Новосибирского краеведческого музея Андрей Шаповалов, начальник управления по государственной охране объектов культурного наследия Новосибирской области Александр Кошелёв

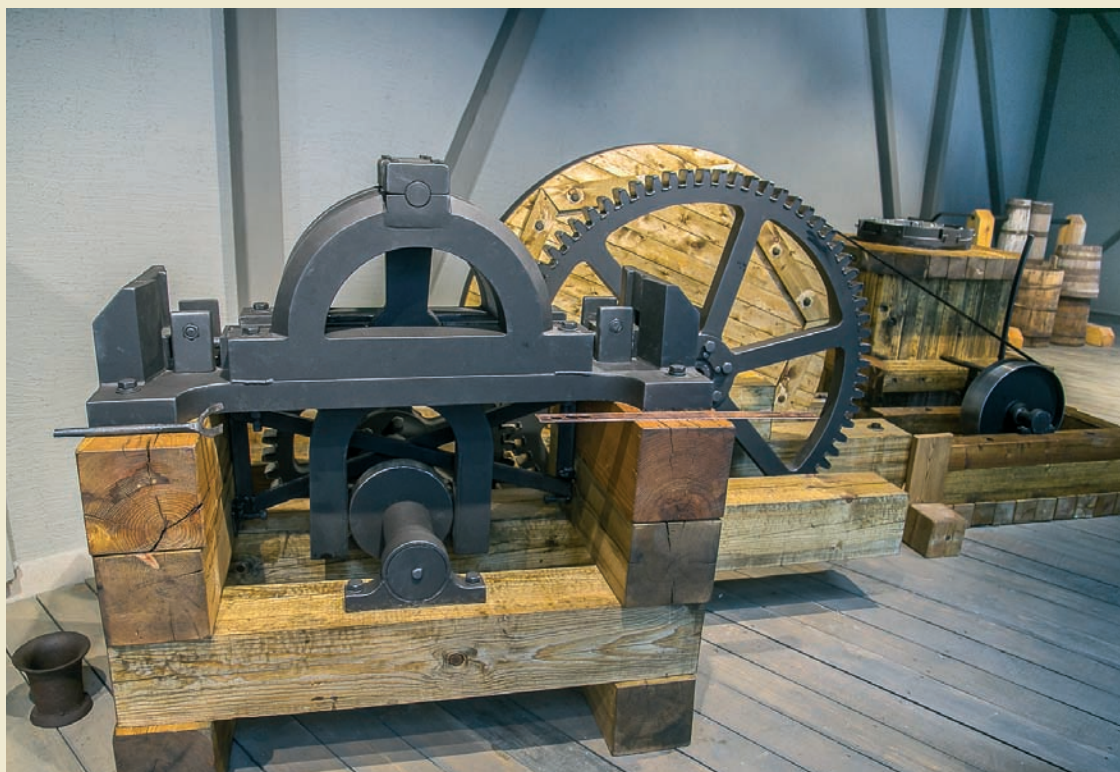
Музей «Монетный двор»

Расковочный молот

Обрезной стан

Прорезной стан и гуртильный стан (на заднем плане)

Музей «Монетный двор»

Музей сибирской народной иконы

Открытие Музея сибирской народной иконы. 21 августа 2018 года.

Слева направо: директор Новосибирского краеведческого музея Андрей Шаповалов, председатель Законодательного собрания Новосибирской области Андрей Шимкив, глава Сузунского района Лилия Некрасова, митрополит Новосибирский и Бердский Тихон, глава Новосибирской области Андрей Травников

Сузунская икона

Святая великомученица Параскева Пятница (Параскева-Пятница). Конец XIX в.

Святая мученица Екатерина. Конец XIX в.

Святой Архангел Михаил (Архистратиг Михаил — грозных сил воевода). Вторая половина XIX в.

НЕБЕСНЫЕ ВСАДНИКИ

Надежда ВЕЛИЖАНИНА

// справка

Существенное расширение иконописания, превращение его в местный промысел произошло в середине XIX в. с появлением в Сузуне зимних Никольских (предновогодних, предрождественских) ярмарок, самых крупных по товарообороту на юге Сибири. Этот промысел народного, крестьянского типа, судя по всему, оказался вторым по значимости в России после владими́ро-суздальского. Ареал распространённости его икон зафиксирован автором от Рудного Алтая до Кузбасса. Происходило это по трем причинам. Во-первых, на юге Западной Сибири не было епархиальных центров и монастырей, где обычно работали иконописцы. Во-вторых, вкусы окрестного населения были относительно однородными, так как более девяноста процентов жителей на территории современной Новосибирской области (куда теперь входит Сузун) были крестьянами. И в-третьих, приписные крестьяне были бедными, а иконы народного промысла стоили недорого: от нескольких гривенников до двух-трех рублей. О ценах можно узнать из процарапанных на обороте некоторых досок надписей, включающих также имя святого, которого должен написать мастер, фамилию заказчика и деревню, где тот живет.

Во второй половине XIX столетия в Сузуне работало несколько мастеров, имеющих определенные индивидуальные особенности, но объединенных общими принципами изобразительного фольклора, родством с народными росписями жилищ и утвари. Своеобразен и сюжетный репертуар. Это иконы Богоматери разных (немногих) изво-

Велижанина Надежда Глебовна (1931 — 2008) — историк искусства, музейный специалист, заслуженный работник культуры РФ.

Родилась в Барнауле. Окончила историко-филологический факультет Вильнюсского государственного университета. С 1967 по 2005 год работала в Новосибирской картинной галерее (Новосибирском государственном художественном музее), в разное время занимая должности старшего научного сотрудника, заведующего научно-исследовательским отделом, заместителя директора по научной работе, ведущего научного сотрудника. Н. Г. Велижанина — выдающийся исследователь сибирской иконописи; ею введены в научный оборот многие значимые материалы по истории и стилистике народной иконы Западной Сибири.

Фотография из архива Новосибирского государственного художественного музея

Образ Пресвятой Богородицы «Знамение».

Конец XIX — начало XX в. Из собрания Новосибирского государственного краеведческого музея

дов, Спаса, Николы Чудотворца, нескольких других святых. В сравнении с тысячами христианских сюжетов, бытовавших в Византии и Древней Руси, — это очень мало, и огромный интерес представляет механизм отбора. Почему именно этот святой, именно эта композиция оказались нужны сибирскому крестьянину, почему он стал заказчиком или — чаще — покупателем (хотя это слово не употреблялось: иконы «променивали в народ»)?

Большинство сузунских икон представляют собой поясные прямолинейные изображения святых. У Богоматери обычно на руках младенец с разными положениями торса, рук и ног, что определяет так называемые изводы. Более сложные композиции, воплощающие сюжетные повествования из Библии, житий святых, богословских сочинений, в народной иконописи вообще единичны. В Сузуне можно назвать популярными три композиции с развитым сюжетным действием, обозначенным в своих основных фабульных компонентах: «Огненное восхождение пророка

Илии на небо», «Архангел Михаил Воевода» и «Чудо Георгия о змие»...

Один из сюжетов сузунской иконописи — образ архангела Михаила Воеводы.

Изображения Архангела Михаила были в византийских храмах, а также занимали важное место в иконографическом корпусе Древней Руси.

В православной иконописной традиции существует несколько вариантов изображений архангела Михаила: одиночных — вне сюжетного действия, и в ситуации деяния.

Одиночное изображение иногда является средником иконы, окруженным клеймами с деяниями. Такие изображения восходят к XIV столетию, они, как правило, создавались для храмов и имеют большой размер. В свою очередь, клейма деяний иногда становились самостоятельными композициями, написанными на отдельных досках: «Чудо в Хонех», «Чудо о Флоре и Лавре», «Собор Архангела Михаила» и «Архангел Михаил Воевода».

Представляют интерес причины широкого бытования икон архангела Михаила Воеводы среди крестьян юга Западной Сибири, на которых работали сузунские иконники.

Прежде всего, архангел Михаил — воевода грозных сил, предводитель небесного воинства, борец со всяческим злом, грехом, победитель его, каратель. В больших иконах архангела Михаила с деяниями верхний ряд клейм обычно замыкает клеймо, на котором архистратиг уничтожает Содом и Гоморру — олицетворение человеческой греховности. Естественно, борьба с грехом актуальна для всех христиан, но, в частности, и для крестьянства.

Для его народной популярности не менее важно другое: в больших иконах изображаются эпизоды его активной помощи людям. Так, в самом первом клейме слева вверху Михаил Архангел «научает Адама и Еву пахать землю», то есть является одним из

первых учителей прародителей человечества, которых он приобщает к самому важному делу — труду хлебопашца.

В сибирской лицевой рукописи первой половины XIX века этот сюжет получил развитие в рисунке «Ангелы жнут пшеницу».

Сюжет композиции «Чудо в Хонех» посвящен отведению реки от храма — мотив очень актуальный для земледельцев. И не только для них. Грозные разливы рек и сейчас представляют опасность для жителей.

Композиция «Чудо о Флоре и Лавре» в сибирских народных иконах представлена в двух вариантах: кратком — архангел между Флором и Лавром — и развернутом — с всадниками в нижней половине композиции. В бытовом народном сознании последние — покровители скота, прежде всего лошадей. Эти иконы иногда помещали в конюшнях как обереги.

Вышеуказанных мотивов уже достаточно для особого предпочтения этого образа крестьянством, хотя и другие деяния архангела не могут не находить отклик в народном сознании, деяния, в которых столь важен апотропейный аспект: спасение трех отроков из «пещи огненной», спасение пророка Даниила из львиного рва и выведение апостола Петра из темницы. Последние сюжеты не нашли отражения в сибирской народной иконописи, но нередко возникали как иллюстрации в иллюминированных рукописях, в частности сибирских старообрядческих, в том числе поздних, и таким образом способствовали популярности икон архангела. Прагматичность отношения крестьянина к тому или иному святому, тому или иному сюжету не исключала высокого почитания его, ощущения его сакральности, а скорее делала существование этих образов необходимым.

Среди сузунских икон преобладает иконография, воплощающая главную ипостась архангела Михаила как воеводы, архистратига, предводителя небесного воинства, изображаемого в виде всадника на крылатом огненном коне, пронзающего копьем дьявола-дракона. Ареал популярности этой композиции — Урал, в особенности Северный, и Западная Сибирь, главным образом ее Юг. В других местах России конные изображения архангела менее распространены...

В Музее сибирской народной иконы

ОЧЕРК

СУЗУНСКОЙ ЯРМАРКИ

По страницам «Томских губернских ведомостей»

- Куда это едете? Куда торопитесь вы?!
- Ярмоваться!
- Каково девицы красныя ярмовались?
- А ничего касатик: поярмовались, наярмовались хорошо*.

Отправимся же и мы, читатель, на ярмарку. Сузунский медеплавильный завод, отстоящий от Барнаула в 125, а от Томска в 400 верстах, имеет до 4 500 жителей.

Никольская Сузунская ярмарка довольно значительная, даже едва ли не первая в Томской губернии: она начинается с 6-го декабря и продолжается около двух недель, но главный разгар ея торговли — 12, 13 и 14 декабря. На ярмарку приезжают купцы из Барнаула, Томска, из Тобольской губернии и наконец из Казани татары, как для продажи своих мехов, так и для закупки здесь пушного товара. Балаганы устроены большею частию только для торговли красным товаром, а прочее сырье, каковы: кожи, сало, масло, мед, говядина продаются на площади с возов; запас же хранится во дворах.

В прежнее время, говорят, оборот этой ярмарки был значительнее, но с упадком скотоводства и частию земледелия в Колундинском крае, она стала ограниченнее и потому ныне едва ли оборот ее простирался до 100-т. рублей. Главные производители продуктов ярмарки — колундинские зажиточные крестьяне, а женщины их и девицы первыя покупательницы красных и панских товаров, как то: синяго и черного сукна, красных или цветных материй, ситцев и шалей; затем уже следуют сузунские жители. Встретивши женщину или девушку в суконной шубе с большим лисьим желтым воротником, подпоясанную красным кушаком и в красной шали, можно утвердительно говорить, что это обительница колундинской волости. <...>

У нас в провинции ни одна сколько-нибудь порядочная сельская ярмарка, кажется, не обходится без фортуны и кукольной комедии — этой нравственной язвы, — с паяцом в красной рубахе и колпаке, коверкающимся на крыше своего балагана и зевающим во все горло: «эй, мужики-дураки, несите пятаки!» Православный люд, стар и млад, платит этим шарлатанам дикую пошлину: разиня рот, он обступает балаган и на всякую мерзость и ругань, как на остроту, отвечает хохотом. Как после этого развиваться мозгам?! Если паяц в экстазе и пустит иногда в толпу чем-нибудь, — она, поверьте, не обидится, а непременно засмеется! Таков русский человек везде и тем более — в Сибири, в стороне от большой дороги: бьют ли его бедняка, ругают ли, он в былое время

* Ярмоваться — туземное выражение, означающее погулять на ярмарке — произвести покупку или продажу. (Прим. авт.)

или молчал, или смеялся, — если еще не кланялся. А сколько таких паяцов на руси?! Когда они переведутся?! Тогда конечно, когда масса просветится и будет грамотнее, зажиточнее, образованнее, умнее. Человеку необходима свобода, грамотность — как воздух и пища, как польза и выгода. В Барнаульском округе народ довольно забит, хотя и даровит; грамотных, и то большею частью только читающих по славянски, наберется не более 20 человек на 1 000. Вот доброе поле для деятельности священников и мировых посредников — обучать юношество и оказать тем услугу окружающему населению: от них должны ожидать крестьяне живаго слова, дельнаго и толковаго.

Мелкия торговцы все вообще жалуются на плохие барыши и выручку, — кроме сбитенщиков... Действительно пьянство в заведениях заметно сократилось: в Алтайское Горное Правление поступило даже несколько крестьянских приговоров, в которых крестьяне хлопочут о закрытии в их селениях питейных домов и штофных лавочек. Вопрос только в том, зависит ли это от распространения в народе трезвости, или как говорят некоторые от развития корчемной самосидки*, сильно разпространившейся — в двух, трех волостях, несмотря на дешевизну вина в заведениях. Вопрос этот поступил теперь на разрешение местной администрации.

В прежнее время — два, три года назад, когда Колундинский край изобиловал скотоводством, — ярмарка сузунская процветала, ибо имея по тысяче и более голов скота, крестьяне могли свободно продавать избыток лошадей, сала, масла, говядины; а ныне по случаю засухи в степях скот отошал и потому масло воздорожало и привоз его, а равно и сала, естественно уменьшился; через это уже само собою сократилось требование и на красный товар.

* Самосидка — водка домашней высадки.
(Прим. ред.)

Чайник. Медь. XIX в.
Из экспозиции музея «Медеплавильный завод»

Ковш бытовой. Медь. XIX в.
Из экспозиции музея «Медеплавильный завод»

Чайник-самовар походный. Медь. XIX в.
Из экспозиции музея «Медеплавильный завод»

Сузун по случаю ярмарки увеличился населением едва ли не в пятеро; жители целый день хлопчут, пекут, варят и стряпают. Торговый люд суетится, бегаёт, ходит. У хозяев — купцов ночью дело не обходится без пресловутой «стуколки»*, и приказчики, возвращаясь на квартиру, перед ужином за чайком заводят речи о том, кто на сколько продал и купил.

— Каково, Федор Иванович, нынче торговали-с?

— Да ничего ещё, Иван Сидорыч, хотя и скупятся и больно роются, а рублей на сто продали-с. Я уже и употребил их все на покупку кож. Странное дело-с, хозяин пишет мне: купи, братец, мне кож, а сколько не обозначил-с. Но выгодно купил: с небольшим по два рубля. Знаете: попадаетея это мне мужик, вижу, везет на ярмарку продавать кожи, — я к нему, разспросил цену и тут же забастовал два воза.

— Да кожи ещё ничего, а вот масло, пушнина дорога-с — приступа нет. Я тоже имею поручение купить.

* Стуколка — карточная игра. (Прим. ред.)

1.

1. Кружка. Медь. XVIII — XIX в. Из экспозиции музея «Медеплавильный завод»

2. Утюг. Металл. Конец XIX — начало XX в. Из фондов Новосибирского государственного краеведческого музея

3. Ступа. Чугун. Сузунский завод, 1908. Из фондов Новосибирского государственного краеведческого музея

2.

3.

Сузун. Вид на базарную площадь. 1909. МКУК Сузунского района краеведческий музей «Центр исторической информации»

— А слышали мужик-то попался с медом и засадили его в каталажку? Плутоватые же есть мужики-с!.. Говорят, он и в прошедшую ярмарку продал этому же хозяину несколько пудов меду пополам с глиной. Вот его тот и подкараулил ныне; сторговался в цене — прямо к весам да и раскололи сперва одну бадейку, потом другую и оказалось, что на дне-то только вершка на два меду, а сверху не больше как на четверть, — затем в середине-то глины несколько пудов.

В заключение, неизлишним считаю ознакомить читателей ведомостей с некоторыми ценами на продаваемый в ярмарке главный туземный товар:

масло скоромное за пуд от	5 р. 25 к.
сало	2 р. 50 к.
говядина	85 к.
свинина	1 р. 20 к.
лен	1 р. 50 к.
кожа и пуд сала	5 р.
без сала	2 р. 50 к.
овес за пуд	20 к.
мука ржаная	30 к.
пшеничная	40 к.
осетрина за пуд	3 р. 50 к.

табак бийский	6 р.
воз сена	35 к.
вино полугарное, ведро	3 р. 75 к.
лошади за штуку	10 р.
язык	7 к.
заячья шкурка	8 к.
колонок	1 р.
белка	10 к.
лисица красная	3 р.
кошма киргизская за аршин	38 к.
холст	4 к.

Александр ЧЕРКАСОВ

// справка

Черкасов Александр Александрович (1834 — 1895) — горный инженер, писатель. Родился в г. Старая Русса Новгородской губернии. После окончания института Корпуса горных инженеров был направлен в

Нерчинский горный округ, где отслужил 16 лет. За открытие Урюмских золотых россыпей пожалован пожизненной ежегодной пенсией в размере 1 200 рублей. В 1871 году переведен в Алтайский горный округ на должность заведующего Салаирскими рудниками, чертежной, пробирной и Бачатской каменноугольной копей. С начала 1873 по 1883 год (почти 11 лет) был управляющим Сузунским медеплавильным заводом. В 1883 году вышел в отставку в чине статского советника и переехал в Барнаул. В столице горного округа Черкасов прожил семь лет, пять из которых был городским головой. В 1890 году переехал в Екатеринбург. Здесь в октябре 1894 года он тоже был избран городским головой, но пробыл им совсем недолго: 24 января 1895 года, получив по почте анонимный пасквиль, оскорблявший честь его и его семьи, А. А. Черкасов, сидя за письменным столом, умер от остановки сердца.

Сегодня 12 декабря — «Спиридона солнцеворота» или — как говорят простолюдины еще проще и понятнее — «солнце на лето, зима на мороз». Все обыкновенно радуются такой перемене в нашей широкой отчизне и, как бы оживая под усиливающимися морозами, ждут великого праздника, а затем и широкой масленицы. Вот в силу-то этой перемены и радости, мне кажется, оживаю и я, потому что, как бы стряхнув с себя лень и какое-то глупейшее апатичное состояние, принимаюсь снова за перо; хочу поделиться с читателями воспоминаниями все о той же Сибири, но уже Западной, где привелось мне прожить почти 20 лет и наблюдать немало интересного как по части этнографии, топографии, так и фауны с охотничьей точки зрения.

...В конце 1871 года по разным сложившимся обстоятельствам я неохотно простился с Восточной Сибирью и попал в Западную, где и довелось мне служить в Алтайском горном округе Кабинета Его Величества. <...>

Почти к северу от Барнаула, в 125 верстах вниз по Оби, лежит Сузунский медеплавильный завод, со всех сторон окруженный когда-то могучим сосновым бором, который отчасти сохранился и до настоящих дней, несмотря на то что

Отрывки из книги. Публикуется по изданию: Черкасов А. А. На Алтае: Записки городского головы. Барнаул, 2004. (Библиотека журнала «Алтай».)

завод пользуется им уже более ста лет, а частые лесные пожары сильно повлияли на его здоровье. <...>

Смотря с охотничьей точки зрения на всю эту местность, приходится сказать, что в окрестностях Сузунского завода, лежащего всего в 12 верстах от Оби, находится множество тетеревей, белых куропаток, зайцев, уток, дупелей, бекасов и других долгоносиков, а в лесу есть рябчики и глухари. Затем в пролеты бывают гуси, лебеди и масса журавлей, которые во множестве остаются на лето и сильно портят хлебные посевы.

Что касается зверей, то около Сузуна держится много волков, реже попадает лисица и еще реже — медведь, рысь, россомаха, зато вдоволь живет мелких грызунов и хищников, как например, хорьков, горностаев, ласок; водится немало барсуков, но белки немного, а диких коз, маралов (изюбров — по-восточно-сибирски), лосей (сохатых) нет вовсе. Судя по этому перечню, все-таки дичи, и, как видите, дичи весьма разнообразной, достаточно для любого охотника. <...>

*

Выше я коротенько сказал об оскудении лесов на Алтае. Началось это не вдруг и не сейчас, а давно. В старое время, когда был еще обязательный труд, за лесом смотрели хоть и не больше того, чем теперь, но когда была другая картина всего управления краем, была и другая расправа. Тогда вся власть сосредотачивалась в одном лице — горном начальнике, который был владыкой края и зорко смотрел за подчиненными, а те — за тем, что лежало на их обязанности и ответственности. Отсюда не трудно дойти и до тех, кто имел прямое отношение к мужику, то есть той самой силе, которая вращалась в лесу. За этой силой смотрели, указывали, как обращаться с лесом, и в случае небрежности с нее взыскивали или карали на месте преступления, и она безропотно покорялась. Тогда всякий оглядывался, не смел делать кое-как и был осторожен, зная, что ему не пройдет даром ни одна провинность. Это, конечно, видели дети мужичка и хорошо понимали, за что наказывали их тятку, а сам тятка, хоть иногда и больно почесываясь, внушал им, что вот того-то делать нельзя, а надо спросить старших и быть как можно осторожнее с огнем.

Мужикам никогда не отказывали в их нуждах относительно леса и даже смотрели за тем, чтоб у них было все в исправности по хозяйству, даже взыскивали с лентяев и настаивали на том, чтобы они немедленно поправляли то, что рушилось или требовало починки. Мужички хорошо это понимали и волей-неволей сами берегли лес. Знаю это потому, что служил при обязательном труде в Нерчинском крае и видел все воочию, как говорится.

Тогда все бора были сыры и мало боялись огня; а если и случались лесные пожары, особенно в засуху, то крестьяне сами или по наряду собирались в большом количестве, «захватывали» огонь и прекращали пожарище.

— А так ли это теперь? — спросит читатель.

— Нет.

— Да почему же нет? Ведь крестьяне — те же крестьяне и так же обязаны ходить на опалку лесов весною и тушить пожары.

— Вот то-то и есть, что крестьяне не те, а власть разбилась над ними до семи нянек, и дело выходит так, что ближайшие власти начнут сначала переписку, а потом уж «нарядят» крестьян тушить пожар, но придет их разве половина и то только тогда, когда пожар войдет в свою силу, когда остановить его трудно или невозможно — и, глядишь, немалой части бора как не бывало!..

— Странно!

— Ничего тут странного нет, потому что с увольнением крестьян они сделались отрезанными ломтями, и к общему делу их уже не приставишь. Они сами по себе, а дело само по себе; оно в зависимости от этой отдаленной уже силы, которая не только не понимает своего экономического строя, находящегося в тесной связи с благосостоянием лесов, но даже как бы враждебно относится к этому благосостоянию, и им об этом

никто не растолкует. Мужики даже свои, то есть отведенные им участки, не берегут, а казенные леса умышленно поджигают.

— Как так? А для чего же исправники, мировые посредники?

— Гм... Да разве они могут помочь общему делу? Ничуть!.. Они состоят взаимно в постоянном антагонизме. Да вот, например, хоть относительно пожаров: они только замедляют нужную помощь через формальную переписку, которая требует немало времени и не имеет при этом случае смысла. А если им представляются протоколы о виновниках пожаров, то они нередко штрафуют их сами самой пустяшной пеней — и делу конец... К тому же в деле оскудения лесов на Алтае во многом повинно само лесное хозяйство.

— Как так? Вот это еще того лучше!

— Да, действительно лучше... Крестьян до того стеснили всевозможной и дорогой пошлиной за лес, что мужик не может вырубить себе топорница без пени; а если попался не своему куму или не сумел почестовать вовремя даже и кума, то приходится заплатить за такую пустяковину втрое. Ведь и в самом деле, до чего доходила пресловутая строгость в лесном хозяйстве — курьез! Право, курьез! <...>

Мне рассказывали, был такой случай в ближайшем к Бийску винокуренном заводе. По дороге к этому заводу стояла большая старая сухая и подгорелая сосна, за которую опасались, что она упадет и, пожалуй, кого-нибудь задавит; ее и велели срубить. Но увидела власть, составила протокол, высчитала, сколько сажень дров может выйти из этой сосны, перевела на деньги и, считая штраф втрое, потребовала 65 рублей пени...

Не менее забавная история была и в Сузуне. Весною при спуске воды из шлюза стало мыть заводский ряж*. Надо было немедленно принять энергичные меры. По приказанию управляющего были срублены и привезены, прямо с сучьями, две или три молодые сосенки для того, чтобы их спустить на веревках к ряжу и тем, отбивая сильный прибой воды, спасти дорого стоивший казне и столь важный для завода ряж. Но не так посмотрело на это «самоуправство» лесное хозяйство: оно составило протокол, и с управляющего взыскала большой штраф.

И это, так сказать, в одном общем хозяйстве... одного и того же ведомства! Спрашивается, что дороже для общего дела: дорогостоящий ряж для завода со всеми последствиями в случае его повреждения или три молодых сосны из близлежащего бора?!. В каком же положении находится управляющий даже в экстренных случаях? А ведь он отвечает не только за целостность и сохранность завода, но и за каждую передержанную копейку в живом деле против пресловутой сметы по бессмысленным параграфам. Могло ли идти дело при таком порядке? А между тем лесное хозяйство, как умывающее руки и ни за что пока не отвечающее, спокойно почивает на лаврах и хладнокровно составляет вопиющие протоколы, не помогая делу...

Могло ли быть что-нибудь подобное при прежнем управлении, начиная с Беэра и кончая Фроловым? Конечно, нет, потому что тогда подобные умыватели делали свое дело и помогали общему хозяйству.

Что же, наконец, выходит из всего только что представленного, хотя и в сотой доле, положения дела? А выходит — между управлениями неподобающий антагонизм вместо обоюдной помощи, а в народе — не только содействие, но какая-то раздутая месть! Он за все оплачиваемые оглобли и топорница упорно жжет леса и вместо их охраны нередко залезает на поветь, подпирается в бока руками и говорит своему соседу:

— Фу! Как там, паря, лихо пластает!..

Однажды, в 188... году, в Барнауле, из окна городской управы мне довелось слышать очень курьезный разговор двух встретившихся крестьян:

— А ты, дядя Михай, как сюда попал? Разве вас не выгоняли на пожар?

— Как, паря, не выгоняли! Да кому же охота идти, почитай, верст за 50? Вот мы свой и зажгли — вишь, как буровит?

* Ряж — сруб из бревен, заполненный внутри камнем и служащий опорой для мостов, плотин и стен набережных. (Прим. ред.)

Действительно, прямо за Обью, в Бобровском бору, виден был дым на большом пространстве.

— Как не видеть — давно вижу! — говорил молодой парень и тыкал рукавицей в воздух по направлению к Оби.

— Ну вот и смотри да готовь харчи, погонят и вас. Тут все же поближе, в своем месте-то. И сушняк будет дома... Теперь, брат, и топорищев, и оглобель даром нарубим! — рассмеявшись, сказал дядя Михай и, оглянувшись, тихо, как бы по секрету добавил: — А ты знай да помалчивай, понял?..

— Как не понять, знаем, не впервой! — ответил парень и с довольной улыбкой отправился на базар.

Прожив в Сузунском заводе почти 11 лет, я вполне убедился, что значит быть человеком с теми же Михеями и как подобные отношения сказываются как на заводском деле, так и в лесном хозяйстве. Одно время был у нас лесничим Ф. А. Г-ель, который придирался к людям за всякую малость, делал конфискации, не позволял пользоваться из бору вершинником и проч. — и дело дошло до того, что с появлением лета в окрестностях Сузуна редкий день не было пожара в лесу, а выдавались и такие счастливые дни, когда их было по три и по четыре, по пяти зараз.

Приходилось повсюду рассылать нарочных за людьми, а чтоб не терять времени — снимать своих рабочих даже с заводских печей, и нередко, на казенных лошадях посылать в бор, чтобы спасти курени, где находились сотни сажень куренных дров и тысячи коробов угля. В случае надобности рабочих оставляли в лесу на ночь и на другой день без смены и, собирая печеный хлеб и покупая сотнями калачи и огурцы на базаре, посылали все это в телегах трудившимся до изнеможения заводским рабочим; а некоторые крестьяне кое-как собирались только тогда, когда уже нечего было и делать.

После Г-еля поступил лесничим М. М. К-ов, который, послушав моего совета, повел дело «по-божески», попенных денег выручал больше, бора очистил от залежи, а пожаров в течение нескольких лет почти не было, за исключением таких, которые бывали не от умышленных поджогов. Такая перемена и относительное спокойствие были до того наглядны, что дивились даже сами рабочие и нередко говорили:

— У нас, барин, теперь покой! И молодежник в лесу не озорничает...

Не думайте, что этот лесничий делал только поблажки и не соблюдал интересов казны. Нет! И строго было, но «по-божески». <...>

*

В начале 1873 года я был уже на службе в Сузунском медеплавильном заводе, находящемся к северо-западу от Барнаула в 125 верстах. Как самый завод, так и все большое селение Сузун, как его называют попросту, расположены по обе стороны реки Малый Сузун, которая впадает в 12 верстах ниже в Обь.

Сузунский завод начат постройкой в 1764 году, а в 1766 году в нем уже был открыт монетный двор, на котором чеканилась медная монета 10, 5, 2, 1, $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ копейного достоинства. Монета эта называлась сибирскою, имела в своем гербе «два соболя» и предназначалась для обращения только в Сибири. Она до 1781 года чеканилась 25-рублевой стоимости в пуде серебристой меди, а с этого времени повелено было сибирскую монету сравнивать с екатеринбургскою в 16 рублей стоимости в пуде и быть уже общегосударственною. В этот период, то есть с 1766 по 1781 год, было сделано на Сузунском заводе медной монеты на 3 799 661 рубль. Затем, после пожара на монетном дворе, чеканка монеты в 1848 году была совсем прекращена, и в мое время при заводе остались памятниками от монетного двора только чугунные чеканные станы и считались на приходе по магазину сохраняющиеся чеканные стальные штампы.

Надо заметить, что в Сузуне во время его существования, помимо красной меди, плавилось несколько раз и серебро, но было это периодически и в разное время; а в 1850-х годах было устроено ружейное производство, для чего заранее были избраны способные слесарные ученики и отправлены для изучения ружейного дела в Тулу. В этот же период при Сузунском заводе, помимо школы грамотности, были школы сто-

лярного и резного мастерства, для чего тоже избирались способные мальчишки и обучались особо, преимущественно мебельному производству, и надо сказать, что сузунская мебель была известна в целом крае и славилась своей доброкачественностью. В мое время еще существовали могикане этого периода процветания искусства на Алтае, и их произведения, уже по вольному труду, ценились любителями очень высоко, тем более потому, что эти труженики воспроизводили мебель даже по рисункам с Парижской выставки. И заметьте, что такие серьезные работы производились не из ореха или какого-нибудь другого дорогого дерева, — нет, делались они из простой сибирской березы, которая по особому способу отжигалась и по наружному виду почти не отличалась от ореха, а прочностью превосходила. Такими виртуозами искусства были Батанов и в особенности Владимиров, произведения которого славились под названием «Владимировской работы».

Странно, что сибирская монета, в особенности полновесная гривна и пятаки, называлась по всей Сибири барнаулами, а монетки в $\frac{1}{4}$ копейки народ и теперь почему-то зовет бухонками.

Вся местность, как около завода, так и в его окрестностях, на большое пространство ровная и потому не может похвастаться красотой природы. Кроме не особенно возвышенных берегов в некоторых местах Малого Сузуна и Оби, нет ни одной горки; поэтому вся местность крайне однообразна, и только сосновые леса придают ей несколько оживленный характер. Самое селение Сузун раскинуто на довольно большом пространстве и разбито правильными широкими улицами, в которых живет до 4-х тысяч жителей, преимущественно бывших обязательных горнорабочих людей. Завод построен в этой привольной местности тогда, когда тут были еще непроходимые девственные леса, а потому почти все дома водворяемых обывателей строились прямо «с пня», из кондовых сосновых бревен. Некоторые из таких первобытных построек уцелели до 1880-х годов и были еще так прочны, что не требовали особого ремонта и только, как говорят сибиряки, «ушли в землю» своими нижними венцами бревен. Еще замечательнее то, что во многих так хорошо сохранившихся домах уцелели первобытные русские печи, которые делались не из кирпича, а «набивались» из глины и потому назывались битыми.

Стул. Начало XX в.
Из фондов Новосибирского государственного краеведческого музея

Стол письменный двухтумбовый. Конец XIX в.
Из фондов Новосибирского государственного краеведческого музея

В 1882 году мне пришлось видеть поправку одного «с пня» рубленого дома, который, как покосившийся, перебирали заново. Совершенно сохранившийся на нем лес был так прочен и так уплотнен от времени, что его не брали топоры, а битую старинную русскую печь выворотили «стулом» (целиком) и разбивали уже на улице горными инструментами, как горную породу, — до того она спеклась и слилась в одну общую массу. Да и не мудрено, потому что она работала, вероятно, ежедневно в течение более 130 лет!.. <...>

Паллас о заводском селении

«Правильные широкие улицы», о которых пишет Черкасов, мы можем наблюдать и сегодня, поскольку в центральной части Сузуна полностью сохранилась та планировка улиц, что была создана изначально, при строительстве завода. Одно из первых описаний заводского селения принадлежит немецкому естествоиспытателю и путешественнику, академику Петербургской академии наук Петру Симону Палласу. Он побывал на Сузунском заводе летом 1771 года.

<...> По правую сторону Сузуна стоит вне заводского округа на плотине контора, возле коей построен каменный сарай для денег, кои с монетного двора в конторе принимаются. Далее стоят потребные запасные дворы, гауптвахта, и по другой линии офицерские дома также и постоянные места. Все простые жилые дома, коих число простирается до двухсот, стоят частью ниже завода по правую сторону Сузуна, частью по левую руку пруда на регулярные и пространные ряды разделенно и составляют с казенными строениями и с построенною к южному концу плотины большою церковью порядочный длинный четырехугольник, который теперь обнесен рогатками. Почти в каждом доме есть здесь колодезь. По западную сторону простираются прекрасные луга, и по сию сторону лежит кирпичня. Но лес кругом вырублен, отчего положение места весьма приятно. <...>

П. С. Палласа, доктора медицины, профессора натуральной истории и члена Российской императорской Академии наук, и Санктпетербургскаго Вольнаго экономического общества, также Римской императорской академии испытателей естества и Королевскаго Аглинскаго ученаго собрания, Путешествие по разным провинциям Российской империи. — Санктпетербург: При Имп. Акад. наук, 1770—1788.

*

Каждую весну я встречал там довольно оригинальной охотой за утками. Оригинальна она уже потому, что мы ее производили, что называется, не вымочив ноги. «Значит, за утками и “насухе”, — скажет читатель. — Странно!» А между тем ничего тут странного нет. Дело в том, что в Сузуне заранее спускают заводской пруд; делают это во избежание большой опасности для шлюза, потому что река Малый Сузун все-таки довольно большая и многоводная весною. Лишь только посинеет и вздуется на пруду лед, а прибывающая вода начнет «киснуть» не по дням, а по часам, тотчас необходимо завод остановить и «выдуть» все печи, а лед в пруду расколоть и пропустить чрез вешняки шлюза. Затем все его пролеты отворяются настежь и дается полная свобода речке идти «на пролет».

Все это легко говорится и пишется, да не так бывает на деле, в особенности когда подхватит дружная весна и пустит вдруг массу воды. Тогда все рабочие сбиваются на плотину, чтоб пропустить лед, напирющий на предохранительные ряды свай и сквозь вешняки. Случается, что люди не покладая рук работают не только днем, но и ночью, а весь шлюз дрожит от сильного напора воды, которая со страшной силой и быстротой пролетает через настежь отворенные пролеты. Можете себе представить, что в это время делается на спускных шлюзах и внизу, в так называемых бучилах! Тут своего рода страшный водопад, где бурлит и клокочет точно взбесившаяся вода, которая рвет и мечет по всему бучилу, набивает целые горы пены и поднимает на значительную высоту

страшные фонтаны. Словом, тут своего рода ад, в который избави бог попасть всякому смертному!.. А между тем были примеры, что в этот ад попадали рабочие и волею судьбы сохраняли свою жизнь: их счастливо продергивало сквозь взбесившееся бучило и затем, уже далеко ниже, выбрасывало на тихие плеса и на берег. Но были и такие случаи, что несчастных коверкало и выкидывало уже обезображенными трупами.

Рассказывали, что однажды удернуло чрез вешняк одного рыбака в лодке, который не потерялся и, стрелой пролетев по спускному длинному шлюзу, все время правил веслом, почему не дал повернуться боком своей ладье и носом же попав в бучило, не вредимо проскользнул этот ад и с залитой водою лодкой успел вылететь на косу. <...>

*

<...> На Алтае, сколько я мог заметить, по окрестностям Сузуна, Салаира, Барнаула и несколько далее редко увидишь из простолюдинов красивых мужчин, а тем более женщин. Все они какие-то испитые, кажутся старше своих лет и в большинстве русые, так что редко встретишь брюнета или брюнетку. Прожил я на Алтае около 20 лет, и мне не удавалось видеть не только красивую, но даже и милovidную девушку или женщину. Все они более или менее однообразны и не производят приятного впечатления, особенно по отдаленным деревням. Конечно, я говорю об общем взгляде на расу, в чем и повторяюсь. Живя долго в Сузуне и Барнауле, знакомясь с их близкими и далекими окрестностями, наконец, наблюдая за новобранцами, я не могу сказать, что видел красивого мужчину или красивую женщину. Встречается какое-то подобие и только!.. <...>

Злые языки говорят, что на алтайском населении отразилась печать забитости и плюгавости со времен обязательного труда, когда народ якобы недосыпал и недоедал. Но ведь это было уже давно, и тот обязательный труд существовал и в Нерчинском крае. Почему же там более благоприятная картина? Мне кажется, вот почему.

В Забайкалье, а в особенности в Нерчинском крае, слишком много пришлого элемента. Кого тут только нет? Поляки, евреи, грузины, армяне, черкесы, татары, немцы, шведы и даже французы и турки. Положим, что все они явились туда подневольно, но тем не менее эта самая подневольность заставила их смешаться с населением края, а при этом смешении произошло как бы обновление крови, что и отразилось благоприятно на видовом изменении расы. Разберите любую семью в Нерчинском крае, и вы непременно доищетесь, что в ней кто-нибудь из родичей был какой-нибудь ссыльный и чаще всего не русский.

Так или не так, но ничего подобного не могло быть на Алтае, потому расовая кровь и осталась в застое.

Кроме того, мне кажется, что в этом случае имело и имеет большое влияние «жизненное довольство». Сколько я заметил, в общем забайкальцы живут зажиточнее алтайцев. Где на Алтае те громадные табуны рогатого скота, баранов, лошадей, от которых ломятся степи Южного Забайкалья? Где те рысаки, иноходцы, бегунцы (скакуны), каких вы найдете не только в заводах и рудниках, но и почти в каждой забайкальской деревне? Что это доказывает, как не зажиточность живущего там люда?.. <...>

Странно однако же, но по отзывам многих старожилых выходит так, что бывшие «бергальцы»* и «подзаводские крестьяне» жили при обязательном труде лучше. Они тогда не несли тех повинностей и обеспечивались во многом от казны, а при догляде так сильно не пьянствовали, и далеко не было того нравственного разврата, который заметен теперь.

Что же касается духа русской народности, то он ступшевывается с каждым годом все больше и больше. Грустно и тяжело сказать, а, присмотревшись, выходит так, что этот дух почти целиком перешел в кабак и уже оттуда, звеня штофом, в безобразном виде, с диким ревом и потрясая кулаками, является на улицы, а затем и домой... Положим, что такой дух бывал и прежде, но бывал он у пожилых людей, а ныне перешел не

* Бергал — горнозаводской рабочий. (Прим. ред.)

только на молодежь, но и на юных подростков, которые не стыдятся и не таятся в своем безобразии, но напротив, бравируют и бахвалятся, или пьются, как говорят сибиряки, а придя домой, смело воюют даже со своими тятками и мамками.

Неужели и это еще не нравственное растление?.. И могло ли быть оно прежде? Нет! И его, действительно, не было и не было уже потому, что «Бог был пониже, а власть была поближе».

Сузунский завод в 1882—1883 годах

В большом аналитическом обзоре Алтайских заводов и рудников, публикуемом «Горным журналом» в течение нескольких номеров, профессор Горного института Николай Александрович Иосса значительное внимание уделил Сузунскому медеплавильному. Приводимые им цифры и факты позволяют увидеть, что представлял из себя завод и как он функционировал в то время, когда управляющим его был Александр Черкасов.

<...> Медные руды, проплавлявшиеся в Сузунском заводе в 1882 году, привозились туда с рудников Таловского и Белоусовского и прииска Чудак. Сравнительно недавно еще плавилась руды Сургутановского месторождения, лежащая неподалеку от Сугатовского рудника и ныне заброшенного. Все эти месторождения лежат в Юго-Восточной части округа, в Змеиногорском крае, неподалеку от Иртыша. <...>

С Таловского месторождения руда везется в Сузунский завод через следующие поселения:

д. Выдриху	20 верст
Плоскую	33
Змеевский завод	31
Саушку	19½
Курьи	27½
Мысы	35½
Белолазово	33½
Кашино	27½
Карымскую	27½
Рожки	30
Ребриху	20
Клочки	30
Ильинскую	35½
Меретье	10
и в Сузунский завод	24½

405 верст.

Плата за провоз руды от Таловского рудника до Сузунского завода составляла, по смете на 1882 год, 16 коп. с пуда; по смете на 1883 год она увеличена до 18 копеек за пуд. <...>

Руды Белоусовского месторождения везутся через деревни:

Секисовку	22 версты
Лосиху	22
Выдриху	18
Плоскую	33
в Змеиногорск	31

126 верст.

От Змеиногорска руды эти идут в Сузунский завод тем же путем, как и руды Таловския. Плата за провоз Белоусовской руды до завода в последние годы составляла большею частью 18 или 19 копеек с пуда; однако по смете на 1883 год она была повышена уже до 21 копейки. <...>

С прииска Чудак руды везутся на деревню Выдриху (23 версты) и далее через Змеиногорск на Сузунский завод. За провоз их платится обыкновенно столько же, как и за доставку руд с Таловского рудника, т. е. в 1882 году предполагалось было платить по 16 коп., а в 1883 году по 18 копеек с пуда. Цена же руд у шахты, по смете 1882 года, принята = 15¼ копейк. <...>

Еще на моей памяти эта самая молодежь вела себя иначе и в первый же праздник, приодевшись, выходила в девичьи хороводы, бегала «в беги», качалась на самодельных качелях, играла «в разлуку», скакала на досках и именно ухаживала за прекрасным полом. Она дышала другим чувством, теплее становилась к своим близким и сердечнее к своей избранной, зная и понимая, что такое любовь!

Так ли это теперь? Увы, нет! Нет!!

Ныне хороводы стушеваются; их составляет как бы нехотя один прекрасный пол, который или заискивает уже сам, или обегает, завидя пьяную вереницу молодежи, предвидя ее бесцеремонное отношение или какой-нибудь скандал. В Сузуне бывало даже смешно иногда смотреть на игру в горелки, или, как здесь говорят, в разлуку, потому что прекрасный пол даже не бегают, а как бы считая это уже старым, только жеманно ходит. Где же тут быстрота движений, ловкость, грация?.. Где же тут соревнование, стремление поймать возлюбленную, не поддаться немилой, шепнуть кому надо любезность?.. Где же тут тот огонь, тот серебристый смех, та кипучая жизнь, которые прежде волновали молодежь, затрагивали ретивое, составляли поэзию?.. Куда же все это девалось? В какой тине погрязло? Где, в какой паутине замоталась эта бывшая русская жизнь, неподдельная удаль?.. Бывало, смотришь, смотришь на этих поползух да и плюнешь невольно!..

Какие же тут могут быть теплые проявления души? Какая же тут любовь? Да этого и ожидать уже нельзя, потому что та и другая половина, потеряв все чарующее и идеальное, только материально, как-то грубо, по-скотски смотрит на обоюдные отношения и словно не претендует на постоянство!.. <...>

Слышал ли я душевные русские песни на Алтае? И опять-таки нет!.. Здесь поют какие-то свои и поют все на один лад, на один мотив. Только однажды, уже под вечер, сидел я в компании на террасе, как вдруг за заводской крепостью какой-то переселенец запел крайне задушевную российскую песенку. Это было так неожиданно и так сердечно отозвалось на всех, что мы невольно замолчали, словно затаили дыхание, и слушали эту песенку до тех пор, пока она, все удаляясь и затихая, наконец замерла где-то в улицах; но мы все еще сидели, думали и точно чего-то ждали... <...>

Вообще надо сказать, что на Алтае народ не поэтичен, тут не умеют сыграть что-либо порядочное даже на простой гармонии или балалайке, а о скрипке, гитаре и говорить нечего — это не для него создано. Равно и о пастушьих рожках здесь не имеют понятия. <...>

Живя в Сузуне и возмущаясь отсутствием народной поэзии и даже простых праздничных забав, всецело поглощенных кабаком, я пробовал делать на заводском пруду большие масленичные горы.

Цель такого предприятия заключалась в том, чтобы хоть сколько-нибудь отвлечь молодых от пьянства и дать русской натуре повеселиться обоюдно с прекрасным полом, строго следя за тем, чтобы пьяных не допускать на «катушки» и по возможности облагородить общественное удовольствие.

Горы строились десяти и даже более аршин высоты и имели раскату более 120 сажень, так что такая затея волей-неволей приманивала молодежь, тем более потому, что есть с чего лететь и есть где прокатиться, чего именно и требует русская натура. Здесь приманивал захватывающий дух полет с высоты и быстрое до одури движение по широкому простору, что и напоминало слова бессмертного Островского: «Эй! Шире дорогу!.. Любим Торцов идет!..» Положим, что сюда Торцовы не допускались, тем не менее тут можно было отвести русскую душу и показать свою удаль. Не будь всего этого — и было бы плохо, а тут именно дух захватывало, как старый «ерофеич», — значит, хорошо!..

Когда я спросил на горах одного пожилого рабочего, с увлечением катавшегося и предлагавшего свои услуги молодым девушкам и бабочкам скатить их с катушки, — «Ну что, парень, ладно ли?» — так он пренаивно и самодовольно ответил:

— Хорошо, ваше высококордие! Уж коли девки визжат да закрывают глаза — значит, в самую пору!..

И что же — попытка моя удалась как нельзя лучше! В кабаках вертелись только одни закоренелые пьяницы; они опустели и на масленице, чего никогда не было, опу-

стели потому, что почти все от мала до велика бросились на катушки, вели себя трезво и настолько прилично, что кроме похвалы ничего сказать не умею. Вечерами горы освещались фонарями, вензелями и кострами, причем многие обыватели помогали и личным трудом, и всем, чем могли, а самое катанье нередко производилось далеко за полночь. Все были довольны и радовались, веселясь от души. Насупились только одни кабатчики, ну да на них наплевать, не об них и заботились...

Сузунский завод в 1882—1883 годах (продолжение)

Кроме руд, завод проплавляет еще медистые роштейны и блейштейны сереброплавильных заводов, предварительно обезсеребренные на горнах свинцом и содержащие средним числом около 11—12 фунтов меди в пуде роштейна; за провоз штейнов до Сузунского завода платится за пуд:

С Барнаульского завода за 126 верст	7 коп.
Павловского за 75	5 коп.
Локтевского за 320	от 12 до 16 коп.
Змеевского за 302	от 12 до 16 коп.

Цена пуда роштейна, принятая в 1882 году, составляла на заводах Локтевском и Змеевском по 1 руб. 25 коп. за пуд; на Павловском заводе 1 руб. 27 коп., а в Барнаульском 1 руб. 43 $\frac{3}{8}$ коп. Насколько тяжело ложатся расходы на провоз руд и штейнов на цену меди, можно судить по следующим данным: в 1881 году по смете предполагалось проплавить на Сузунском заводе 179 760 пуд. руды ценою в 71 843 рубля; расходы на провоз входили сюда в размере 31 497 рублей 60 коп. Роштейнов предполагалось проплавить 45 000 пуд. на 58 395 рублей; расход на провоз их до Сузуна составлял 3 890 рублей.

Кроме руд и штейнов в шихту идут сока от плавки прежних лет (по преимуществу в сороковых годах), за сортировку которых платится около 2 копеек за пуд.

В качестве флюса при плавке руд употребляется известняк, добываемый близ деревни Бобровской, в 20 верстах от Сузунского завода; с доставкой на завод он стоит 1 $\frac{1}{2}$ копейки.

На дело огнепостоянного кирпича и набоек идут: глина Ажинская* и Кусковская, добываемая близ деревни Лушниковой (около 35 верст от завода). В окрестностях той же деревни добывается еще кварцевый камень, с доставкой на завод он обходится в 1 $\frac{3}{4}$ копейки. Кирпич огнепостоянный готовится из смеси двух частей белой глины и одной части толченого кварца**.

Камень бутовой добывается также близ деревни Кусковой, в 32 верстах от Сузуна, и стоит с доставкой в завод 1 $\frac{1}{2}$ копейки за пуд.

Лесными материалами Сузунский завод снабжается из Сузунско-Инского бора, лежащего неподалеку от завода. Площадь его считается = 101 656 десятин. Запасы леса в Инском бору еще весьма благонадежны. Рубка дров для углежжения ведется в Лебяжинском курене, в двух лесосеках — ближней (20 верст от завода) по Шигуновской дороге и дальней (40 верст) за так называемым Глухим озером. Плата за рубку в 1882 году назначена была по 1 руб. 10 коп. — 1 руб. 15 коп. за куренную сажень; в 1883 году было предположено повысить ее до 1 руб. 40 коп., так что с накладными расходами одна куренная сажень должна стоить 1 руб. 90 коп. Плата за выжег угля составляла в 1881 году и 1882 — от 14 до 17 рублей с кучи в 20 куренных сажень; в 1883 году предполагалось платить от 17 до 20 рублей за 20-саженную кучу.

По смете на 1882 год плата за провоз угля из ближнего куреня равнялась 50 коп. за короб, а для угля из дальнего куреня 1 руб. В 1883 году предполагалось прибавить еще по 5 коп. с короба.

Дрова для обжига руд и других заводских операций рубятся в так называемой Нечунаевской лесосеке*** с платою от 1 р. 10 к. до 1 р. 15 к. с куренной сажени в 1882, и 1 р. 40 к. в 1883 году. <...>

* Обходится по 9 коп. за пуд с доставкой сплавом по Оби из разстояния около 1000 верст. (Прим. авт.)

** 1 000 штук такого кирпича стоит 23 р. 75 коп. (Прим. авт.)

*** По дороге, идущей в с. Болтовское. (Прим. авт.)

По-моему, это доказывает только то, что народу необходимы общественные удовольствия, тогда он сам невольно делается мягче и забывает кабак, но, увы, забывает тогда, когда знает, что за ним наблюдают и владеют такой силой, которая не позволит ему безобразничать. Хоть это и горько, а ничего не поделаешь, потому что трудно вдруг посеять снова то, что выродилось уже десятками лет...

Бывают здесь бега на скакунах, или так называемых в Сибири бегунцах, но они имеют против забайкальских другой характер и потому не особенно охотно посещаются зрителями, и вот почему: на Алтае обыкновенно скачут на большие расстояния — верст на 15, 20, 25 и более, так что лошади по большей части приходят изморенными, далеко бросая друг друга, и нередко доплетаются до меты уже кое-как, тычась и опустив уши, так что представляется мало удовольствия смотреть на то, что видишь повседневно, когда любой мальчишка скачет на водопой.

Совсем другая картина в Забайкалье, где обыкновенно заводят бегунцов с полуверсты — так называемых секунчиков — до трех и самое большее до семи верст — только!.. Вот тут всякий видит несущегося коня во всю прыть, во всей грации и легкости его полета, видит, как режутся равные силами, как волей-неволей уступают слабейшие и проч. Тут у всех зрителей волнуется кровь, и не на шутку, идут свои заклады — за бурку или сивку, — предлагаются знатоками и любителями даже двойные, тройные и более пари и проч. И вся эта история кончается скоро, долго мерзнуть не приходится.

Сузунский завод в 1882—1883 годах (окончание)

Плавильные устройства помещаются в двух фабриках — старой и новой. В старой фабрике находится:

Печей для рудной плавки системы Рашета	2
Печей для рудной плавки так наз. Мансфельдских	4
Шплейзофенов	6
Штыковой горн	1
Воздуходувных машин	3

Из числа воздуходувных машин две помещаются в самой фабрике, а третья (более новая) в отдельном здании. В новой фабрике помещаются:

- Одна малая Рашетовская печь.
- Два шплейзофена (на 400 п. садки).
- Две Мансфельдских печи.
- Одна воздуходувная машина.

Из всех устройств, имеющихся в этой фабрике, действует обыкновенно лишь одна воздуходувная машина.

Меха Сузунского завода, по устройству своему, сходны с мехами других Алтайских заводов, т. е. каждая машина состоит из четырех однодувных деревянных цилиндров большого диаметра, приводимых в движение деревянным верхненаливным колесом 14 фут. диаметром и 6 фут. в разnose*. В минуту поршни делают до 10 оборотов; при маловодья же не более 5—6.

* Одно из них шириною в 4 фута. (Прим. авт.)

Обработка медных руд и медистых роштейнов в Сузунском заводе ведется по так называемому смешанному методу, принятому в России еще на Богословском заводе (С. Урал). Она состоит из следующих операций:

- Обжигание колчеданистых руд и медистых роштейнов.
- Плавка руд и роштейнов на купферштейн в печах Рашета.
- Обжигание купферштейна.
- Обработка обожженного купферштейна на шплейзофене для получения черной меди.
- Перечистка черной меди (на шплейзофене же) на шплейзофенную медь.
- Рафинирование черной меди, в штыковом горну, на штыковую. <...>

Июсса Н. Выплавка серебра, свинца и меди на Алтайских заводах // Горный журнал. 1884. Т. IV.

Вот почему забайкальцы в этом случае более эстетичны и массажи едут посмотреть бега. Над большими расстояниями они смеются и говорят, что там надо смотреть не прыть, а как «давят по-волчьи».

На Алтае еще устраиваются бега на очень большие расстояния, где пускаются десятки лошадей, чтоб видеть, которая больше выдюжит и придет первой, второй и т. д. Тут назначаются призы, и такие бега называются «байга». Это бега собственно киргизские, и тут скорее есть своего рода цель, особенно у тех, которые, кроме охотничьей страсти, испытывают силы и прыть известной породы. Самое слово «байга» — туземное, и у киргизов оно имеет особое значение — на то и барантаци существуют в степях!.. Они по восточному обычаю и приютят, и угостят, но при удобном случае, подалее за юртой, не прочь и ограбить. Вот почему для них дюжие и легкие кони, на которых они охотятся и барангут в широкой степи, слишком дороги.

Кстати, говоря о крепости сибирских лошадей, не могу не упомянуть о довольно замечательном факте. Не так давно в Сузунском заводе служил надзирателем команды кондуктор* И. В. Максимов, а у него был знаменитый конь, на котором он не более как в 10-11 часов выскакивал верхом около 150 верст и делал такие поездки чрезвычайно курьезно. Надо заметить, что этот Максимов был человек хотя и небольшого роста, но плотно шит, а характера такого, что «нраву моему не препятствуй». Вот вздумается ему «сбегать» на вечерку в Павловский завод, отстоящий от Сузунского, считая по тракту, на 75 верст, и он, отпросившись у управляющего или тихонько, тотчас после вечерней раскомандировки команды, то есть около пяти часов вечера, оседлает своего сивку и летит к Оби; там раздевается, привязывает платье к узде на верхней части головы лошади, берет ее за гриву (или хвост?) и бросается с нею в воду. Переплыв на другую сторону реки (Оби!!), он летит далее и вечером, в самый разгар вечерки, является дорогим гостем, как любитель и мастер разных плясок. Затем, вдоволь натавцевавшись, Максимов закусывал и тем же порядком являлся как огурчик в Сузунский завод к утренней раскомандировке, то есть к четырем часам, на службу.

Такие прогулки он делал не один раз, и все окрестные жители, не говоря уже о сузунцах, коротко знали не только Максимова, но и его знаменитого сивку. Согласитесь, что подобная проделка курьезно характеризуют и эксцентричного хозяина, и его могучую лошадь!.. <...>

*

Выше я упомянул, что на Алтае народ живет плоше, чем в Забайкалье. И действительно, здесь в массе населения нет того достатка, как там, начиная уже с того, что крестьяне не имеют такого количества скота и несравненно меньше едят мяса, а если и употребляют его, то преимущественно вяленое. <...>

Живя в Сузуне, я сотни раз наблюдал за приносимым обедом рабочим людям в заводскую фабрику и пришел к тому заключению, что эти труженики кушают не жирно. Нередко весь их обед заключается в бутылке молока или кваса и куске хлеба. Реже приносятся пироги из темного теста с мелкой рыбешкой и еще реже какая-нибудь немудрая похлебка. И это там, в общей «обжорной», где есть соревнование между родными или женами рабочих. Если и появляются щи, то это только один «блезир», как говорят рабочие, или еще характернее по их выражению: «Наши щи хоть кнутом хлещи — пузырь не выскочит». По этому можно судить, что едят бедные люди по домам и в деревнях. А кто всему этому виною? Кабак!.. Тот самый русский кабак, который отбирает не только заработанную плату, но и последний топор из бедного хозяйства. Недаром же и родилась пословица, что «наши ребята живут пребогато — в семи дворах один топор да на растопку забор»... Конечно, в летнее время выручают в разнообразии пищи огородные овощи, но и тут при плохом хозяйстве далеко не уедешь. В Забайкалье в этом случае выручает кулинарное искусство домохозяйек и кирпичный чай с разными приправами — и все-таки, значит, легче. <...>

Нигде я в такой массе населения не видал такого количества престарелых, как в Сузуне. Тут что ни старик, что ни старуха, так и клади смело 80 или 90 лет! Здесь они словно старые грибы в запустевшем лесу!.. Точно они замаринованы, и никакая плесень не подтачивает их крепкий организм. У меня был ночным сторожем при доме старик Субботин, еще бодрый и крепкий человек, которого называли Барсуком. И вот я однажды спросил его, сколько ему лет. Он ответил, что ему 81 год, и прибавил, что вся его родова жила до глубокой старости: его дед жил 115 лет, а отец умер на 107-м году.

— Ну а сколько жила твоя мать?

— Моя родительница померла, барин, еще молода — восьмидесяти годочков...

Сказал он это хоть и серьезно, но так наивно и просто, что ясно говорило о его убеждении, что такие преклонные годы еще не глубокая старость, а значит, он и себя не считал стариком. Субботин поражал меня своей замечательной памятью и в своих рассказах про старину упоминал о всех своих бывших начальниках по именам и фамилиям, припоминая мельчайшие подробности из передаваемых эпизодов своей жизни. <...>

Однажды в осеннюю непогоду я перед вечером возвращался с подвездной охоты и встретил уже на улице Сузуна высокую старуху, которая в одном платишке и босая шла по снежным лужам. Она была до того стара и безобразна, что я невольно обратил на нее внимание и потому спросил Архипыча*, чья это старуха? Он сказал мне фамилию, но я теперь не упомяну.

— Ну, брат Архипыч, этакая во сне приснится — заревешь лихоматом! — сказал я шутя.

— Беда, барин, чистая!.. У ней словно все 77 жил стянуло в одно место да так и закоковело до смерти. Вот она и ходит, как астроябия, пока не сунется в каку-нибудь канаву. А у ней, барин, и гроб приготовлен, под кроватью стоит. Такая набожная и древняя старушка!..

Что многие делают себе гробы еще при жизни — это факт общеизвестный в России. Так, однажды в Сузуне пришел ко мне старичок и просил дать ему из казны три тесницы. Я спросил, на что они ему.

— Да вишь, барин, домовище хочу себе изладить, пока жив. Оно лучше будет, как сам-то сроблю, надежней да и спокойней будет.

Я, конечно, не отказал, и старичок, крайне довольный мной, причитая разные доброжелательства, крестясь, ушел получать тесницы.

Надо заметить, что в Сузунском заводе много десятков тысяч пудов сернистых руд обрабатывают в «пожогих»; в это время отделяется большое количество сернистой кислоты и нередко по всему селению пахнет тухлыми яйцами, а возгонная сера тонким желтоватым налетом садится поблизости пожогов, что в особенности заметно на дождевых лужах. От таких сернистых отделений поблизости завода не живут куры и пропадают вместе с некоторыми злаками, растущими в огородах. Вся медная посуда и серебряные вещи чернеют до того, что их трудно отчистить. По этому случаю пожогих по возможности делаются осенью и зимою. Вследствие этого всегда говорили и думали, что жители Сузунского завода застрахованы от разных эпидемий, но это неверно по многим наблюдениям, а ныне давно не бывавшая гостья в Сибири — холера унесла много жертв из населения, не побоявшись и сернистых ядовитых газов. <...>

*

<...> Был такой интересный случай в Сузуне. Не упомяну, которого именно числа сидел я в заводской конторе, где шли обыденные занятия. Пробыло 11 часов дня, и все рабочие ушли обедать. Ясный безоблачный день горел под лучами летнего солнца и не предвещал перемены погоды. Но вот появилось небольшое белое облачко, поднялся вдруг порывистый ветер и разразился такой страшный удар грома, что все невольно соскочили со своих мест и, крестясь, бросились затворять открытые окна.

В это время мы увидели, что из казенной слесарни, находящейся около конюшенного двора и пожарного сарая, повалил из трубы не дым, а как бы копоть и сажа. Подумав, что удар попал в слесарню и зажег ее, мы побежали туда. Отворив слесарню, где уже никого не было из рабочих, увидели тоже не дым, а поднятую пыль и копоть; в здании пахло как бы серой.

При дальнейшем же исследовании мы заметили, что все кирпичи в стоявшей тут русской печи потеряли между собой связь по спайке их глиной, каждый кирпич можно было вынуть руками, но печь все-таки крепко стояла, несколько отделившись от своего места, упал только чувал, то есть вывод к дымовой трубе.

Все слесарные инструменты, валявшиеся на большом, во всю стену, верстаке, лежали не поперек, как их обыкновенно кладут при работе, а вдоль по верстаку, и некоторые из них спаяло друг с другом. Под большими же слесарными тисками заметна была воронкообразная ямка в земляном полу, что ясно показывало, куда ушла грозовая сила.

Но интереснее всего было с бревенчатыми стенами слесарни. Тут гроза точно подшутила: она выдернула ровными лентами весь мох из пазов; это показывало, что в момент удара каждое бревно порознь было приподнято и весь мох в то же мгновение выдернут какой-то непонятной силой не наружу, как бы, кажется, следовало при напоре воздуха в замкнутом помещении, а внутрь!.. Словом, все здание встряхнуло поштучно, и при этой страшной силе все стекла в больших рамах остались целы!..

Это такой поражающий фокус, который невозможно произвести никакой искусственной механикой, и остается только смиренно удивляться над непостижимыми проявлениями великой природы!.. И в самом деле, тут работала точно не свирепая моментальная сила, а как бы одно могучее слово!.. <...>

*

Как всегда и везде бывают эксцентричные люди, так, конечно, не без этого греха и Сузунский завод. О таких людях говорят обыкновенно при жизни, а после их смерти составляются более или менее легендарные сказания. Как бы ни были эти сказания неправдоподобны, тем не менее в них всегда есть часть истины и тем более потому, что эти легенды создаются еще при жизни тех, которые хорошо знали легендарную личность. Так что основание легенды хотя и колеблется сначала между истиной и мифом, но чрез являющийся контроль, более или менее подходящий к истине, она все-таки несет и в потомство часть или основание правды.

Так, в Сузуне был рыбак и охотник старик Широков, отец вышеупомянутого Степана Васильевича*. Вот от него-то я преимущественно и слышал много рассказов про его эксцентричного покойного родителя,

хотя то же самое слышал и от посторонних, хорошо знавших старика. Это был крепкий и здоровый человек, если и не ладно скроенный, то плотно сшитый. Отличиться какой-нибудь эксцентричной выходкой было в его характере, который, где подбало, совершенно гармонировал той пословице, что «нраву моему не препятствуй».

Старик любил и выпить, в чем ему всегда симпатизировал его приятель, бывший уставщик Сузунского завода Анчугин, человек громадного роста и, вероятно, соответствующей силы. Эти два друга в случае выпивки всегда были вместе и, хватив окаянного, чудили немало. Конечно, всего слышанного не расскажешь, да и незачем, но хотя с немногим познакомить читателя следует.

Старик Широков имел страсть к рыболовству, частенько неводил не только летом, но и зимою, когда на льду систематически прорубаются проруби и через них заводится под лед невод. Способ такой ловли, конечно, не новость, но дело не в этом, а в том, что старик, не разбирая погоды, в случае задева неводом за какую-нибудь причину, долго не раздумывал: он по прорубям умел безошибочно находить то место, где задело, ставил в прорубь длинный шест до самого дна, крепко втыкал его в почву и, живо раздевшись и крестьясь, спускался по нему в воду.

* Степан Васильевич Широков — служивший при Черкасове гитеншрейбер (письмоводитель по заводской части); еще один, наравне с Архипычем, спутник Черкасова в выездах на охоту и рыбалку. (Прим. ред.)

Раздѣлочная вѣдомость о выплавленной при Сузунскомъ заводѣ штыковой мѣди въ 1881 году.

По накладнымъ расходамъ.

По § 3-му, Ст. 1-й.

	По смѣтѣ назначе- но въ 1881 году.		Въ 1881 году упо- треблено.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
По личному составу Конторы	4669	68	4482	26

Ст. 2-й.

По содержанію разнаго рода заведеній.

	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
По заводской пробирнѣ	402	—	402	—
„ „ школѣ	228	—	228	—
„ „ церкви	552	45	551	79
„ Госпиталю	1276	—	1271	48
„ Заводскому разряду	264	—	264	—
„ Цехамъ: машинному	788	—	780	34
„ „ конюшенному	816	—	813	67
„ „ починочному и надвор- ныхъ работъ	1592	—	1585	97
„ Перевозкѣ рудъ и угля	300	—	300	—
	<u>6818</u>	<u>45</u>	<u>6197</u>	<u>25</u>

Ст. 3-й.

По расходамъ хозяйственнымъ.

	По смѣтѣ назначе- но въ 1881 году.		Въ 1881 году упо- треблено.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
На провіантъ причетникамъ и со- держаніе сиротъ	60	—	19	20
„ Разѣзды	250	—	75	1
„ Половинное жалованье больнымъ	150	—	85	9
„ Убытокъ отъ лошадей	150	—	35	—
„ Погашеніе задатковъ	50	—	—	—
„ Кормовыя нижнимъ чинамъ . . .	50	—	22	5
„ Уплату натуральной повинности за мастеровыхъ, находящихся на службѣ по условіямъ въ заводѣ и у жженія кучь	429	63	429	—
За засвидѣтельствованіе условій и разныхъ договоровъ	50	—	20	10
	<u>1189</u>	<u>63</u>	<u>685</u>	<u>45</u>

горн. журн. 1884 г. т. IV, № 10. 3

По § 7.

	По смѣтѣ назначе- но въ 1881 году.		Въ 1881 году упо- треблено.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
На учебныя пособія	50	60	42	30
„ содержаніе госпиталя	210	—	133	66 ¹ / ₂
„ Конюшни, фуражъ и сбрую	2408	58 ¹ / ₄	2127	52
„ „ починочнаго цеха	574	82 ¹ / ₂	478	48
„ „ машиннаго	648	15	598	67
„ „ пробирни	191	13 ¹ / ₂	182	29
„ Ремонтъ зданій казенныхъ	2000	—	2000	—
„ Канцелярскіе припасы, отопленіе и освѣщеніе	1349	33 ³ / ₄	1212	87
	<u>7432</u>	<u>63</u>	<u>6775</u>	<u>79¹/₂</u>
Итого накладныхъ расходовъ	19.510	39	18.140	75 ¹ / ₂

	По сметѣ назначено на 1881 г.				Въ 1881 году употреблено.			
	Вѣсь.		На Сумму.		Вѣсь.		На Сумму.	
	Пуд.	Фун.	Руб.	Коп.	Пуд.	Фун.	Руб.	Коп.
ПО РАСХОДАМЪ ОПЕРАЦИОННЫМЪ.								
Въ 1881 году положено выплавить мѣди штыковой . . .	—	23.687	—	—	—	21.500	—	—
Употреблено:								
Рудъ съ содержаніемъ въ 2 ² / ₁₀ ф.	—	179.760	—	71.843 26 ¹ / ₂	—	204.701	—	108.982 90
Прозной платы	—	—	—	31.497 60	—	—	—	—
На содержаніе перевоза Рощейновъ съ содержаніемъ въ 11 фунтовъ	—	45.000	—	58.395 5890	—	27.291	—	38.151 82
Прозной платы	—	—	—	—	—	—	—	—
Соковъ сортированныхъ съ содержаніемъ въ 1 ¹ / ₂ ф.	—	85.000	—	3000 —	—	88.350	—	2.999 10
Жалованья	—	—	—	11.811 50	—	—	—	11.760 79
Угля	9560	—	—	12.347 38 ³ / ₄	9184	—	—	11.480 —
Дровъ	1800	—	—	5400 —	1620	—	—	4.455 —
Флюсовъ	—	—	—	2265 —	—	—	—	2.205 40
Припасовъ и вещей	—	—	—	3792 95 ¹ / ₂	—	—	—	2.573 14 ¹ / ₂
Итого расходовъ операционныхъ	—	—	—	204.492 70 ³ / ₄	—	—	—	182.608 15 ¹ / ₂
Накладныхъ расходовъ	—	—	—	19.510 39	—	—	—	18.140 75 ¹ / ₂
	—	—	—	224.008 9 ³ / ₄	—	—	—	200.748 91
Изъ происшедшихъ расходовъ каждый пудъ мѣди стоить	—	—	—	9 45 ¹ / ₄	—	—	—	9 33 ¹ / ₄

Расценочная ведомость о выплавленной при Сузунском заводе штыковой меди в 1881 г. Расходные статьи. Горный журнал. 1884. Т. IV

Случалось, что он не успевал отдеть невода сразу, тогда он поднимался по шести в прорубь, выставлял в нее свою лысую голову, набирал в могучую грудь воздуху и спускался снова. Говорят, что такая водолазная экспедиция в одном адамовском костюме повторялась иногда до трех раз и все-таки кончалась тем, что старик выручал невод. Как единственное предохранение от случайности, он подвязывал себе под мышку во круг груди веревку, с помощью которой, в случае крайности, могли бы его вытащить.

Вот и вся штука! Кажется, и небольшая, и не особенно мудрая, а пусть кто-нибудь другой решится на такое добровольное погружение под лед в зимние морозы! А старик этим не особенно затруднялся и, сделавши дело, тотчас вылезал из проруби; на него прежде всего накидывали шубу и подавали стакан вина, а затем он одевался и работал за двоих. На разные вопросы по этому поводу он отвечал всегда лаконически и шутиливо:

— А ничего, там тепло, только дух спирает, вот и надуваешься, как пузырь!

И все это сходило старику без всяких последствий, даже и «никакой насмоки (насморка) никогда не приключалось», как говорил он.

Случалось не раз, что Широков ради курьеза показывал и другую свою особенность: при закуске после выпитой рюмки водки он тотчас на виду у всех ломал зубами хрустальную рюмку, толчил ее в порошок, словно жерновами, и поедал без остатка. Такие фокусы он делал обыкновенно в компании, особенно при собрании дамского общества.

Лично я этого не видал, но все знавшие старика не один раз утверждали такой факт.

По увещанию своего друга Анчугина старик решился сделать себе операцию, но не хирургическими инструментами в умелых руках доктора, а посредством зубов своего могучего приятеля. Дело в том, что у старика была на плешивой голове порядочная жировая шишка, которая почему-то сильно его стесняла, а тут его друг Анчугин предлагает ему свои услуги скусить ее зубами!..

— То есть как же это зубами? — спросил старик.

— Да так, очень просто, возьму да и откушу зубами. Будет и дешево, и сердито, значит, по дружбе, поняла? Я, брат, вон какие кости перекусываю свободно, а твою шишку и бог велел!

И вот после недолгих колебаний Широков решается на зубную операцию, преспокойно садится верхом на повернутый к себе спинкой стул, крепко обнимает его руками и говорит: «Валяй!»

Анчугин, тоже не думая долго, принялся изо всей силы своих здоровых челюстей скусывать шишку; но как он ни старался, как ни подбирался под нее зубами, никак не мог отгрызть злополучного жирового нароста. Такая оперативная попытка продолжалась несколько минут; старик обливался кровью и все-таки терпел! Но вот, наконец, сам оператор, видя свою безуспешность и измучившись до третьего пота, заявил своему другу, что он откусить шишки не может!..

Говорят, что интересная сцена была после этого между приятелями, когда кончилась неудавшаяся операция, но я ее не знаю даже и со слов других. Слышал только, что сконфуженный Анчугин, утирая окровавленный рот, бранился и говорил:

— Черт ее знает, что такое! Да она у тебя словно резиновая — только чавкает! Под зубами катается, а с головы не отделяется, пфу!

Конечно, после этого старик волей-неволей попал к доктору, долго хворал и остался, кажется, все-таки с ненавистной ему шишкой.

Поканчивая с Сузуном, нельзя не упомянуть, что он находится в области землетрясений, хотя и не сильных, но все-таки заметных. Так, например, в 1883 году 4 марта в 6 часов утра был ясно слышен подземный гул и несколько колебалась поверхность почвы. В это время я лежал еще на кровати и, слыша какой-то особый грохот, как бы от проезда большой и тяжелой колесницы по твердому грунту, тотчас подумал, что это что-то особенное. И вот, в ту же секунду, затенькали стекла в оконных рамах, потом появилась дрожь и легкое колебание во всем здании, так что в буфете зазвенела посуда, откуда-то посыпались тонкие пленки штукатурки и вертикально затрясся небольшая комнатный фонарик, привешенный к потолку спальни. Тем дело и кончилось, но другие говорили, что ощущали колебание полов, стен, потолков и что у них потрескались печи. <...>

После выполнения наряда по выплавке штыковой меди, что обыкновенно случалось в мое время к концу года, в Сузунском заводе делался ежегодно рабочий, или заводской, праздник. Для такого дня выбирался какой-нибудь табельный день* после Нового года и в более свободное время от работ. Пеклись большие пироги из крупчатки с крупной нельмой, делались мясные пряженики, покупалась очищенная водка и ставилась закуска из просоленных груздей, рыжиков, пластовой капусты и огурцов.

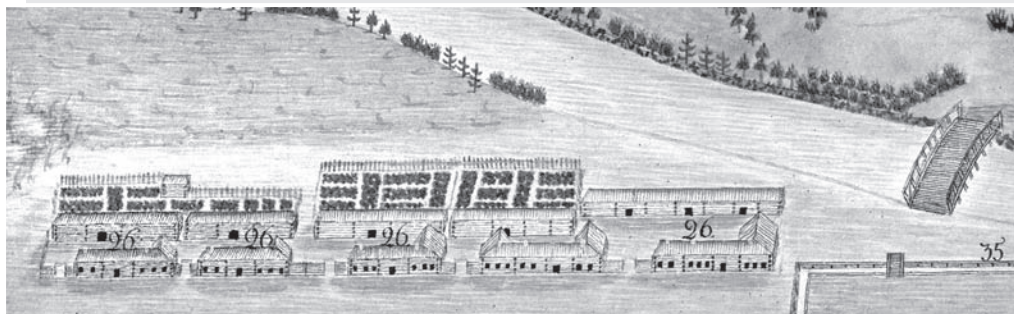
Надо было видеть, с каким всегда нетерпением ждали этот день рабочие люди, тем более потому, что за угощение они ничего не платили, а пироги с нельмой едали только в этот день!..

Конечно, праздник начинался с «поднятия образов» после обедни, которые, при большом стечении народа, приносились в самую фабрику, где и служился отцом Павлом благодарственный молебен. После Креста и окропления святой водой всех предстоящих и молящихся, а равно и всех отделений фабрики, иконы чинно уносились обратно в церковь и начинался праздник, который делался в большом теплом помещении воздуходувной машины. Тут всякому фабричному и простому рабочему подавался стакан водки и раздавались пряженики и пироги.

Большая часть людей тотчас после выпивки тут же поедали свои солидные порции пирогов, а многие из них нельмовые пироги тщательно завертывали в платочки и уносили домой, потчужа ими, как особым лакомством, свое семейство. Надо заметить, что во время празднества рабочие вели себя всегда хорошо и никогда не бывало ни одного скандала, никакой неприятности. Напротив, всюду от них слышались только одни добрые пожелания и душевные приветствия, что и говорило о их довольстве и расположении. И это последнее рабочие люди доказали не один раз в трудные минуты заводской жизни.

Так, например, 10 сентября 1876 года я встал в три часа утра, чтобы поехать на Кусковскую дорогу и пострелять с подъезда глухарей. Вдруг, сидя уже за чаем, я услышал набатный звон в заводский колокол. В ту же секунду выскочил я на улицу и увидел

* Официально отмечаемый праздничный день.
(Прим. ред.)

Вид Нижнесузунского завода. Фрагмент. 1798 (?). Российский государственный исторический архив.

На иллюстрации — квартал с «казенными домами»; это усадьбы высшего руководства завода и монетного двора. Самая правая усадьба (без огорода) — усадьба управляющего

пожар в заводской крепости, около самой фабрики и громадных угольных валов, в которых находилось более 10 тысяч коробов древесного угля.

И вот тут надо было видеть усердие рабочих, когда они тушили здание весовой, где помещались горизонтальные десятичные весы, и отстаивали заводскую фабрику и угольные валы.

Интереснее всего, как один рабочий пробрался через окно письменного отделения, которое было в общей связи с весовой, и в одиночестве, толково и не торопясь замазывал глиной щели у деревянных дверей, выходящих к горящей весовой и поливаемым из брандспойтов снаружи.

— Ты что тут делаешь? — спросил я, заметив его чрез окно.

— А вот, барин, огонь не пушаю, глиной щели замазываю.

— Как же ты сюда попал? Ведь дверь снаружи и теперь на замке!

— Так точно, она и была заперта, а я выставил потихоньку раму и пролез с ведром в окошко...

Кончилось тем, что сгорела одна весовая, а письменную отстоял именно тот рабочий, не пропустив огонь внутрь. И как не скажешь сердечного спасибо такому человеку за радение к казенному интересу и за его замечательную находчивость!

Однажды зимой я, по обыкновению, пошел утром в завод в старом нагольном полушубке и встретил на дороге едущего к моей квартире крестьянина.

— Тебе, любезный, что надо? — спросил я, остановясь.

— Да управляющего повидать надо бы...

— Ну так и говори, что тебе надо?

— Вишь ты какой бойкий! Так я тебе и обсказал свою нужу.

— Так я самый и есть управляющий, вот и говори.

— Не ври, брат! Не оплетишь! Я ведь не ребенок.

— Ну как знаешь, коли не веришь, — сказал я и ушел в завод.

Через три часа, уже из конторы, я воротился домой и вижу, что этот мужичок сидит у меня на террасе и ест шаньгу.

— Ну что, видел управляющего?

— Не!.. Черти его знают, куда-то утянулся, говорят, еще с утра.

В это время на мой звонок мне человек отворил дверь и сказал:

— Это ведь, барин, вас поджидает.

Тут мужичок встал, сунул шаньгу за пазуху, сдернул овчинную шапку и осовел до того, что забыл и свою «нужу» — я ласкою едва добился, что ему надо. Вполне удовольствовавшись моим ответом, он, крестясь и хлопая руками по шубе, тихо, как-то бочком сошел с террасы и все время что-то причитал вслух, ругая себя и оглядываясь, так что я слышал, стоя за дверью, как он говорил:

— Ну и оказия!.. Братцы мои... Вот дураков-то нас бить надо!.. Ведь даве сам в руки давался, дак не поверил!.. А оно, начальство-то, еще вон како бывает... Пфу!.. Оказия да и только!.. Вот ты и узнай его... Пфу!..

ПРИЧИНЫ УПАДКА ГОРНОЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА АЛТАЕ ПО СКАЗАНИЯМ ГОРНЫХ ИНЖЕНЕРОВ

По страницам «Сибирской газеты»

Упадок горнозаводской промышленности на Алтае составляет предмет первостепенной важности для всего горнозаводского населения края. Известно, что заводские и рудничные селения основаны на местах, не представляющих удобства не только для хлебопашества, но даже иногда для сенокосения. В этих селениях единственным источником пропитания рабочего человека является завод или рудник, но, к несчастью, выплавка металлов, а затем и добыча руд с каждым годом уменьшаются, а вместе с тем падает и благосостояние рабочих. Целяя реки чернил скатились уже с перьев горных дельцов для оправдания, позорного для них, положения горного дела, и в числе всевозможных неправдоподобных объяснений не малая вина сваливается на горнорабочих. Для примера мы приведем некоторые из позднейших документов. Управляющий сузунским заводом Ч—ов от 20-го февраля 1882 года рапортовал горному правлению: «Уменьшение производительности сузунского завода последовало единственно от посторонних причин, а именно от упадка рудничного дела вообще и медных рудников в особенности, от упадка сереброплавильной промышленности, тесно связанной с сузунским заводом по изготовлению медистых роштейнов, а главное от уничтожения запасов, как на рудниках так и на заводах, *благодаря попечительству контроля в образовании 1½ миллионного непроизводительного капитала, якобы означающего сбережение и фиктивно гласящего о неуспешной деятельности этого учреждения*». Возмущаясь неразумным накоплением такого капитала, горные дельцы добились-таки, что кассу контроля подчинили горному начальству, причем самый контроль оказался ни более ни менее, как пародией на это учреждение. Теперь все взоры обращены на непроизводительный капитал, лежащий в казенном сундуке, к которому, на совете 1882 г., всякий старался сделать надлежащий подход, мотивируя необходимость обращения капитала в дело. Даже не признанный специалист горного дела г. Маляревский отнесся сочувственно к общему стремлению и тиснул по этому поводу статью*, в которой высказал коротко, но весьма осязательно следующее: «Единственное неблагоприятное условие, общее впрочем всем рудникам, — это недостаток денежных средств**», благодаря которому эта богатая и выгодная во всех отношениях разработка не может развиваться с надлежащей полнотою. Сумма, ассигнуемая на разведочные и подготовительные работы, далеко недостаточна для успешного ведения работ и достижения полезных и выгодных результатов», потому, добавим мы, что вся она расплывается по бездонным карманам дельцов. Предвидя всю пользу, которую можно извлечь из непроизводительного капитала, никто не дремлет, в особенности после отъезда комиссии. В числе других и управляющий сузунским заводом не оставался в бездействии. От 5 но-

* Записки Западно-Сибирского отдела географического общества. 1882 г., кн. IV. (Прим. авт.)

** По мнению же людей безпристрастных отсутствия частных деятелей. (Прим. авт.)

ября 1882 г. за № 1260, он вторично рапортовал, «что за неимением запасов руд в первую треть года, а роштейнов во вторую, завод не мог действовать полной обстановкой, и не мог исполнить наряда, а в настоящее время, имея достаточный запас, встречает крайнее затруднение в рабочей силе, так что нет никакой возможности пустить завод на полный ход по силе плавильных сооружений. Рабочие люди, несмотря на осеннее время, не только не прибывают, но убывают с каждым днем, чему причиной хорошие заработки на крестьянских страдах и подешевление хлеба. Эта же причина отзывается и на углевозных возчиках. Значительное уменьшение производительности завода с 1875 г., особенно последние два года, имело громадное влияние на уменьшение конной силы, так и рабочих рук. Особенно последнее заметно отразилось на местном населении Сузуна. Многие из всегдашних заводских работников умерли, а многие принялись за пашни и гончарное производство. В последнем случае имели большое влияние низкия цены при заводе за рабочую силу, несообразную с общим вздорожанием на припасы, тогда как сбыт хлеба и спрос на этот продукт весьма увеличился, а гончарное производство дает несравненно большие заработки, чем заводская производительность, не говоря уже о свободе труда частного человека». Далее рассуждает г. Ч—в: «Действительно нельзя не обратить внимания на, заметно усиливающееся, гончарное производство, которым занимается ныне до 60 семейств, преимущественно прежних заводских работников», а потому он может выплавить меди только от 17½ до 18 тысяч и то при самых благоприятных условиях*, так что последует недоплавка до 7 тыс. пудов**.

Нам кажется необходимым разобрать этот интересный документ и показать читателям степень правдивости горных стражей, когда они начинают отстаивать себя и свои личные интересы. Начнем прежде всего с хлебопашества, как наиболее виновного, потому что им якобы занялось сузунское население. Нам известно, что Сузун со всех сторон окружен бором, в котором не только негде пахать, но даже нет порядочного корма для скота. Да и много ли можно напахать в песчаном бору, где хлеб может родиться только на так называемых полянах, т. е. на небольших низменных клочках земли, покрытых черноземом. На сколько возможно и на сколько усилилось здесь хлебопашество, можно судить по тому, что таковым из жителей занимается только один, а именно обыватель Сидор Веселков, живущий на заимке в 7 верстах от Сузуна и засевающий не более 5 десятин. Недостаток рабочих есть не более как смелая выдумка, потому что хорошие, как говорят в оправдании, заработки на крестьянских страдах продолжают не более двух летних месяцев, когда медеплавильный завод совсем не действует. Гончарного же производства на самом деле в Сузуне нет. Правда, что один много два десятка женщин и стариков, неспособных к другому труду, делают для местного потребления посуду, но в таких размерах, что это отнюдь не составляет самостоятельного производства. Хотя г. Ч—ов и уверяет, что до 60 семейств занимаются исключительно этим производством, но мы утверждаем, что там нет ни одного гончарного завода, а есть только несколько избушек для обжигания посуды, утверждаем это не голословно, а подкрепляем статистическими данными за тот же 1882 г., из которых видно, что здесь гончарен 7, работает на них 7 же человек (женщин, говорят, не считали) и что вся производительность гончарен доходит только до 280 р. Ссылаясь на статистические данные, очевидно, разнящиеся с выводами, основанными на одной изобретательности, мы попытаемся доказать нелепость фантастических сказаний горных дельцов и наглядным образом, посредством простого расчета. Полагая в каждой семье по 3 чел., в 60-ти семьях насчитается 180 чел., зарабатывающих от 90 до 150 р., следовательно средним числом по 120 р., а в итоге общий заработок должен равняться 21 600 р.; цена по 20 р. тысячу гончарной посуды, выработка таковой должна быть определена цифрой 1 008 000 штук.

Принявши же в соображение, что гончарная посуда делается в каждой деревне, будет понятно, что сбыт такого громадного количества посуды невозможен; невозмо-

* Понимай: если бы уничтожили контроль да допустили бы распорядиться непроизводительным капиталом. (Прим. авт.)

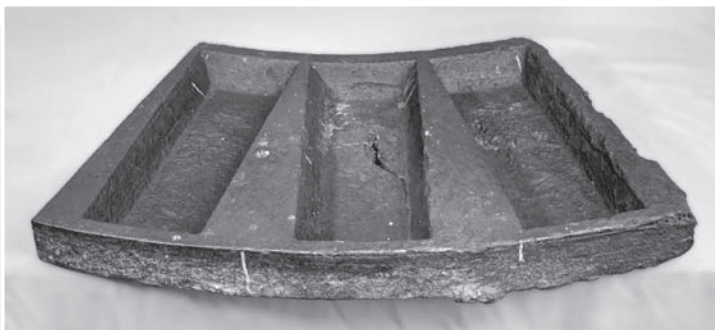
** Нам известно, что меди выплавлено еще меньше, а именно только 16 800 пудов. (Прим. авт.)

жен, если бы и весь Барнаульский округ пользовался нашим производством. Наконец, надо заметить, что гончари выделывают посуду только летом, в то именно время, когда завод не действует, а следовательно и с этой стороны они не могут быть привлекаемы к ответ-

ственности за неисполнение нашим заводом нарядов. Слыхали мы всякия небывицы, вымышленныя г.г. инженерами для своего оправдания, но такой диковинки, что сузунския бабы горшечницы убили горнозаводское производство и одолели самых заправских специалистов, признаться еще не слыхивали и не можем уразуметь, как можно решиться оправдывать падение дела, поглощающаго все алтайские доходы: оброчную подать, лесныя, поземельныя и другия такими странными выдумками.

В действительности положение сузунских рабочих таково, что, не имея местных заработков, они принуждены искать работы и зимою по деревням, где труд в это время не имеет цены. Понятно, что если бы, на самом деле, в рабочих нуждался завод, то не было бы надобности беднякам оставлять дома и семьи ради пропитания. Одним словом, рабочий голоден именно по неимению пахатной земли и отсутствию заработков, а тут официально заявляют, что он благоденствует, принялся за пашню и гончарное производство и сбывает выгодно хлеб (с непосеянной полосоньки?). Поэтому будто бы никто не идет в заводскую работу и завод имеет рабочих мест вместо назначенных сметою 21 плавильщика только 16, вместо 55 работников только 40 и вместо 42 вспомогательных только 33.

Что завод не содержит и не содержал никогда полного комплекта рабочих это совершенно верно. Можно быть уверенным, что даже рабочих содержится и меньше того, чем показывается по отчетности. Но из этого еще не следует, что это происходит от недостатка людей, невозможного в таком месте, как Сузун, население котораго, по статистическим данным, определяется в 3 546 человек. Тут есть особенные расчеты, вследствие которых сметныя назначения на все предметы крайне преувеличиваются против действительности. В подтверждение того, что и настоящих рабочих не только достаточно, но даже чувствуется излишек, можно сослаться на такие факты, что не малая часть их задолжается так называемыми приватными работами, например: выковкою из казеннаго железа разных вещей и отливкою таковых из чугуна для крестьянских мельниц и проч. Приватныя производства на сузунском заводе увеличились именно

Изложница. Чугун. XVIII — XIX в.
Из экспозиции музея «Медеплавильный завод»

Ковш разливной. Чугун. Вторая половина XVIII — XIX в.
Из экспозиции музея «Медеплавильный завод»

Один из цехов Сузунского завода. Фотография конца XIX — начала XX в.
МКУК Сузунского района краеведческий музей «Центр исторической информации»

трудом даровых казенных рабочих и казенными материалами, а тут еще уверяют, что чувствуется недостаток в рабочей силе и что горшки не дают возможности выполнять наряды. Ведь Гурьевский завод торгует же броднями и рукавицами, но говорят все-таки исполняет наряды. Положим, называемая частной производительность сузунского завода сообразно с уменьшением выплавки меди с каждым годом увеличивается и разнообразится, но это все-таки не дает никакого основания рисовать благоденствие населения и извращать факты сообразно личным видам в явный ущерб того же бедняка рабочего, будущее которого, в виду уменьшения заводского производства, становится крайне не надежным, в особенности для жителей селений, находящихся при Павловском заводе.

Назидательным в этом случае примером нам представляется селение бывшего Томского железного завода, где жители, лишившись заработка и, не имея ни пахотных, ни сенокосных угодий, лишились возможности применить к чему бы то ни было свой труд, вследствие чего впали в бедственное положение; а между тем кому неизвестно, какие мотивы изобретены для разграбления сказанного завода, которому, конечно, в руках честных людей предстояла блестящая будущность, и он мог дать работу тысячам рук. Воспоминание об этом заводе поражает каждого, кто видел эти богатства, заброшенные единственно по инициативе бывшего начальника Ф—ва, скопившего от невыгодного производства почти миллионный капитал. Но что же поделать, когда система горного хозяйства, дающая громадные убытки Кабинету, окрепла именно потому, что она выгодна для дельцов. Мы пока довольствуемся счетом похищенным суммам, увезенным отсюда и имеемым еще увезтись ныне, если правда, что многие из дельцов принуждены будут покинуть Алтай. От нового начальника заводов все ждут искоренения системы хищения, полагая, что не будет допущено подходов к казенному сундуку, подобных описанным выше, производимых даже с помощью печати такими публицистами, как г. М—ий, и иными особами, сугубо падкими до казенного добра.

ВОПРЕКИ ВСЕМ МУЗЕЙНЫМ ТРЕНДАМ

*Беседа с директором
Новосибирского государственного краеведческого музея
А. В. Шаповаловым*

// справка

Шаповалов Андрей Валерьевич — кандидат исторических наук, директор Новосибирского государственного краеведческого музея.

Разработчик и руководитель ряда крупных международных и межрегиональных проектов в области культуры и социальной политики. Эксперт по культурному наследию Росохранкультуры. Член президиума Союза музеев России. Лауреат премии губернатора Новосибирской области в сфере культуры и искусства, лауреат Всероссийского конкурса региональной и краеведческой литературы «Малая родина». Автор более 60 научных и научно-популярных работ, в том числе шести книг по истории Сибири, антропологии, музееведению.

— Музейно-туристический комплекс «Сузун-завод. Монетный двор» сегодня включает в себя три работающих объекта: Музей сибирской народной иконы, музей «Медеплавильный завод» и музей «Монетный двор». Музей «Дом и контора управляющего» находится на реконструкции и, надеемся, в скором времени тоже заработает. Обо всех этих объектах в отдельности мы поговорим чуть позже, прежде всего хотелось бы услышать ваш рассказ о том, как все начиналось. Что было до того, как в Сузуне возник этот уникальный комплекс?

На самом деле, случилась странная вещь. Про существование Сузунского медеплавильного завода все знали. Остатки одного из цехов там стояли, их даже в 1980-х годах обследовали, поставили на охрану.

— Это «Толчельня»?

Да, это знаменитая «Толчельня». Вокруг нее были еще остатки каналов, остатки каких-то бывших советских промпредприятий... При этом там была помойка, в прямом смысле этого слова: двухметровые горы мусора, которые подходили к самой «Толчельне» так, что входа не видно, все заросло подлеском, тополями.

— В каком году вы наблюдали эту картину?

В 2010 году. Задолго до нас археолог Сергей Колонцов уже ездил сюда и делал разведочный шурф прямо под зданием. В этом шурфе он так и не дошел, собственно, до каких-то исторических слоев — здание начало рушиться, посыпались кирпичи, стало опасно и пришлось прекратить работу. Я помнил эту историю, и мне не очень-то хотелось лезть на рожон. Но Александр Владимирович Кошелев, в то время он возглавлял управление по государственной охране объектов культурного наследия Новосибирской области, принялся меня уговаривать продолжить исследования территории завода. И я говорю: «Ну хорошо, попробуем. Только мы не полезем под здание, мы попытаемся поймать границы территории завода». Да, было много планов и описаний зданий и

Сохранившийся цех Сузунского завода

инфраструктуры завода, но пока ты некий план не совместишь с реальной топографией, ты не можешь говорить ни о какой исторической точности.

И мы в следующем году приехали и сделали несколько шурфов — разведочных траншей. Большая часть оказалась неинформативной, но одна траншея дала нам очень хороший результат: мы попали в ограду завода со стороны плотины. Мы подготовили очень большой план дальнейших исследований, но впоследствии решили ограничиться только более-менее доступными местами для раскопок и заложили три раскопа. В первом раскопе мы обнаружили значительный фрагмент ограждения завода. Во втором мы попали в угол прорезного цеха монетного двора (собственно, только этот угол и был доступен). И наконец, мы

раскопали большой фрагмент капитального ларя. Это, к слову, просто колоссальное сооружение! Мы до этого не понимали ни его размеров, ни его мощи — и вот увидели своими глазами.

Надо сказать, что на заводской территории высоко стоят грунтовые воды. Причем это воды не из пруда, это ключи, которые бьют прямо на этом месте. Мы могли доходить в раскопах только до этой ледяной воды и, получается, чаще всего останавливались примерно на уровне 1800 года. А в 1800 году было большое наводнение, и вслед за наводнением была перестройка завода, там много чего убрали, много чего добавили... Мы попали как раз в этот слой и получили прекрасный срез данных. За два года мы выкопали «опорные точки», и старые планы сразу стали хорошо читаться. Параллельно мы занимались архивной работой, собирали все сведения о заводе воедино. Мы заказали из Санкт-Петербургского архива копии сохранившихся планов завода, его зданий и начали эти планы сопоставлять с тем, что получилось в результате раскопок.

Это был первый, исследовательский этап. После него был разработан большой проект создания музейно-туристического комплекса, который поддержал губернатор Виктор Александрович Толоконский, было выделено финансирование. По проекту предполагался музейный комплекс из четырех объектов.

— А именно?

Первый объект — это тот краеведческий музей, который уже был в Сузуне.

— Он же давно уже существует? С 60-х годов?

Да, он создан в 1967 году и всегда располагался в очень интересном здании — в доме и конторе управляющего заводом. Мы решили, что из этого здания мы сделаем, собственно, то, чем оно изначально и являлось, — дом и контору управляющего. Покажем эпоху, когда завод возглавлял известный в то время писатель Александр Черкасов. Вторым объектом должен был стать восстановленный цех медеплавильного завода (то, что прежде ошибочно называли «Толчельней»).

Третий объект — совершенно новое здание, которое планировалось построить на месте монетного двора. Там мы хотели показать монетное производство и, собственно, нашу монетную коллекцию.

Все эти три объекта были созданы и открыты. А вот с четвертым не повезло. Была у нас хорошая мысль — построить отдельное музейное здание прямо на берегу пруда, где рассказывалось бы о Сузуне, но Сузуне без завода. То есть показать там природу, показать археологию, краеведение. Это здание было спроектировано. Но годы шли, менялись условия, и мы поняли, что работы по возведению еще одного объекта затевать не стоит, и от него отказались.

На первых порах музейным комплексом управлял рабочий поселок Сузун. Они зарегистрировали новую организацию, автономное учреждение «Сузун-завод. Монетный двор». Но дела шли у них очень медленно — у Сузунского района не хватало финансов, не хватало сил, опыта в таких проектах. Еще в самом начале работ мы обсуждали, какой статус должен быть у нового музейного комплекса. Было два варианта: либо он станет филиалом Новосибирского государственного краеведческого музея, либо независимым учреждением. И всех устраивало, что

Археологические исследования территории завода

он будет автономным сузунским музеем. Но в 2015 году глава района пришел ко мне и сказал, что собственных сил не хватает. Начали процесс передачи...

— Можно сказать, вы его создали, пустили в самостоятельное плавание, он совсем недолго поплавал...

Да, и стал тонуть.

Признаюсь, на каждом этапе «сузунской истории» я думал: «Зря я это затеял». Начиная с раскопок. Все шло крайне тяжело. Когда я согласился взять музейный комплекс на баланс Новосибирского краеведческого музея, сразу же начались проблемы.

— Но все-таки вы взялись за этот проект. Какими были ваши первые действия?

Когда мы пришли, мы сразу начали перестраивать экспозиции для всех трех объектов. Мы сделали новую экспозицию в «Доме управляющего», мы очень серьезно переделали экспозицию, которая была на «Медеплавильном заводе», и, наконец, мы создали экспозицию для «Монетного двора». В 2016 году запустили автобусный тур.

На всех этапах, с самого начала реализации сузунского проекта, мы одновременно занимались рекламой и продвижением Сузунского медеплавильного завода. Поэтому, когда мы объявили, что музей работает, к нам сразу же стали приезжать посетители. К 2016-му Сузунский медеплавильный завод и монетный двор были уже на слуху.

В этом же году глава Сузунского района принял решение передать нам здание церковно-приходской школы. Я съездил, посмотрел: здание очень хорошее. Оно старое, оно требовало капитального ремонта, но главный его плюс был в том, что оно идеально подходило для экспозиции.

Мы уже знали, что можно разместить в этом новом здании, у нас ведь был готов большой музейный проект, в котором мы постарались продумать все по максимуму, учесть все направления деятельности. И среди прочего был план продвижения и план использования местных брендов: сузунской мебели, сибирской монеты, сузунской иконы. Но с иконой у нас был некоторый ступор: вроде бы ясно, что история уникальная, но предметов в коллекции крайне мало. Народная икона широко распространилась в конце XIX века, когда здесь, в Сибири, оказалось много людей и Церковь не справлялась с поставкой икон. Вот и взялись за кисть самостийные народные мастера. Продукция их была очень дешевой. Даже по нашему очень скромному собранию было видно, что есть разные направления народной иконы. Вот — сузунская икона, вот — украинская, вот — скорее всего, тобольская, вот — Южный Урал... Мы посоветовались и решили: нам надо этой коллекцией заниматься. Мы начали покупать. Мелкой сетью прошлились по антикварным магазинам от Омска до Иркутска. В первый заход мы выгребли все, что есть. А когда мы все выгребли, то начали контролировать, где что появляется. Связались с антикварами, подружился. Мы торговались, мы смотрели, что надо, что не надо... Коллекция — это ведь довольно сложная вещь, это не все подряд. А музей — это организация специалистов по формированию коллекций. По крайней мере, должен таковым быть. И к тому времени, когда нам предложили здание церковно-приходской школы, у нас уже сложилось довольно большое собрание икон. И среди них жемчужина: сузунская икона.

Так совпало: вот она — сузунская икона, вот — народная икона, и вот оно — здание. Заметьте, мы создали музей не сузунской иконы, а сибирской народной иконы. Задача была очень простая: сохранить здание, его музеефицировать и показать нашу коллекцию, чтобы специалисты с ней работали дальше.

— Андрей Валерьевич, разве возможно наверняка атрибутировать какую-то икону как сузунскую?

Например, Евгений Ройзман, а он очень хороший специалист, считает, что сузунской школы не существует, это просто ответвление от владими́ро-суздальской школы очень позднее. Было такое село Холуй, где жили иконописцы, выезжавшие в дальние края и там, этаким вахтовым методом, работавшие. И действительно, поздний Холуй очень похож на Сузун, но есть четкие отличия. Есть выявленные имена сузунских иконописцев.

Музей сибирской народной иконы

Есть, скажем, так называемый «Мастер Богородиц». Настоящего имени его мы не знаем. Но, я думаю, имя его неизвестно потому, что никто этим серьезно еще и не занимался. Дело в том, что сузунскую икону выявил всего один человек. На исследованиях одного искусствоведа, Надежды Велижаниной, держится вся эта база. К сожалению, у нее уже не спросишь, а в ее работах те фрагменты текста, что относятся к историческим событиям, не снабжены ссылками. Я не исключаю, что со временем могут появиться другие данные. Но для нас совершенно очевидно, что «Мастер Богородиц» был. Был ли он по рождению сузунским, не сузунским?.. Но то, что у него есть целый ряд икон, на которых виден почерк автора, это бесспорно. Мы создали новый музей не только чтобы хвастаться коллекцией и людям ее показывать, это для нас стимул дальше работать с этой темой.

Как я говорил, кроме сузунской мы поставили туда разную сибирскую и просто народную икону, поскольку здание оказалось больше, чем мы предполагали. Вернее, мы пожадничали. Планировалось сделать там служебные помещения, но у нас был такой кураж, что мы решили: да ладно, служебные помещения подсократим. Выставили там нашу коллекцию медного православного литья, создали «тайную комнату». После того как мы все это сделали, обратного хода уже не было: мы и народную икону должны теперь дальше собирать, и медное литье. Нам просто придется по этой теме работать. И это неплохо!

Мы открыли музей иконы в 2018-м. Кстати, он сразу стал пользоваться успехом, люди туда ходят. И в то же время, когда мы открыли Музей сибирской народной иконы, мы закрыли музей «Дом и контора управляющего» — на реконструкцию и реставрацию. У нас тур всегда был рассчитан на три объекта, три объекта и остались.

Но, к сожалению, с «Домом и конторой управляющего» все пошло вкривь и вкось — строительный подрядчик дом разобрал и разорился. Контракт в конце прошлого года с ним был расторгнут, здание стоит в распрошенном виде. Органы охраны памятников объявляют конкурс за конкурсом, но желающих взяться за реставрацию нет. Часть денег ведь уже была перечислена первому подрядчику, а та сумма, что осталась, — весьма скромная. Никто за такие маленькие деньги за городом работать не хочет. Это тупик. У меня прогнозы самые печальные... Дом же открытый, он гниет. А у нас все склады переполнены подиумами, витринами, предметами для новой экспозиции...

— Поделитесь планами, если не секрет. Была эпоха Черкасова в доме управляющего заводом, а теперь что будет?

Там будет тоже эпоха Черкасова. Но раньше в этом музее было еще и хранилище, и кабинеты сотрудников, много всего. Теперь мы все это убираем, и здание становится больше. То есть помещений для экспозиции становится больше. И если раньше мы показывали семью Черкасова и вообще жизнь дома только его кабинетом (грубо говоря, был кабинет, гостиная и одно помещение, которое мы называли «чертежная» — этакий кусочек конторы), то теперь мы покажем ее по-настоящему. Мы по-прежнему будем говорить о Черкасове, но у нас есть новые материалы, новые данные. Когда одна экспозиция разбирается и создается другая — она, как правило, создается на новом уровне.

— На первом этаже музея «Монетный двор» сразу бросаются в глаза и более всего поражают реконструкции станков, используемых в монетном деле. Расковочный молот, плющильный стан, обрезной пресс, гуртильная машина, печатный стан... И все эти устройства выполняют те же функции, что выполняли их прототипы в XVIII и XIX веках. Кто изготавливал эти станки?

Станки делали самые разные маленькие организации, отдельные мастера, которых я нашел в Новосибирске. Например, мне посоветовали: вот есть «умелец дядя Ваня в гараже». Я еду к дяде Ване, а он, оказывается, не простой дядя Ваня, он был когда-то сотрудником ИЯФ, и в гараже у него стоит компьютерная техника и станки. Он говорит: «Сначала создадим 3D-модель...» Тут я сразу понял: «Дядя Ваня сделает». Еще одну 3D-модель сложного станка отрисовал инженер из НГТУ. А потом его изготовили на небольшом производстве. Я работал с разными людьми, это было непросто. Наша промышленность не готова делать эксклюзив. А это — эксклюзивный заказ, причем довольно дешевый, тут еще надо, чтобы человек загорелся.

— А как складывалась экспозиция медеплавильного завода?

Да там же нет никакого чуда...

— Но надо было для начала придумать печь построить.

Мы, когда проводили раскопки, поняли, что это цех медеплавильного завода, а никакая не толчельня. И на момент проектирования реставрации здания я сразу стал настаивать на том, что туда нужно встраивать печь. Заказчиком было управление по охране памятников, они ее включили в техзадание. У нас была цель: показать меде-

Сотрудники музея «Монетный двор» демонстрируют работу печатного стана

Что внутри шлейзофена?..

плавильное производство. Как можно показать медеплавильное производство? Прежде всего — печью. Из многочисленных видов и подвидов печей мы выбрали шлейзофен. Эта печь работала и в XVIII, и в XIX веке. Это такая «рабочая лошадь» всех заводов. На ней очень хорошо показывать, как процесс плавки происходил. А все остальное... Экспозиция в любом музее строится по особым законам. Она опирается на ту коллекцию, которая имеется. У нас, честно говоря, коллекция была небольшая. Были какие-то объекты, которые достались нам от Сузунского краеведческого музея, это, например, набор железных инструментов. Плюс у нас было то, что мы нашли в ходе раскопок. Это кирпичи, медь, шлак, разные деревянные детали. Мы строили экспозицию исходя из имеющегося материала, но нам очень хотелось показать еще и производство целиком, поэтому по стенам мы дали очень

много информации — планы, картинки, а в нижнем ряду представили предметы. Это такой стандартный прием.

— Кто автор огромного, удивляющего детальной проработкой макета?

Макет всего заводского поселения изготовила художник Марина Пастернак, она тогда была сотрудником нашего музея. У нас были планы и виды Сузунского завода — и производственных, и жилых строений. Я помог с деталями, объяснил, как плоскость надо поднимать в высоту, и Марина взялась за работу. Начала выставлять фотографии в инстаграме. Все макетчики в стране ей завидовали. Потому что это большой и очень интересный проект. Она фактически занималась реконструкцией. Потом она объявила: кто хочет, приходите, помогите. Какие-то люди стали приходить, помогать. Макет создавался месяца три и получился отличным. Он какое-то время стоял здесь, в Новосибирске, а потом — представьте, с каким трудом! — мы его отвезли в Сузун. Он не входил ни в одну машину. Это был ад, но мы справились.

Предметы, найденные на территории медеплавильного завода во время археологических раскопок 2010 — 2012 гг. Из экспозиции музея «Медеплавильный завод»

— Помимо зданий музейного комплекса, есть ведь еще улица. Кажется, продуман каждый квадратный сантиметр той территории, что прилегает к «Монетному двору» и «Медеплавильному заводу». Тут можно подналечь на рукоять и заставить работать реконструкцию мехов, с помощью которых раздували в XIX веке огонь в горнах, можно понаблюдать за работой чудовищной махины — водоналивного колеса, можно погладить старое растрескавшееся дерево капитального ларя, можно, если силы достанет, грохнуть молотком по специальному столбику со штемпелем и забрать себе на память не станковой, а уже ручной чеканки монетку... Да много чего можно. Но там не только интересно и познавательно, там просто приятно находиться, гулять по дощатым и гравийным дорожкам. Удивительно, что в Сузуне есть островок грамотно и по-современному организованного общественного пространства, так сказать.

Мы, когда начали раскопки, сразу столкнулись с неприятием, с сопротивлением сузунской общественности. Местные и в СМИ, и просто так, в разговорах, костерили нас: вот, детских садов, яслей не хватает... лучше бы построили больницу... закапывают деньги... Никто не верил, что что-то получится, все искренне считали: закапывают деньги, воруют.

Мы тогда сделали такой хороший проект, назвали его «Траст трехсот дворов». Выиграли федеральный грант. Дело в том, что изначально 297 дворов было на плане поселка, и вот эти улицы, дома, нарезки участков — все это сохранилось в центре. Как запроектировали какие-то питерские архитекторы в XVIII веке, так все и стоит. У некоторых домов, конечно, поменялись границы, но сами участки остались прежними. Мы попытались понять, кто где жил или мог жить тогда, когда завод работал. Потом мы сделали приложение для телефонов, оно так и было названо — Soozoon, где можно было увидеть, как выглядел раньше каждый участок и узнать, кто там проживал. Но, чтобы это увидеть и узнать, нужно было подойти к какому-нибудь дому в Сузуне и отсканировать QR-код. Мы распечатали металлические таблички с QR-кодами и пошли с ними по дворам. Целей было две. Первая — повесить вот этот QR-код. А вторая — побеседовать с людьми, вызвать в них ощущение сопричастности к истории Сузуна.

Параллельно мы проводили специальные занятия с детьми в школах. Мы объясняли: это не наше наследие — это ваше наследие, это вам все принадлежит. И, нужно сказать, за лето мы ситуацию переломили. Стонущие всегда есть, но в целом к нам стали относиться с пониманием. А дальше пошли уже материальные, зримые результаты наших трудов: был открыт памятник сибирской монете, один музей заработал, второй... Кстати, в рамках большого сузунского проекта построили мост, вычистили речку Пивоварку, впадающую в заводской пруд, отремонтировали дороги на въезде в поселок.

Жители почувствовали, что что-то происходит, что-то меняется вокруг. И постепенно привыкли к тому, что Сузун — туристический центр.

Хотя для того, чтобы он стал действительно туристическим центром, еще очень и очень многое надо сделать. Необходимо, например, построить хорошую гостиницу. Но этим должна заниматься не администра-

В зале музея «Монетный двор»

ция, а частный бизнес. Частный бизнес же не до конца верит в силу брендов, в известность и притягательность Сузунского медеплавильного завода и монетного двора. Вот человек заявляется в инвестиционную программу, получает льготную землю — и что он строит? Конечно, трехэтажное здание, которое сдает под магазины, под офисы. Я уже думал про многое... По-хорошему, взять бы и построить там музейную гостиницу. Сделать ее в купеческо-крестьянском стиле, мебелью антикварной обставить... Подобная очень неплохая частная гостиница есть в Тобольске. Если сделать все правильно — люди будут приезжать, будут останавливаться там с большим удовольствием. Но мы музей, мы не можем этим заниматься. Вернее, мы можем этим заниматься. Вот Шушенское, например, это делает. Но мы уже столько горя нахлебались...

— Я слушаю вас и все вспоминаю фразу Порошина из письма к Олсуфьеву. Когда — после всех передраг со строительством, присылкой неквалифицированных мастеровых из Екатеринбурга и прочим — в 1765 году случился еще и пожар, он прямо-таки выстонал: Сузунский завод этот «замучил и иссушает дух мой».

Вот, точно! Дух мой иссушает!

Будет монетка на память...

Водоналивное колесо. Реконструкция

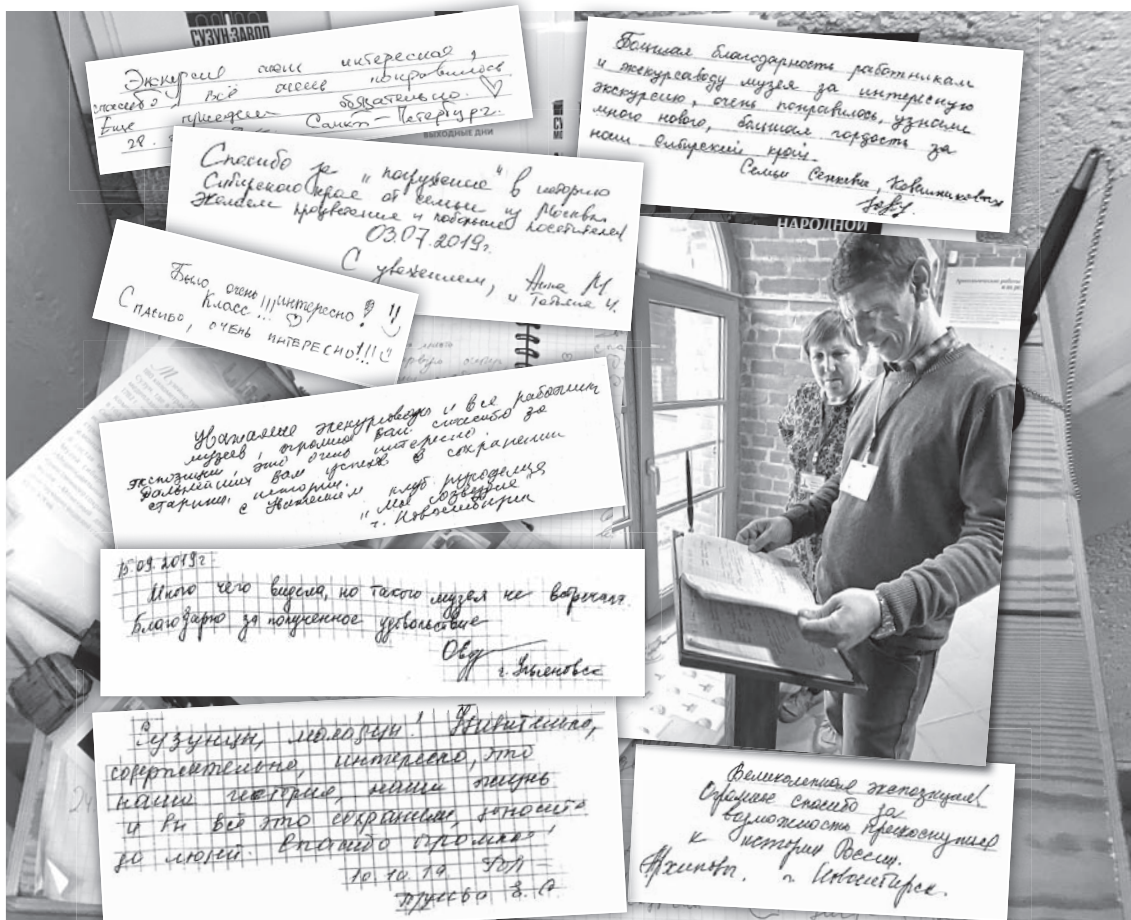
Но, знаете, сколько бы я ни клял Сузун и ни говорил, что никогда бы в жизни не взялся за этот проект, я лукавлю — на самом деле, взялся бы. Конечно, взялся бы снова. И сил потраченных не жалею. У нас не получилось создать все, что задумано было изначально, но за то, как в целом выглядит сейчас и как работает МТК «Сузун-завод. Монетный двор», мне совершенно не стыдно.

К нам приезжают на экскурсию обычные люди. Они, как правило, едут с такими мыслями: «Ну что мы увидим? Деревенский музей... Ну бывали мы в подобных музеях, ну миленько. Миленько...» Это обычное отношение к маленьким музеям. И вот они приезжают и понимают, что попали вдруг в музей очень высокого уровня. По-настоящему высокого уровня.

И конечно, приятно осознавать, что мы за пределами столиц, вдали от мегаполисов, в сельской местности, создали очень хороший музей.

Да, там есть отдельные недостатки. Меня вот, например, ужасно раздражают пластиковые двери. Ну они отвратительно сделаны! Такое здание «Монетного двора» нам построили. Но я привык критически смотреть на любую экспозицию, на любой музей, это профессиональное, наверное. А у людей такого профессионального перекоса нет, они эти несчастные двери даже не замечают. Они приезжают и сразу же поражаются разнице между тем, что они ожидали увидеть, и тем, что они видят на деле.

Поскольку мы стараемся держать высокую планку во всем, у нас жесткие требования к экскурсоводам. У нас ведь там работают местные. Но экскурсоводы они хорошие. Им самим по душе то, чем они занимаются, они много знают, они увлеченные. Они вежливые и понимают, что такое политика гостеприимства. Поэтому посетителям тоже очень нравится в музее, они оставляют восторженные отзывы, благодарят за экскурсию конкретных экскурсоводов.

— Люди, действительно, очень благожелательные работают, все сотрудники.

Мы — Новосибирский краеведческий музей. Это определенный класс работы, это высокое качество музейного обслуживания в целом. И мы не можем позволить себе снижать планку.

Это одна история — для людей, для посетителей. А есть ведь еще история для профессионалов. Недавно был международный музейный фестиваль «Музей для людей», который мы уже дважды провели в Новосибирске, и вот мы привезли в поселок большую группу музейных сотрудников, музейных маркетологов. Я наблюдал за их реакцией и убеждался, что мы и с профессиональной точки зрения сделали хорошую вещь.

В зале музея «Монетный двор»

Музей в Сузуне создан вопреки всем современным музейным трендам. Вообще всем! У нас нет ни одного телевизора, ни одной проекции, никакого 3D, мультимедиа — нет ничего этого! Это очень олдскульный музей, чистая классика. Но мы в эту классику, безусловно, добавили нечто свое. Наш посыл был какой? Мы создаем музей из настоящих предметов и реконструкций, которые работают прямо сейчас, у вас на глазах. Это не по телевизору, это работает вживую. Вот люди проходят за экскурсово-

дом по «Монетному двору», наблюдают весь процесс монетного производства и на выходе получают свежечеканенную монетку. Потом они идут по двору — водоналивное колесо вертится. И ведь оно же на самом деле вертится на воде! Говорят: «Как, вот этот ковшик воды крутит такое колесо?!» Да! Ковшик воды крутит такое колесо! К нему не подведено электричество, на колесе ничего нет, уверяю вас. Если бы это колесо соединилось валом со станком и приводило в движение механизм, этот же «ковшик воды» тоже крутил бы его, только колесо проворачивалось бы медленно и печально, со скоростью четыре оборота в минуту. Но оно все равно бы работало — на том же количестве воды.

У нас в каждом месте есть какая-то своя изюминка. Вы заходите в музей иконы — вроде традиционный музей: икона, икона, икона... Потом вам неожиданно открывают спрятанную, по-настоящему тайную комнату. И вы не понимаете, как это произошло, откуда она здесь? «Тайная комната» — и само ее появление «из ниоткуда», и ее наполнение, ее атмосфера сильно впечатляют.

Мы создали нечто не похожее ни на современные новомодные музеи, ни на старые классические музеи. И, что важно, мы создали это с нуля. На месте, где прежде была поселковая помойка.

Наверное, еще важнее то, что все было сделано нами самими. Начиная с археологических изысканий и заканчивая дизайном. Там не трудились великие столичные архитекторы-проектировщики, дизайнеры и т. д. Все, что вы видите, все без исключения, сделано, так скажем, на новосибирской интеллектуальной базе.

И, кстати, все это сделано по музейным меркам очень задешево. Это крайне дешевый проект, по большому счету весь музейный комплекс обошелся в копейки. Понятно, что это условные «копейки»: реставрация здания — это большие деньги, по-иному не бывает, строительство здания — большие деньги. Однако сама музейная «начинка» там — ну очень дешевая! К тому же создавалась она в течение пяти лет, даже больше. Мы все время могли оперировать какой-то весьма ограниченной суммой. Были годы, когда нас вообще не финансировали. Ну не было денег на масштабный проект — ну и ладно, мы занимались исследованиями, делали то, на что в принципе денег не требуется. Проводили какие-то мелкие незатратные улучшения...

Мы и сейчас так же работаем.

СОДЕРЖАНИЕ

Вписан в историю России... От составителей.	2
Сузунский завод в зеркале времен.	
<i>Беседа с историком сибирской металлургии В. В. Ведерниковым.</i>	6
Особливая сибирская монета. Александр Родионов.	20
О жеребьях, чеканенных на Сузунском монетном дворе. Составил по справкам из дел Сузунского и Барнаульского архивов П. К. Рингс.	41
Небесные всадники. Надежда Велижанина.	55
Очерк Сузунской ярмарки.	
<i>По страницам «Томских губернских ведомостей».</i>	58
На Алтае. Александр Черкасов.	62
Причины упадка горнозаводской промышленности на Алтае по сказаниям горных инженеров.	
<i>По страницам «Сибирской газеты».</i>	80
Вопреки всем музейным трендам.	
<i>Беседа с директором Новосибирского государственного краеведческого музея А. В. Шаповаловым.</i>	84

Над номером работали:
М. Акимова, М. Щукин, В. Титов, О. Вялкова

На первой странице обложки:
Водоналивное колесо. Реконструкция. МТК «Сузун-завод.
Монетный двор».

На второй и третьей страницах обложки:
Вид Сузунского завода. Фрагмент. 1800 (?). Российский
государственный исторический архив.

На четвертой странице обложки:
План, профиль и проспект нижнесузунского завода кальци-
нирофенной фабрики. Декабрь 1798. Российский государ-
ственный исторический архив.
План и профиль плавильной фабрики Сузунского завода.
1801 (?). Российский государственный исторический архив.

Адрес редакции и издателя:
630007, г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, 19, тел.: (383) 223-10-15
E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»
630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104
<http://книгосибирск.рф>

Подписано в печать 10.12.2019 г.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.